

- [Избранные ученые труды Святителя Николая Архиепископа Японского](#)
 - [От составителя](#)
 - [Список литературы](#)
 - [Япония с точки зрения христианской миссии 12](#)
 - [Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам90](#)
 - [Япония и Россия151](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [*](#)
- [**](#)
- [***](#)
- [****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)

Введение

Содержание

**Избранные ученые труды Святителя Николая
Архиепископа Японского**

Архиепископ [Николай Японский](#) (1836—1912) (в миру Иван Дмитриевич Касаткин) широко известен во всем мире как глава Русской Православной Миссии в Японии, он отдал более 50 лет своей жизни делу просвещения японцев православной верой. В 1970 г. он был прославлен в лике святого равноапостольного Русской и Японской Православными Церквями. Будучи человеком необыкновенных дарований и неукротимой энергии, святитель Николай сумел не только организовать проповедь Православия в Японии, но и стал первым русским японоведом. Между тем, если миссионерские заслуги святителя Николая известны довольно широкому кругу людей в России, Японии и многих других странах, то его труды как автора первых серьезных отечественных работ по истории и культуре Японии до сих пор остаются малодоступными для широкого читателя. Эти работы публиковались в журналах и газетах второй половины XIX — начала XX веков и давно уже стали библиографической редкостью. Научные труды архиепископа Николая представляют большой интерес не только потому, что они написаны человеком высокого образования и пространных знаний в истории, литературе и богословии, но и потому, что и сегодня, пожалуй, найдется немного работ, столь добросовестно и талантливо повествующих об истории, культуре и национальном характере японского народа.

Ученое наследие святителя Николая довольно обширно. В настоящее издание мы решили включить три его основополагающие исторические работы: «Япония с точки зрения христианской миссии»; «Сёогуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам» и «Япония и Россия». Все три работы, видимо, написаны святителем Николаем во время его двух кратковременных пребываний в России в 1869—1871 гг. и в 1879—1880 гг. Первые две опубликованы соответственно в 9, 11 и 12 номерах «Русского Вестника» за 1869 г. В этих трудах автор подводит итог длительного восьмилетнего изучения Японии. Третья статья опубликована в ноябрьском номере журнала «Древняя и Новая Россия» за 1879 г. Известно, что в 1879—1880 гг. архимандрит Николай приезжал в Россию для принятия епископского сана и сбора средств на постройку токийского собора Воскресения Христова (известен в Японии под названием «Никорай-до» — храм Николая) [1; стр. 39].

Когда молодой двадцатичетырехлетний иеромонах Николай в 1861 г. прибыл в город Хакодате на острове Хоккайдо в качестве настоятеля маленькой церкви Воскресения Христова при первом русском консульстве в Японии, он намеревался вести миссионерскую деятельность среди местного населения. Но сразу приступить к этому оказалось совершенно невозможным. В Японии того времени проповедь христианства была запрещена под страхом смертной казни.

Первые проповедники христианства появились в Японии во второй половине XVI века в лице католиков-иезуитов. Японцы проявили удивительную склонность к принятию христианства и в начале XVII века по некоторым сведениям из семимиллионного населения до 300 тысяч были христианами [21; стр. 76] (по другим сведениям намного больше). Но очень скоро на христиан было воздвигнуто гонение, и почти все они были жестоко истреблены, а миссионеры были высланы из страны. Это было вызвано не неприятием христианской веры, а неблагоприятным поведением многих миссионеров, которые вмешивались в политику, были нечужды земных выгод и действовали часто грубыми методами. Поэтому, как писал сам святитель Николай, «японцы смотрели на иностранцев, как на зверей, а на [христианство](#) — как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только преступники...» [14; стр. 96]. Кроме того, в течение нескольких столетий Япония была закрыта для иностранцев, и почти никто не мог познакомиться с японским языком, историей и культурой народа непосредственно в Японии. Миссионерская деятельность была невозможна без глубокого изучения страны.

Святитель Николай так писал об этом: «Отправившись в Японию в звании настоятеля консульской церкви, я старался в продолжении моего восьмилетнего пребывания изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельской проповедью». [10; 1869, № 9 стр. 221]

К началу второй половины XIX века представления русских о японцах, их жизни и культуре составились на основе отрывочных сведений и суждений немногих европейцев, побывавших в стране, а также благодаря русским мореплавателям и японским морякам, волею судеб оказавшихся в России. По мере освоения морских путей некоторые мореплаватели доходили до Японских островов. В начале XIX века свои наблюдения о Японии и японцах написали И.Ф. Крузенштерн¹, В.М. Головнин², П.И. Рикорд³. Особенный интерес представляли записи В.М. Головнина, который в 1811—1813 гг. находился в заключении в Мацумаэ и Хакодате (2).

Хотя к середине XIX века российское востоковедение сложилось в самостоятельную отрасль науки [см.3], но географический охват исследуемых стран был еще ограничен. Япония в силу своей закрытости в течение двух с половиной столетий оставалась экзотической страной за семью печатями, ее глубокое исследование еще не начиналось и отставало от развития наук о других странах Азии. Оно находилось во многом на донаучном уровне, питаясь дневниковыми записями отважных путешественников, переводами европейских японоведов, и обслуживало те немногие контакты по линии внешней политики и торговли, которые нехотя, под нажимом допускало правительство Японии. Особенно заметно было отставание японоведения на фоне тех заметных успехов, которых достигла российская китаистика к середине XIX века, во многом благодаря исследованиям сотрудников Российской духовной миссии в Пекине.

Русский консул в Хакодате И.А. Гошкевич⁴, обращаясь с просьбой прислать нового настоятеля консульской церкви, наметил широкую программу деятельности этого настоятеля. Консул Гошкевич, сам серьезно занимавшийся изучением языка и культуры страны пребывания, просил, чтобы прислали на настоятельское место «не иначе как из кончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной деятельностью, но и учеными трудами, и даже своей частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам». (цитируется по: [1; стр. 10])

Молодой иеромонах Николай не сразу принялся за изучение японского языка. Он писал в письме митрополиту Московскому Иннокентию⁵: «В бытность Вашу в Хакодате, семь лет тому назад, Вы, увидев меня за французскою книгою, изволили выразиться: «Бросить бы теперь все эти книги, мало полезные здесь, и приняться тщательно за изучение японского языка». Ваш совет я свято хранил в памяти и старался следовать ему. Раскрылись предо мною японские книги. Свободно течет, хоть и с ошибками, японская речь...» (цитируется по: [18; стр. 172])

Святитель Иннокентий принял очень горячее участие в жизни начинающего миссионера иеромонаха Николая, делился с ним своим богатым опытом. В Хакодате святитель Иннокентий оказался из-за кораблекрушения. Владыка плыл на Камчатку в конце августа 1861 г., когда началась сильная буря. Судно разбилось, но все плывшие на нем спаслись. Начальник русской эскадры Лихачев, прибывший к месту крушения на пароходе, предложил высокопреосвященному Иннокентию идти на Камчатку через Японию. Краткое вынужденное пребывание святителя Иннокентия в Хакодате было неоценимым даром для молодого миссионера иеромонаха Николая. Он начал серьезно готовиться к миссионерской деятельности, сосредоточив все свои усилия на изучении японского языка и Японии. Известный русский востоковед Дмитрий Позднеев⁶ в 1912 г. писал о трудностях, с которыми столкнулся святитель Николай на этом пути: «Располагая теперь огромным количеством всевозможных грамматик,

словарей, изданных с переводами и комментариями текстов, громадным количеством пособий по истории, [религии](#) и быту Японии, мы все же говорим, что изучение японского языка представляет собою чрезвычайную трудность. В каком же положении был архиепископ Николай, брошенный в этот огромный японский мир с одним только желанием изучения языка Японии, но без мало-мальски удовлетворительных пособий к этому на доступных для него языках». [12; стр. 503]

О том, как святитель Николай учил японский язык, несмотря на такие сложные условия, сохранилось много свидетельств. Первый учитель, которого иеромонах Николай нанял, пришел на занятия два-три раза и исчез, испугавшись, видимо, преследований. На любого японца, регулярно общавшегося с иностранцами, тогда еще смотрели с подозрением. Когда же удалось, наконец, начать заниматься, иеромонах Николай учился сразу у трех учителей, так как мог работать с утра до вечера, а учителя не могли выдержать такой нагрузки. Не упускал иеромонах Николай и других возможностей для изучения Японии и японского языка. Он ходил послушать и заезжих рассказчиков, которые собирали неизменно множество слушателей в особых залах — «говорильнях». Понять историю, излагающуюся часто с юмором и в очень быстром темпе, было непросто. Но зато иеромонах Николай мог много узнать из этих историй для изучения японской жизни. Слушал он и буддийских проповедников, стремясь понять и усвоить приемы японского красноречия и особенности местного понимания смысла жизни и мировоззрения. Обо всем этом пишет патриарх Сергей (Страгородский)², который в бытность свою архимандритом два раза в 1890—1893 гг. и в 1897—1899 гг. ездил в Японию и был сотрудником Русской Православной Миссии. (См. [15; стр. 298—306])

Молодому иеромонаху приходилось встречаться с неприязнью и даже злобным отношением к себе, иногда в него бросали камнями, натравливали собак. Но горячее желание узнать, чем живет этот такой необычный, замкнутый народ, как он молится и во что верит, не угасало, а все более разгоралось в будущем миссионере. Сохранились сведения о том, что иеромонах Николай прочитал с учителем китайских классиков, разные сочинения японских писателей древнего и нового времени. Кроме того, он прочел с буддийскими священниками добрую часть трудной для понимания буддийской литературы. [5; стр. 148] Для этого надо было изучить камбун — письменный вариант японизированного древнекитайского языка, на котором написана большая часть древней литературы Японии по истории, философии, религии. Чтобы преодолеть такие невероятные трудности, требовались не только настойчивость и самозабвение, но и выдающиеся способности.

Святитель Николай писал впоследствии: «Много было потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. Сколько родов разговорного языка, начиная почти от чисто-китайского диалекта до вульгарной речи, в которой, однако, неминуемо вплетаются китайские односложные слова. Сколько разных способов письма, начиная тоже от чисто китайской книги до книг, написанных фонетическими знаками, между которыми опять-таки неизбежно путаются китайские иероглифы. От взаимной встречи и переплетения этих двух языков, принадлежащих к двум различным семействам, с грамматическими конструкциями, совершенно непохожими одна на другую, какое громадное количество выродилось и самых невероятных грамматических сочетаний, форм, частичек, хвостиков, часто, по-видимому, ничего не значащих, но требующих однако большой деликатности в обращении с собою. И такие люди, как пресловутый quasi-знаток японского языка, француз Рони, осмеливаются писать грамматики японского языка. Хороши грамматики, которые приходится бросить в угол, как ненужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию. Видно, долго еще изучающим

японский язык придется изучать его инстинктом, чрез чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи. Так инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений». [20; стр. 247—248]

Итак, ревностными восьмилетними трудами святитель Николай смог достичь отменного знания языка, истории, культуры, литературы и религии японского народа. Он свободно, красиво и просто научился объясняться по-японски. Его современники говорили, что он «едва ли не самый ученый человек в японском смысле», так как «он знал китайских иероглифов столько, сколько редко кто знал из самих японцев». [13; 1873 том 105 стр. 435] Д.М. Позднеев, близко знавший святителя и пять лет общавшийся с ним, свидетельствовал, что у архиепископа был сильный иностранный акцент, кроме того, его произношение носило оттенок северо-японского диалекта. «Но это нисколько не мешало ему быть понимаемым всеми японцами от мала до велика, богатство словаря и легкость построения фраз давали его речи силу, приводившую в восторг всех японцев... Фразы были короткие, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркие и сильные». [12; стр. 504]

В японской прессе того времени неоднократно отмечалось, что архиепископ Николай знал Японию лучше самих японцев. [16; стр. 195]

Первая работа святителя Николая, включенная в наш сборник, «Япония с точки зрения христианской миссии», написана как итог восьмилетнего пребывания в стране и тщательного изучения ее языка, культуры, религии и истории. Основой для этой публикации послужила «Докладная записка» иеромонаха Николая директору Азиатского Департамента П.Н. Стремоухову от 12 июня 1869 г. (См. [11; стр. 570—615]) Эта записка была сокращена святителем Николаем для «Русского Вестника», он исключил из нее практические соображения по организации утверждавшейся Православной Духовной Миссии в Японии.

Иеромонах Николай убедился, насколько Япония отличалась от всех представлений о ней, бытовавших в России и других странах в то время. Как уже говорилось, в России середины XIX века еще не было накоплено глубоких и систематизированных знаний о Японии, поэтому работа иеромонаха Николая явилась первой серьезной научной статьей, написанной не только после тщательного изучения страны, но и на основе личного опыта жизни на острове Хоккайдо с целью выяснить, есть ли почва для распространения христианства в Японии.

Святитель Николай первым увидел уникальность японской культуры и ее непохожесть на другие восточные государства. Он писал: «В этой тридцатипятимиллионной империи крайнего Востока все как-то чудно, все не по-нашему, но вместе и не по-восточному». По точному наблюдению святителя Николая, отличие Японии от других восточных стран состоит прежде всего в отсутствии «абсолютного деспотизма сверху и безответного раболепства снизу». [10; № 9, стр. 219]

Святитель подметил, что хотя в Японии императорская династия считается имеющей божественное происхождение, как везде на Востоке, но деспотами японские императоры никогда не были. [10; № 9, стр. 220]

Невежество и отупение, а также неподвижность — понятия, часто связывавшиеся с пониманием Востока на Западе, не характерны, по словам святителя Николая, для Японии. «Японцы вовсе не отупелый и не невежественный народ... Здесь образование не высоко и не глубоко, зато оно разлито почти равномерно по всем слоям народа». [10; № 9, стр. 221]

В статье доказывается, что гордость, самодовольство и неподвижность, также «японцам чужды в тех размерах, в каких мы приписываем их восточным народам». [10; № 9, стр. 222] Говоря о готовности японцев учиться у европейцев, святитель Николай отмечает, что «гений народа не может развиваться без взаимодействия других народов». [10; № 9, стр. 224]

Наблюдавшаяся у японцев с середины XIX века активность в деле перестройки всех сфер жизни общества «дает случай убедиться, что японцы одарены удивительной упругостью духа». [10, № 9, стр. 224] Указав на то, как японцы живы и свежи духом, и как быстро они откликнулись на призыв европейской цивилизации, святитель Николай переходит к характеристике религии японского народа.

Прежде всего, он излагает основные положения и особенности национальной религии японцев «синто». Он кратко раскрывает содержание японской мифологии и определяет эту религию как «поклонение духам предков, начиная с самых первых богов в мире». [10; № 9, стр. 226] Предками японских императоров и обычных японцев, согласно верованиям синто, были боги. Архиепископ Николай отмечает: «Чем ниже общественное положение человека, тем больше у него богов, потому что кроме своих пенатов, он чтит знаменитых предков людей высших сословий; наоборот же не бывает». Существует также множество местных богов. Архиепископ Николай делает вывод, что это — религия народа, который «не в состоянии возвыситься своим умом над окружающим миром и готов воздать божеские почести всему, что его поразит и возбудит его удивление». [10, № 9, стр. 232] Поэтому синто не мог оказать почти никакого сопротивления буддизму, пришедшему в Японию из Кореи и Китая. Но национальная религия не исчезла, а видоизменилась, превратившись в национальное, чисто гражданское учреждение для поддержания народного духа, для развития гражданских добродетелей и утверждения могущества Японии на веки вечные». [10; № 9, стр. 234]

Кратко сформулировав особенности буддизма, архиепископ Николай пишет, что, приняв буддизм, «японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты...» [10, № 9, стр. 238] Изложив историю и догматы основных буддийских сект в Японии, архиепископ Николай анализирует также и конфуцианство, которое он характеризует в виде «нравственно-богословской школы». [10; № 9, стр. 243] Поскольку и конфуцианство не дает человеку ответ на вопросы о начале мира и человека, о высшем Существо, о назначении человека, то это позволяет сделать вывод, что «японский народ слишком умен, развит и свеж, а его религии слишком отстали и нелепы, чтобы удовлетворить его». [10; № 9, стр. 246]

В заключительной части статьи святитель Николай исследует факты, показывающие, что японский народ проявляет «наклонность к принятию христианской религии». Он приходит к выводу, что в ближайшее время в Японии будет возможна открытая проповедь христианства, что запрещение японцам принятия христианства уже не выполняется так строго, как в предыдущие два с половиной века. Святитель Николай пишет: «Чем больше я знакомился со страной, тем больше убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро понесется из конца в конец империи». [10; № 9, стр. 219]

В то время это был неожиданный для многих в России вывод. Народы Дальнего Востока пользовались «репутацией весьма малой восприимчивости к христианству». Китайцы обнаруживали «замечательную, чисто языческую грубость религиозного чувства». [19; стр. 429] В японоведческой литературе стало штампом утверждение об исключительном равнодушии японцев к вопросам веры. Вероятно, этот стереотип был рожден после того, как знаменитый японский маркиз Ито Хиробуми⁸ выразился однажды с «похвальбой» о своих соотечественниках, сказав, что это — «самый атеистический народ на свете...» [19; стр. 429] Но иеромонах Николай сумел увидеть в жизни японского народа очень многое, свидетельствующее о том, что в Японии «атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходит прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, от того, что народ исчерпал их до дна и они больше не удовлетворяют его». [10; №9, стр. 225]

В целом, статья «Япония с точки зрения христианской миссии» является глубоким обобщающим исследованием особенностей японской культуры, намечающим пути развития

этой страны. Концепция исторической судьбы Японии, выдвинутая святителем Николаем, выдержала испытание временем и представляет большой научный интерес и сегодня.

Второй научный труд святителя Николая, который мы включили в наш сборник, более обширный, чем первая статья.

«Сёогуны и микадо» — это первый исторический очерк Японии на основании глубокого изучения японских книг по истории. Святитель Николай, по его собственному признанию, ознакомился со всей литературой по Японии, написанной европейцами, но обнаружил, что никто из писателей... не был в состоянии заглянуть поглубже в душу японца и проследить развитие и разные проявления его духа. [9; №11, стр. 207] Главным препятствием для серьезного изучения Японии в то время было незнание европейцами японского языка, а также камбуна.

Очерк святителя Николая, по его собственным словам, «написан на основании японских историй: Дайнихонси, Кокусирияку, Иси и Нихонгвайси⁹ (так по правилам второй половины XIX века транскрибировалось «Нихонгайси»), Таким образом, святитель Николай первым из европейцев составил исторический очерк Японии на основании ее собственной литературы, а не «по внешним наблюдениям, поверхностным расспросам и догадкам». [9; № 11, стр. 207]

Своим очерком святитель Николай хотел «дать ключ к уразумению» событий «Мэйдзи исин», современником и внимательным наблюдателем которых он был. Впервые в европейском японоведении он определил эти события как революцию. При этом он видел внутренние причины для такого поворота событий. «Было бы ни с чем несообразной ошибкой полагать, — писал он, — что современную революцией Япония обязана вторжению к ней иностранцев. Эта революция давно уже подготавливалась... Приход иностранцев лишь на несколько лет ускорил взрыв». [10; № 9, стр. 260—261] По вопросу о характере событий «Мэйдзи исин» среди японистов до сих пор идет дискуссия, поэтому точка зрения одного из самых серьезных первых русских японистов, бывшего современником этих событий, имеет большое научное значение. Святитель Николай впервые в японоведческой литературе исторически обосновал закономерность революции как результат внутреннего развития, ускоренного внешним фактором. Причины революции он видел в недовольстве князей чрезмерными унижениями со стороны сёгунов Токугава.

Святитель Николай дает краткую характеристику системы власти, которая существовала до сёгуната¹⁰. Сущность положения императорской династии в Японии после возвышения фамилии Фудзивара в начале VIII века он видит в том, что император оставался «венчанным рабом невенчанной власти». [9; №11, стр. 210] При установлении системы сёгуната по существу положение императора не изменилось. Фактически власть находилась в руках военного диктатора, но номинально сохранялся и микадо¹¹. Автор доказывает, что причиной сохранения такой двойственной структуры власти были народные верования в божественное происхождение императорской династии. В исследовании делается вывод, что никто из сёгунов «не давал микадо и тени власти и влияния на государственные дела». [9; № 11, стр. 218]

Кроме отношения института сёгуната к императору, автора очерка интересуют обстоятельства возникновения сёгунской системы власти, основные этапы ее развития. В то же время он детально исследует появление и этапы развития удельной системы в Японии, ее расцвет. На страницах очерка разворачивается живая картина истории объединения страны и особенностей порядка, который установился на долгие годы и был отменен революцией 1868г.

Упадок императорской власти привел к возникновению удельной системы, первые признаки тяготения к которой святитель Николай усматривает еще задолго до возникновения системы сёгуната.

В очерке убедительно показывается, как удельная система стала основой для

междоусобных воин. Святитель Николай рисует страшную картину жизни средневековой Японии, когда «дерется все, что только способно носить оружие и хочет драться». [9; № 11, стр. 227] Святитель Николай Японский совершенно верно изложил процесс превращения временных владений в наследственные вотчины в VIII веке и удивительно точно обрисовал особенности этого процесса на юге, севере и в центральной части Японии, где прежняя форма поместья сохранялась дольше, (ср., например, (4))

В очерке также необыкновенно живо и подробно описываются личности и деятельность трех объединителей Японии Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Святитель Николай первым в европейском японоведении подробнейшим образом излагает историю титулов в Японии в эпоху семи веков существования сёгунов. Он указывает, что «сами японцы постоянно сознавали недостаточность» титула сёгуна, но тем не менее, он так и не был пересмотрен. Святитель Николай считал, что «усвоенные европейцами наименования микадо — духовным императором, а сёгуна — светским, решительно неудачны». Вместо этого он предлагал называть первого — «номинальным императором», а другого «действительным». [9; № 12, стр. 437]

При сёгуне Токугава Иэясу князьями были приняты 13 знаменитых правил, или указ из 13 статей, обозначавшие их обязанности. В своем очерке святитель Николай впервые приводит текст этих правил, который неопровержимо свидетельствует о строгой подчиненности князей сёгуну и доказывает необоснованность встречавшейся тогда у некоторых европейских ученых концепции о конфедеративном устройстве Японии при сёгуне Токугава Иэясу.

Таким образом, архиепископ Николай сумел создать стройную и целостную концепцию исторического развития Японии с основания государства и до событий эпохи Мэйдзи (1868). Глубокое знание истории, культуры и религии Японии дало возможность святителю Николаю убедительно опровергнуть господствовавшие в исторической науке Европы и России второй половины XIX века представления о Японии, как типичной стране Востока, неподвижной в своем развитии под действием деспотизма, невежества и национальной спеси.

Третья работа, включенная в настоящее издание, статья «Япония и Россия» написана уже совсем в других условиях ровно через десять лет после первых двух работ. В это время христианству открылся уже широкий доступ в Японию. В 1870 г. была основана и Русская Православная Миссия, православных японцев к 1879 г. насчитывалось до 6 тыс. чел.

Статья написана уже не простым иеромонахом, а архимандритом Николаем, главой Православной Миссии. В следующем 1880 г. 30 марта архимандрит Николай был возведен в сан епископа. Япония конца 70-х годов XIX века тоже была уже совсем не та, что во время неурядиц «Мэйдзи исин». В нескольких пунктах Японии, помимо православной миссии водворились на постоянной основе и католическая, и протестантская. Инославные миссии были хорошо обеспечены, имели уже по несколько епископов, роскошные храмы. Статья «Япония и Россия» и написана архимандритом Николаем для привлечения поддержки русского государства и общества делу упрочения Русской Православной Миссии в Японии.

Архимандрит Николай характеризует японский народ как «доброго исторического деятеля», сумевшего за 20 лет после открытия Японии внешнему миру совершенно преобразить свою страну, заимствуя у иностранцев все хорошее. Архимандрит Николай справедливо полагал, что этот сдвиг был подготовлен всей исторической жизнью японской нации. Святитель Николай считал, что в основе столь быстрых и разительных перемен были «некоторые черты японского народного характера». Прежде всего, это — свобода и самостоятельность народного духа, сформировавшегося в благоприятных внутренних условиях. По мнению архимандрита Николая, «японский народ никогда не был восточным народом, в смысле безмолвного раба, с которым можно делать, что угодно». [8; 1879, XV, стр. 221]

Внешние исторические обстоятельства, тщательно исследованные в данной работе, также «способствовали выработке самостоятельности народного духа, мужества и национальной гордости японцев». Святитель Николай подчеркивал, что «национальный дух японцев не ослаблен никакими внешними несчастьями, никаким унижением перед внешним врагом». [8; 1879, XV, стр. 222]

В то же время японский народ не грешил глупым самодовольством, а столкнувшись с угрозой национального порабощения, проявил удивительную трезвость сознания и готовность учиться, то есть качество замечательного умственного развития. Святитель Николай доказывал, что японский народ не уступал по развитию самым образованным народам земного шара. Свежесть и бодрость народного духа способствовали успешному движению Японии по пути ликвидации отсталости от других народов. В статье нарисована подробная картина преобразований в Японии на протяжении короткого 20-летнего периода после открытия страны.

И далее следует утверждение, очень важное для России. Есть все объективные предпосылки для того, чтобы Япония и Россия не мешали друг другу, а, напротив, оказывали взаимные услуги. Но святитель Николай ясно видел, что одних внешних предпосылок для дружбы и приязни недостаточно, нужны еще и духовные связи. Он пишет удивительные по своей глубине слова: «...жизнь человеческая — по преимуществу жизнь духа, и только в области духовной могут быть связаны и отдельные люди, и целые народы истинно-прочною связью». [8; 1879, XV, стр. 229] Поэтому святитель Николай полагал, что православная миссия, преследующая только духовные цели, имеет и важное политическое значение. По его словам, если Япония прямо примет истинное христианство, то это создаст непоколебимую основу и государственной стойкости и благосостоянию. Для России это означало бы прочную связь с Японией, дало бы возможность обеим странам «многие и многие века идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга». [8; 1879, XV, стр. 230]

Святитель Николай был уверен, что японцы обнаруживали склонность именно к православию, от успешного просвещения Японии христианством, по его мнению, зависело и дело просвещения других народов Дальнего Востока.

Таким образом, святитель Николай Японский придавал самое серьезное значение сближению России и Японии. Он подчеркивал необходимость изучения Японии для России, доказывал, что у Японии большая государственная будущность. К сожалению, нельзя сказать, что голос святителя Николая был сразу услышан, в России многие оставались невосприимчивы к словам архиепископа Николая, отношение к этой стране часто было невежественным и даже презрительным. Не было в русском обществе в конце XIX века глубокого понимания значимости фундаментального и профессионально подготовленного изучения Японии. Поэтому и важность для России и всего мира создания Духовной миссии в Японии архимандриту Николаю приходилось горячо доказывать.

Успехи православной миссии в конце XIX — начале XX веков были сравнительно с инославными (католической и протестантской) миссиями поразительными. Но, к сожалению, православное вероисповедание в Японии в дальнейшем не получило более широкого развития, чем в этот период. Для того, чтобы выяснить причины этого, надо проделать специальное исследование. Предварительно можно указать на некоторые обстоятельства, приведшие к этому.

Конечно, самым главным препятствием к дальнейшему распространению православной веры в Японии явилась революция 1917 г. в России. Она привела к тяжелейшим гонениям на Русскую Православную [Церковь](#). В результате Православная Миссия в Японии, не успев встать полностью на ноги и превратиться в самостоятельную Церковь, лишилась поддержки и помощи от Матери-Церкви. Кроме того, духовная атмосфера в мире резко изменилась, темные силы, дотоле сдерживавшиеся Русским самодержавием и сильной Православной Россией, получили

большую свободу. Это не могло не сказаться на духовном состоянии всего мира и на положении русских духовных миссий. Значительным отрицательным фактором для просвещения Японии православной верой было усиление в стране шовинистических, милитаристских тенденций, приведших к началу 30-х гг. XX века к репрессиям против «ненадежных элементов», то есть всех несогласных с «духовной мобилизацией» для ведения захватнической войны. В Японии была выработана идеология государственного синтоизма, ставшего обязательным для всех. Согласно навязывавшимся всем японцам идеям тэнноизма (идеологии культа императора) японцы — первая нация в мире, потомки небесных богов во главе с «живым богом» — императором, ведущим происхождение от богини солнца Аматэрасу, должны были распространить господство Японии на весь мир. (17) Период милитаризма был временем крайне неблагоприятным для [проповеди](#) христианства. После поражения Японии во II Мировой войне в 1945 г. политические нецерковные силы отторгли Японскую Православную Церковь от Русской Православной Церкви, что также ослабило проповедь православной веры, так как вызвало смятение и даже раскол в рядах духовенства и верующих. Лишь в 1970 г. Японская Православная Церковь преодолела нестроения, вернулась в лоно Матери-Церкви, получив от нее автономию.

Таким образом, пока реальная история православия в Японии не дала возможности сбыться надеждам святителя Николая на широкое распространение православной веры в Японии, но это нисколько не умаляет значимости научных исследований архиепископа. В дальнейшем святитель Николай сознательно отказался от научной деятельности, отдав все свои силы и способности Церкви. Но именно то, что он был поистине ученым японоведом, помогло ему стать не просто православным миссионером, но Апостолом всей Японии. Сам архиепископ писал: «Много раз манила меня на свое поле наука: японская история и вся японская литература — совершенно непочатые сокровища... Мои же силы всецело посвящены миссионерству» [1; стр. 55]. Великолепное знание японской истории, культуры, быта и религии всегда помогало святителю Николаю в проповеди, в устройстве Церкви в Японии, не говоря уже о его поистине титанической переводческой деятельности для нужд Церкви. Говоря об исторических работах святителя Николая, надо особо отметить его новаторскую смелость в разработке таких фундаментальных проблем японской истории, как концепция системы власти в период феодализма, проблемы духовных традиций японского народа, уникальности национального характера и обычаев. Поистине талантливо решена проблема терминологии. Велика также заслуга святителя Николая в разработке русской транскрипции японских терминов.

Еще при жизни архиепископа называли «всемирно известным японоведом» [6; 1911 г. № 11] Его многочисленные научные заслуги позволили присвоить ему звание почетного члена Императорского Общества востоковедения и Русско-японского общества.

Можно с уверенностью утверждать, что ученые труды святителя Николая Японского были тем фундаментом, на котором в начале XX века так быстро расцвела историческая школа японоведения в России. Первые и самые трудные шаги в исторической науке о Японии были сделаны профессионально и уверенно архиепископом Николаем. Его научные труды явились программой для дальнейших исследований таких крупных русских японоведов XX века, как Евгений Генрихович Спальвин (1872—1933), Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937), Николай Иосифович Конрад (1891—1970), Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938), Сергей Григорьевич Елисеев (1889—1975) и многих других.

Есть немало свидетельств, что и после того, как сам святитель Николай отошел от сугубо научной исследовательской деятельности, он продолжал работать для развития русского японоведения, являясь наставником, советчиком для многих японоведов, оказывая содействие и помощь очень многим русским исследователям, приезжавшим в Японию на стажировку.

Фактически он выполнял роль декана и научного руководителя очень многих начинающих ученых. Он поддерживал широкие научные связи, направлял и готовил значительную часть публикаций о Японии в России.

Безусловно, в значительной мере заслугой архиепископа, результатом его стараний по организации изучения Японии в России можно считать наметившееся после русско-японской войны 1904—1905 гг. сближение между двумя странами, к сожалению, не получившее закрепления в последующий после революции 1917 г. период.

Известный японский русист, специалист по творчеству Ф.М. Достоевского, очень много сделавший для ознакомления научной общественности с деятельностью архиепископа Николая, Накамура Кэнносукэ писал, что он «был миссионером и японистом одновременно» и « во второй половине XIX века не было другого такого большого русского знатока Японии, каким являлся Николай». «...Николай Японский был русский японист, который всю свою жизнь старался перебросить мост взаимопонимания между людьми России и Японии». [7; № 23, стр. 86, 90]

Точные наблюдения архиепископа Николая о японской истории, культуре, национальном характере и сегодня привлекут внимание всех интересующихся Японией.

Список литературы

1. *Антоний, архиепископ (Мельников)*. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай. — «Богословские труды», сб.14, М., 1975.
 2. *Головнин В.М.* Записки флота-капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе, ч 1—3, СПб, 1816.
 3. История отечественного востоковедения до середины XIX века, М., 1990.
 4. *Н.И. Конрад*. Надельная система Японии, — в книге: *Н.И. Конрад*. Избранные труды. История, М., 1974.
 5. *Мануил, митрополит (Лемешевский)*. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы, Куйбышев, 1966, часть V, цитируется по немецкому изданию: Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893—1965. Bio-Bibliografie von Metropolit Manuil (Lemeš evskiy) bis zur Gegenwart ergänzt von P. Coelestin. Patock OSA Teil V, Erlangen, 1987.
 6. «Миссионерское обозрение», 1911, № 11
 7. *Накамура Кэнносукэ*. Святой Николай Японский — один из первых русских японистов в России, — в журнале «Гэнгобунка-букиё» («Вестник отделения филологии и культуры») университета Хоккайдо, 1992, спец. выпуск № 23.
 8. *Николай, архимандрит*. Япония и Россия. — «Древняя и Новая Россия», 1879, XV.
 9. *Николай, иеромонах*. Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам. — «Русский Вестник», 1869, №№ 11—12.
 10. *Николай, иеромонах*. Япония с точки зрения христианской миссии. — «Русский Вестник», 1869, № 9.
 11. *Николай, иеромонах*. Япония. Докладная записка директору Азиатского Департамента П.Н. Стремоухову. 12 июля 1869. — «Русский архив», 1907, кн. 1.
 12. *Позднеев Д.М.* Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. — «Церковные ведомости», 1912, №№11—13.
 13. «Русский Вестник», 1873, т. 105.
 14. *Сергий, архимандрит*. На Дальнем Востоке. Изд. 2., Арзамас, 1897.
 15. *Сергий, архимандрит*. Письма русского миссионера. — «Богословский вестник», 1896, май.
 16. *Сергий, архимандрит*. По Японии (Записки миссионера), М., 1998.
 17. *Сила-Новицкая Т.Г.* Культ императора в Японии. Мифы, история, доктрины, политика. М., 1990.
 18. «Спасайте детей». Поучения святителя Иннокентия, митрополита Московского, Апостола Сибири и Америки. Санкт-Петербург, 1998.
 19. *Тихомиров Л.* Христианские задачи России и Дальний Восток. — в кн.: «Апология веры и монархии», М., 1999.
 20. «Христианское чтение», 1869, № 1.
 21. Japanese Religion. Токуо, 1974.
- Т.Г. Сила-Новицкая, к.и.н.**

Отправившись в Японию в звании настоятеля консульской церкви, с миссионерской целью, я старался, в продолжении моего восьмилетнего пребывания там, изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны евангельской проповедью. Чем больше я знакомился со страной, тем больше убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро понесется из конца в конец империи.

В этой тридцатипятимиллионной империи крайнего Востока все как-то чудно, все не по-нашему, но вместе и не по-восточному. Как мы понимаем Восток? Абсолютный деспотизм сверху и безответное раболепство снизу, невежество, отупение и вместе с тем невозмутимое самодовольство и гордость, а вследствие этого неподвижность, — вот понятия, которые у каждого из нас неразрывно связаны с понятием о восточных государствах. Тем более, по-видимому, означенные качества должны бы принадлежать Японии, как стране очень древней и, во все время своего существования, имевшей сношения почти исключительно с одним Китаем, отсталость и неподвижность которого вошли в поговорку. И что же мы видим на самом деле в Японии? Императорская династия здесь, правда, считается, как почти везде на Востоке, имеющею божественное происхождение, но деспотами, в том смысле, какой мы привыкли соединять с этим словом, императоры никогда не были. Я встретил в истории лишь одного императора, в период наиболее цветущего состояния Японии, который взглянул было на свою власть как на принцип полнейшего самовольства, и вследствие того стал охотиться на людей с луком и стрелами и делать тому подобные дурачества, но его постигла внезапная смерть, и история очень недвусмысленно говорит о причине этой внезапности. Другой, наследник престола, показывал склонность сделаться подобным императором, но за эту склонность государственный совет прямо лишил его права на престол. Вообще об императорской династии в Японии (она одна от самого основания империи, с 667 г. до Р. Х.)¹³ можно не обинуясь сказать, что она блистательно исполнила свой долг: дала стране очень хорошее гражданское устройство, — лучшее, чем то, которое существует теперь не по вине императоров, — доставила народу военную славу завоеванием корейских государств, ввела его в сношения с Китаем и чрез то даровала стране хоть то образование, которое выработал до нее Китай, и, наконец, жертвуя собой, своим божественным авторитетом, внесла в империю буддизм, более высшую форму религиозного сознания, чем древнейшая религия японцев — синту¹⁴, обожение духов предков.

Кончив свою миссию и как будто истощенная ею, императорская династия впала в бездеятельность, в апатию, и Япония, не задумываясь долго, создала себе новую форму правления. Вышло нечто очень оригинальное: император, по-видимому, продолжал быть тем же императором; титулы и почести на словах и в книгах остались за ним, но власть перешла к более живым и сильным деятелям — сёгунам¹⁵ (сёгун в буквальном переводе: генерал). С этими властителями Япония уже не много церемонилась: сёгунских династий, менее, чем в продолжение 700 лет (с 1186 г.), у нее перебивалось шесть, причем только те из сёгунов держались крепко и прочно, кто удовлетворял национальным потребностям. Это ли деспотизм? И где же безответственность и раболепство? Начните говорить с людьми разных сословий, спуститесь до крестьянина самого глухого околотка, и вы удивитесь здравому и вместе независимому образу мыслей народа о своем правительстве. Самый строгий образ правления был установлен

последнюю, низверженную в прошлом году, сёгунскую династией. Япония была опутана сетью шпионов; самые суровые меры были приняты для устранения сношений с иностранцами. Но первое относилось почти исключительно к обузданию удельных князей; второе, по понятию сёгунов, очень основательному триста лет тому назад, предупреждало страну от завоевания ее иностранцами. Что же касается до народа, то он имел гораздо более условий к сознанию своей гражданской свободы, чем народы многих государств в Европе. И при всем том как еще недоволен был народ существовавшим порядком вещей! Интересно было послушать, как купец негодовал на такие-то и такие-то пошлины, правду сказать, вовсе не обременительные, как крестьянин роптал за взимание повинностей, как все презрительно отзывались о чиновниках, которые «почти все даже взятки берут, такие они негодные!» как вообще весь народ корил правительство за бедность страны, между тем как нищих почти не видно, и каждую ночь, в любом городе, улицы увеселительных домов стонут от музыки и пляски. Это ли восточное безгласное раболепство пред властелинами?

Из сказанного уже видно отчасти, что японцы вовсе и не оупелый и не невежественный народ. Правда, образование здесь не высоко и не глубоко, но зато оно разлито почти равномерно по всем слоям народа. Конфуций здесь альфа и омега ученой мудрости, но зато он, будучи задолблен до последней буквы ученым японцем, неизвестен и последнему простолюдину, который по нем, большею частью, учится читать и писать. Про другие страны мира до последнего десятилетия и самые ученые японцы почти ничего не знали; но зато и в отдаленной деревушке вы не найдете такого невежды, который бы не знал, кто такой Иоритомо¹⁶, Иосицуне¹⁷, Кусуноки, Масасинге¹⁸ и прочие исторические деятели, или не сумел бы сказать, на север или на запад от него лежит Едо¹⁹, Мияко²⁰ и другие важные местности. Весной вы идете по улице и видите толпы ребятишек, пускающих змея; вас заинтересовала чудовищная рожа, намалеванная на змее: спросите у ребятишек, кто нарисован, — они наперерыв друг пред другом поспешат рассказать, что это Киёмори²¹, или Такаудзи²², или кто другой, и будьте уверены, они расскажут историю удовлетворительно: мать или старший брат, готовя им змея, позаботились в то же время ознакомить их с этими историческими лицами; а часто короткая повесть об них напечатана тут же на обороте листа. Вот остановились на улице две девушки и рассматривают картинки в книжке; одна из них хвастается пред свою подругой покупкой, которую только что сделала: это какой-нибудь исторический роман. Покупать книги здесь, впрочем, нет особенной надобности: здесь такое множество общественных библиотек, и так баснословно дешево берут за чтение книг, причем даже не нужно трудиться ходить в библиотеки, потому что книги разносятся ежедневно по всем улицам и закоулкам! Полюбопытствуйте заглянуть в эти библиотеки: вы увидите почти исключительно военно-исторические романы (таков вкус народа, воспитанный вековыми междоусобными смутами), и вы не найдете книги в девственной чистоте; напротив, они истрепаны, так что в ином месте невозможно и прочитать написанное: несомненный признак, что японский народ читает. Да, число грамотных и читающих в Японии не уступит количеству таковых в любом из западных государств Европы (о России я и не говорю!), и это несмотря на то, что самые простые японские книги писаны наполовину китайскими знаками. Ведь чтоб овладеть процессом чтения их, нужно убить три-четыре года! И при всем том японцы прилежно учатся читать. Этот ли народ можно назвать оупелым? Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то события последнего пятнадцатилетия²³ служат наглядным доказательством того, что японцам чужды и эти качества в тех размерах, в каких мы приписываем их восточным

народам. Правда, у японцев много национальной гордости, и они не могут не иметь ее: в продолжении двадцати пяти веков существования их империи²⁴, они ни разу не согнули своей шеи под чужое ярмо; ни разу даже переменчивый жребий войны не дал им случая усомниться в своем превосходстве над другими нациями. Напротив, всякий раз, когда они сталкивались с айнами, с Кореей и даже с Китаем, они лишь торжествовали успехи своего оружия. Первые, наконец, окончательно покорились им, или ушли от них на Курильские острова; Корея целые века несла им дань; самый Китай, по временам, заискивал и пресмыкался пред ними; словом, история их внешних сношений, до последнего времени, всегда неизменно оставалась лишь историей побед и торжества. Прибавьте к этому учение их национальной религии, остающейся и до сих пор заверяющей их, что они произошли от богов, что Япония вечная любимица богов, что прочие страны что-то вроде пустырей, созданных богами как бы случайно и потом брошенных без всякого внимания. Удивительно ли, что японцы до последнего времени смотрели на иностранцев как на варваров, не очень высоко ценили их силы и даже строили планы подчинения себе всего света? Но увы! Даже и в те времена самодовольства и гордости, в параллель к партии слишком высоко мечтавшей об Японии, была партия совершенно противоположная ей. Напуганным католическими пропагандистами XVI столетия, японцам глубоко запала в душу мысль, что Европейцы непременно имеют намерение завоевать их страну, и в каждом китобое, случайно появлявшемся у их берегов, им беспрестанно мерещился шпион, подглядывающий, что делается у них. А сколько тревоги наделали когда-то наши Хвостов и Давыдов!²⁵ Как Япония зашевелилась и стала вооружаться! Какую громкую славу приобрели себе здесь эти два немного взбалмошные лейтенанта, и какой ужас навели на всех, начиная от Кунашира до Киусиу!²⁶ И как они подняли кредит России в глазах японцев: и Англия сделалась одною из русских губерний, и весь свет предпринял завоевать наш царь заодно с турецким султаном! Наконец, чему я не хотел верить, пока сам не прочитал в очень серьезной японской книге, были японцы, до того боявшиеся иностранцев, что предлагали проект провести по всем побережьям Японии каналы, чтоб избежать плаванья по морю, где ходят иностранные суда, и правительство уже приступало к исполнению этого проекта, по крайней мере посылало инженеров осматривать места, удобные для проведения каналов. Это ли гордость и самонадеянность! А что говорят события последнего времени? Едва прошло пятнадцать лет с открытия Японии для европейцев, и посмотрите как изменился дух правительства и народа. Не говоря уже о правительстве, почти каждый удельный князь выбивается из сил, чтобы завести у себя пароход, достать европейское военное оружие, обучить солдат европейской военной тактике, приобрести молодых людей, сведущих в европейских языках и науках. Как восторженулся народ, как все ясно увидели свою отсталость, и как искренно и энергично стараются поправить дело! Как все хотят видеть, знать, изучить европейское! Живущие в Японии знают с каким самоотвержением молодые люди добиваются случая попасть за границу; без преувеличения можно сказать, что если бы была материальная возможность, пол-Японии уехало бы за границу учиться. Похоже ли все это на Китай, который целые столетия знаком с Европейцами, и при всем том до сих пор воображает, что не ему следует учиться у европейцев, а что, напротив, европейцы приезжают позаимствоваться от него светом мудрости. Когда-то Япония со всею готовностью и охотой приняла китайскую цивилизацию; шестнадцать веков она неизменно была под ферулой этой цивилизации и прониклась ею, по-видимому, до мозга костей. Везде, начиная от постройки дома до религиозных убеждений, везде и во всем копия Китая; своего собственного японцы

не изобрели ровно ничего, кроме разве сёогунского звания, и то оправдываемого ими на основании подходящих примеров из китайской истории. Даже под сомнением, их Синту не есть ли тоже заимствование древнейшей китайской религии; все это, если хотите, доказывает мелкость японского народного гения (а быть может и то, что гений народа вообще не может развиваться без взаимодействия других народов), но вместе с тем дает случай убедиться, что японцы одарены удивительною упругостью духа. Весь наплыв китайской цивилизации был как будто чем-то допущенным по уговору на время. Теперь она не нужна, и японцы легко и свободно бросают ее, как сбрасывают устарелое платье, и смелою, можно сказать, дерзкою рукой хватаются за все европейское. Взгляните, что делается в настоящую минуту: они, ни более ни менее, трудятся пересадить на свою почву английскую конституцию, с ее выборными, с ее парламентом, с ее королевской властью; да, говорят, и то еще мало; «хотели де ввести американский образ правления, да не могли справиться с ним, немного раненко для страны». Конечно, еще сомнительно, во время ли им и английская конституция; их возня с нею что-то очень напоминает мартышку и очки: в одно полугодие прошлого года они уж успели два раза редижировать свою конституцию, не считая разных подскребков и подчисток, встречающихся в официальных газетах. Но я хочу указать лишь на то, как японцы живы и свежи духом, и как быстро они откликнулись на призыв европейской цивилизации.

Какая же у этого народа религия, и как он относится к ней? Японский народ, наравне с китайским, справедливо укоряют в атеизме, или в индифферентности к делам веры. Но что за причина этих качеств, по-видимому, совершенно несвойственных народам полуобразованным? Тот ли это атеизм, что по временам охватывает и европейское общество, приводя в смущение благочестивые души и возбуждая горячую деятельность апологетов веры? Нет, совершенно другой. В Европе атеизм всегда служит в известной мере характеристическим указателем успеха в науках, поднятия умов на высшую ступень развития. Первые поставившие ногу на эту ступень, в порывах безотчетной радости венчающей успех, провозглашают на все лады торжество ума человеческого, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотят оглянуться ни на что другое, хладнокровно взвесить свою находку и указать ей приличное место в кругу знаний человеческих. Толпа сбегается на зов этих глашатаев и вторит им, часто не понимая в чем дело. Но вот на ту же ступень взошли и люди более хладнокровные, ступили туда, наконец, хранители и истолкователи богооткровенной истины, рассмотрели в чем дело, сличили новое открытие с учением веры и, к удивлению массы, это открытие оказалось не только не противоречащим вере, но подтверждающим ее истинность. Принимают народы плод науки в круг своих знаний, еще крепче привязываются душою к своей неизменной, спасительной истине, и продолжают свой путь, и целые века будут идти. Много раз слабодушные будут иметь случай претыкаться на этом пути, но не исчерпают народы безбрежного океана божественной мудрости, не возвысится, не покичится человеческое знание над истинами религии, и не истощит человеческая нравственность ее идеалов святости. Не то в языческих странах вообще, не то и в Японии. Здесь атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходит прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, от того что народ исчерпал их до дна, и они больше не удовлетворяют его.

Вот синту. Что это за религия? Поклонение духам предков, начиная с самых первых богов в мире. Что же это за боги? Видны в них могущество, мудрость, величие и тому подобные качества? Ни одного; это просто слабые смертные, даже без тех чувственно-привлекательных качеств которыми боги Греции когда-то вдохновляли поэтов и

художников к созданию неподражаемых образцов классического искусства. Если японские боги иногда творят, то этот акт совершенно не вяжется с другими их действиями, обличающими в них образцовое тупоумие. Самый первый бог явился в мире случайно, уже после того как хаос разделился и образовал небо и землю. О действиях этого бога и следовавших за ним пяти поколений неизвестно ровно ничего. Лишь боги седьмого поколения начали творить. «Внизу, должно быть, есть земля», сказал Изанги, стоя вместе с богиней Изанами на небесном мосту. Он погрузил небесный жезл вниз; с поднятого жезла капнула капля и образовала остров. Изанаги и Изанами²⁷ сошли на него и стали обходить кругом, он в одну сторону, она в другую. Когда сошлись, она первая сказала приветствие. Изанаги рассердился за непочтительность, так как ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли остров снова. На этот раз Изанами придержала язык. После первых объяснений, оказалось, что они могут быть мужем и женою; но как? К счастью, откуда-то взялась очень живая птичка, известная в России под именем синицы, села пред ними и научила их супружеству. Тогда они стали рождать японские острова; перворожденным они были недовольны, так он оказался весьма небольшим (остров Авадзи); они родили побольше и так далее, наконец, родили горы, леса, моря и животных. Из всех их детей Аматерасуками²⁸ оказалась самою красивою, и они послали ее управлять небом: это богиня солнца. Но их сын Сосано²⁹, к неудовольствию родителей, оказался совершенным грубияном и забиякой; бить, сокрушать, приводить в слезы было его любимым занятием; родители послали его за это в ад. Пред отходом туда, Сосано попросился сходить на небо, повидаться со своею старшею сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая что он замыслил отнять у нее владения, и встретила его вооруженной с ног до головы, но Сосано успел уверить ее в невинности своих намерений и оставлен был погостить. Ему, однако, не терпелось без проказ: то он вытопчет рисовые поля сестры, загнавши на них лошадей, то, подкравшись к окну, у которого она сидит за ткацким станком, нечаянно испугает ее до того что она до крови уколет себе руку челноком. Наконец, он окончательно вывел ее из терпения, когда сделал одно крупное неприличие в ее парадной комнате, в которой она приготовилась праздновать осенний урожай. Без малейшей опаски, она вошла и села, чтобы начать праздничную трапезу, но, о ужас! запах пренесносный, и новое платье все испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла в пещеру и затворилась навсегда. Можно себе представить, что случилось с несчастным миром: все погрузилось во мрак; ни дня, ни ночи; все бродят ощупью. Боги думали было, что Аматерасу посердится и выйдет. Не тут-то было! Она не на шутку рассердилась. Боги были не глупы, знали чем выманить свою любимицу. Они собрались у входа пещеры, насадили зеленых деревьев и увешали их разными прелестями, заманчивыми для женского глаза, как-то: зеркалом, ожерельями; тут же посадили петуха; заставили его петь, а сами ударили плясовую. Не вытерпела богиня, отодвинула камень, чтобы взглянуть в отверстие; но в ту же минуту рука ее очутилась в сильных дланях бога силы, который заранее поставлен был на страже у входа; как ни упиралась богиня, но была вытащена; тут ее окружили соломенною веревкой, пристали с просьбой: «не уходи, не уходи опять!» и тут же обещались примерно наказать негодяя Сосано. Аматерасу не заставила себя долго упрашивать, и вот мир до сих пор наслаждается солнечным светом. А Сосано пришлось плохо: ему скрутили руки назад, выщипали ему длинную бороду и сбросили с неба. Он, впрочем, не потерялся и на земле. Он упал в теперешнюю провинцию Идзумо³⁰; здесь набрел на плачущих старика и старуху; при вопросе, о чем плачут, они объяснили, что семиголовый змей переел всех их детей: теперь очередь за последнею дочерью. Сосано обещался убить змея, если они потом

отдадут за него дочь; старики с радостью согласились. Тогда Сосано велел построить семь шалашей и в каждый поставил по бочке вина, а сам спрятался и стал ждать; змей пришел, ощутил запах вина, вложил в каждый шалаш по голове и натянулся допьяна, так что заснул. Тогда Сосано стал рубить его в куски; когда дошел до хвоста, его сабля, при ударе, зазубрилась; он осмотрел хвост внимательней и нашел в нем саблю, которую и препроводил в подарок сестре Аматерасу. Затем женился, построил домишко и стал жить-поживать; даже сложил песенку про свое веселое житье, известную и доньше. В Идзумо он пользуется особенно усердным почитанием. А Аматерасу продолжала жить по-своему: воспитав сына Сосано и усыновив его, она хотела было отправить его на землю, но этот отказался, предоставив свои права сыну, Ниниги³¹. Аматерасу и послала Ниниги в Японию, отдав ему эту страну в потомственное владение. С ним она отправила большую свиту, наказав ей хранить господина и верно служить ему; вручила также внуку, при прощаньи, зеркало, меч и осмигранный драгоценный камень, как знаки его достоинства. Ниниги сошел на землю, заблудился было здесь, но, по счастью, встретившийся бог путей Сарудихико³² проводил его в Хиунга³³ (на остров Киусу), где он и поселился. Его дети: Хоносусо и Хоходеми³⁴ разделили между собою занятия: первый удил рыбу, второй охотился за зверями, и каждый из них был очень счастлив в своей ловле. Однажды они, для пробы, поменялись орудиями охоты; но Хоносусо ничего не достал в горах и возвратил лук и стрелы брату; а Хоходеми не только ничего не поймал на рыбной ловле, но и уду потерял; в вознаграждение он сделал брату своему новую уду, но тот ничего не хотел вместо своей прежней и настойчиво требовал ее. Хоходеми, в горести бродя по берегу моря, встретился с одним стариком, который, узнав причину его печали, сделал короб и в нем спустил Хоходеми на дно морское. Здесь Хоходеми нашел великолепный дворец морского бога, который хорошо принял его и женил на своей дочери. Чтобы найти удочку, собраны были рыбы, у одной замечен был рот пораненным, и удочка оказалась у ней. Три года прожил здесь Хоходеми, и когда, наконец, захотел отправиться на землю, морской бог снабдил его на всякий случай двумя шариками, имевшими то свойство, когда бросить тот или другой в море, возвышать или уменьшать морской прилив. Возвратясь на землю, Хоходеми, при помощи этих шариков, одолел брата, закрепил за собою власть и стал мирно царствовать. Но при рождении сына, он лишился своей жены. Тоётоми, почувствовав приближение родов, сказала мужу: «я беременна; выбрав бурный день, построй мне на берегу родильный шалаш, и ожидай». Входя в приготовленный шалаш, Тоётоми запретила мужу идти за нею; но Хоходеми, подстрекаемый любопытством, пробрался к шалашу и стал подсматривать: он увидел дракона, обхватившего ребенка. Заметив, что за ним подсмотрели, дракон быстро ушел в море. Так как шалаш еще не успели покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный назван был Фукиаваседзу³⁵ (непокрытый). От Аматерасу до него включительно пять поколений: это и есть так называемые поколения земных богов. Вот нить главных событий космогонии синту. Но генеалогия богов этим далеко не оканчивается, а скорее только здесь начинается. К семи поколениям небесных богов Японцы почти не обращаются, земных богов, за исключением высокочтимой Аматерасу, тоже редко утруждают молитвами: это области очень высоки и неподходящи для обыденного богопочитания. При всем том Япония полна богами. Откуда же они? Очевидно, откуда. С сыном Фукиаваседзу, Дзимну³⁶, первым в ряду микадо³⁷, начинается достоверная история Японии. Дзимну перешел с Киусиу на Ниппон³⁸, которым тогда владели айны, дрался с ними, был на первый раз оттеснен, потом успел отнять у них

значительную часть территории и утвердился на Ниппоне: все это действия очень обычные для простых смертных завоевателей, но в то же время Дзимну был сын бога, потомок Аматерасу и чрез нее небесных богов, очевидно что он и сам бог. За ним в той же степени боги все его преемники, до нынешнего микадо, о котором Японцы выражаются, что «только пожелай он, небесный огонь сейчас же падет и поглотит всех иностранцев». И вот, следовательно, ряд богов, уже более доступных для каждого, потому что эти боги более знакомы с земными делами. Из ряда императоров микадо, ознаменовавшие себя чем-либо особенно полезным для отечества, чтутся с особенным усердием. Например, Хациман. Кто же такой Хациман³⁹, которому такое множество храмов Японии, и в честь которого устраиваются такие великолепные военные процессии? Это бывший микадо Воодзин⁴⁰. Вы развертываете историю, прочитываете про Воодзина и, правду говоря, не находите ничего особенного: он был из очень обыкновенных микадо. Но вы забыли главное; загляните в историю предшествовавших микадо: это была мать Воодзина, Дзингу⁴¹, завоевавшая Корею; а завоевала-то собственно, не она, а Воодзин, которым она была беременна в ту пору. Всякому известно, как это было; императрице совсем уж приходило время родить, когда она собиралась в Корею, но она взяла на берегу простой камушек, заткнула его за пояс и сказала: «да не родится дитя, пока я с победой не вернусь в отечество», и дитя не родилось, оно только переместилось на более удобную, по его мнению, квартиру. Дзингу во время похода была вооружена; между прочим один из рукавов ее платья замечали постоянно наполненным чем-то; все думали, что там у нее нужные в походе вещи: ремешки, веревочки и тому подобное, но все ошибались: там и был Воодзин, только не в рукаве, а в руке. Итак, не великая ли услуга отечеству и вместе не дивная ли сила божественная — завоевать государство, будучи еще в теле матернем? Понятно после этого, отчего Хацимана так усердно чтут военные, считающие его по преимуществу своим богом. Предки микадо — боги и самого микадо, и всего народа вообще. Но с неба вместе с Ниниги пришло много великих мужей; их потомки живут и доселе, и чтут их как своих фамильных богов; но деяния тех мужей принесли пользу отечеству, поэтому и весь народ, за исключением самого микадо, обязан чтить их, и чтит. Наконец, весь японский народ, если разобрать его родословную, божественного происхождения: все в конце концов происходит от Изанаги и Изанами, поэтому все боги, и каждый человек обязан чтить своих предков как богов, молить их о покровительстве, приносить им жертвы; степенью богопочтения к предкам обуславливается для каждого домашнее счастье или несчастье. Входя в японский дом и любопытствуя взглянуть на божницу, вы всегда найдете бумажку с именами и жертвы пред нею; на вопрос о значении бумажки, вы узнаете, что на ней имена домашних пенатов. Иногда тут же стоит безобразный, закопченный идол: это непременно предок, чем-нибудь особенно хорошим ознаменовавший себя для рода. Часто этот предок заинтересует вас своим карикатурным, уморительным видом; вам хотелось бы приобрести его для коллекции редкостей: не стесняйтесь, предложите цену подороже, чем за обыкновенную куклу, вам продадут его. Чем ниже общественное положение человека, тем больше у него богов, потому что, кроме своих пенатов, он чтит знаменитых предков людей высших сословий; наоборот же не бывает. Для императора было бы постыдно воздавать поклонение предкам какой-нибудь другой фамилии, какими бы заслугами они ни ознаменовали себя; некоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандалом, и возбуждало народное осуждение. Для членов знатной фамилии, например Фудзивара⁴², Минамото⁴³, Таира⁴⁴, было бы постыдно чтить богов какого-нибудь купца. Но есть боги и

из низких сословий, чтимые всем народом. Это люди, ознаменовавшие себя особенно великими заслугами, например Хидеёси⁴⁵. Есть также множество местных богов, возникших из невысокого звания; например, такой-то открыл в горе золотую руду и потрудился для разработки ее; натурально, что и по смерти он покровительствует этой горе и работающим на ней; местные рудокопы строят ему храм и приносят жертвы; от рудокопов мало-помалу почитание переходит в народ, и вся местность незаметно приобретает нового бога-протектора. Это делается особенно легко и скоро, если бог заявит себя каким-нибудь чудом; а мало ли средств чудо-действия? Присниться кому во сне и сказать нравственное наставление или пропеть стишок, блеснуть под вечер синим огоньком в окрестности, окликнуть кого нечаянно в уединенном месте, прошуметь странным звуком между деревьями, когда нет ветра: бог может быть уверен, что все это примется в должном смысле, быстрою молвой пройдет в народе, и слава его упрочится. Наконец, чествуются и боги зловредные, для того чтоб умолить их не делать зла. Например. В эпоху, предшествовавшую возникновению сёогунов, когда придворные сановники завели обычай играть особами микадо как пешками, употребляя для удобства в игре микадо-малолетков или и взрослых, но слишком явно тупоумных, был один микадо, по имени Сютоку⁴⁶; пока он был ребенком, он царствовал; но лишь только достиг совершеннолетия, его убрали с престола. Сютоку был строптив: он поднял бунт, привел в смятение столицу и окрестности, но не был настолько талантливым, чтоб одолеть врагов: его разбили, взяли в плен и заточили. Спокаялся бедный в своем неповиновении, в знак раскаяния переписал один молитвенник, вместо туши, собственною кровью и послал его в столицу; но ему с презрением отослали этот дар обратно. Тогда он, исполненный отчаяния и неописанной злобы, изрек: «молю богов чтобы мне переродиться дьяволом, на мучение Японии»; со скрежетом зубов, с насупленными бровями, из-под которых сверкали самые зловещие молнии, с отросшими волосами, в лохмотьях, он бродил с этого времени, одинокий, по дебрям и, наконец, умер в таком состоянии духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японии самыми бедственными ударами: бунты, голод, наводнения, все свидетельствовало, что Сютоку начал свой страшный расчет с отечеством. Очевидно, что ему немедленно должны были построить храм, учредить богослужение, и едва только этим успели унять его свирепость. Между самими богами существует субординация, так что есть боги начальствующие, есть боги служащие у других на посылках и побегушках. У некоторых богов служат исполнителями их воли те или другие животные. Так что, если бог сердит на кого-нибудь, то насылает на него своих посланцев: обезьян, оленей и так далее, которые у наказуемого разрушают дом, портят сад, опустошают поле.

Вот сущность синту. Очевидно что эта религия может принадлежать лишь очень грубому и невежественному народу, народу, стоящему на той степени умственного развития, когда он, побуждаемый присущим человеку религиозным чувством, ищет предмета поклонения, но не в состоянии возвыситься своим умом над окружающим миром и готов воздать божеские почести всему, что его поразит и возбудит его удивление. В нем умственного сознания пробудилось лишь настолько, что он не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; он безотчетно понял существование другого мира, духовного, и превосходство этого мира над материальным; но дух поразил его лишь в частных, близких явлениях, и он падает и преклоняется пред ними. И себя самого и всю природу ставит в зависимость от них.

Неудивительно поэтому, что синту не оказал почти никакого сопротивления буддизму при переходе сего последнего в Японию. Японцы в то время завоевали Корею (в

200 г. по Р. Х.) и познакомились с Китаем; чрез эти столкновения умственный горизонт их невольно расширился, и синту оказался неудовлетворяющим более религиозным потребностям народа. И каким высоким учением должен был показаться здесь на первый раз буддизм, эта лучшая из языческих религий, геркулесовы столбы человеческих усилий составить себе религию, руководствуясь теми темными остатками богооткровенных истин, которые сохранились у народов после рассеяния вавилонского! Синту почти без ропота и сопротивления уступило свое место новой религии, и не будь особого обстоятельства, его и следов ныне не было бы в Японии. Это обстоятельство заключается в гибкости буддизма и способности его приноравливаться к обычаям страны, куда он является; а все это вытекает из его основного догмата перерождения.

«Клянусь, что буду рождаться в разных невежественных странах для привлечения их к спасению», клялись будды и бодисатвы. Итак, Аматерасу была тот же будда, Хациман тот же будда, все японские боги будды и бодисатвы, рождавшиеся, применительно к умственному и нравственному состоянию японского народа, совершенно в других видах, чем в Индии, рождавшиеся для того, чтобы «завязать связь с народом», и чрез то приготовить его к восприятию истинного учения будды. «Связь» (ин-ен)⁴⁷ тоже основное учение буддизма; не завязавши связи, будда не спасает никого, а чтобы завязать ее, он может рождаться во всевозможных видах. Таким образом, буддизм нарек японским богам свои имена, принял их под этими именами даже в свои храмы и зажил роскошно в Японии. Но синту от этой снисходительности и покровительства приходилось нелегко. Он конфузился пред своим щеголеватым соседом, пред его высокоумием, пред пышностью его храмов, пред обилием его молитвенников; и вот он начал из кожи лезть, чтобы поправиться: построил себе храмы наподобие буддийских, сочинил великолепные церемонии, живописные костюмы, а самое главное: принялся толковать свое учение на всевозможные лады. Если в буддизме поражают вас иногда толстые молитвенники, наполненные ничем иным как похвалами заглавию этих же самых молитвенников, то у синтуских экзегетов вы найдете целые томы толкований на отрывки из древней японской истории, — толкований, где каждый слог, каждая буква исторического текста дали случай к сплетению самых хитрых и невероятных аллегорий. Но увы! по этому сколькому пути со своею легкою ношей синтуские экзегеты не замедлили спуститься до полнейшего отрицания всего. Самое отъявленное безверие было результатом их пытливости. «Был довременный хаос; от взаимодействия этих двух элементов хаос сгустился и принял шаровидные формы; от припека огнеобильного шара (солнца) на водообильный (землю), в последнем, когда он был еще в состоянии грязи, зародились разные живые существа: человек, как самое высшее существо, образовался в лучшем из болот, то есть более мягком и обильном грязию». Вот сущность учения японских материалистов, смею уверить, ни в логике, ни в силе аргументов ничем не уступающих европейским. Синту, по-видимому, должно бы было не поздоровиться от этих дружески-медвежьих услуг, но ничуть не бывало. Дело в том, что, во-первых, нельзя встретить ни одного экзегета, который бы, при решительном отрицании всего содержания синту, тем не менее не направлялся к поддержанию его и к сплетению ему самых выпренных похвал. Факт с первого взгляда странный, но в сущности весьма простой и естественный: синту из религии обратился у экзегетов в национальное, чисто гражданское учреждение; всем мельчайшим подробностям его приписано самое высокое значение для поддержания народного духа, для развития гражданских добродетелей и утверждения могущества Японии на веки вечные; в этих видах превозносятся похвалами предки, выдумавшие такое мудрое учреждение, и в конце концов синту рекомендуется для вечного хранения и

последования. Во-вторых, те же самые приверженцы синту рассмотрели хорошо и буддизм, и нашли в нем Ахиллесову пяту, и не одну; с тою же разрушающею критикой они обратились к нему, но уже не для поддержания, а для разрушения и поругания его, как иноземного учреждения, зловредного для Японии; все буддийские чудовищные чудеса, все его безобразные легенды, его скучнейший рай и ни с чем несообразный ад, — все это подвергнуто насмешке и отрицанию, и таким образом для буддизма сделалось наконец невозможным, хотя бы он и желал того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. В таком виде синту существует и теперь, то есть по наружности как будто религия, но в сущности, для рационалистов как народная школа добродетелей; эти рационалисты хотят в то же время, чтобы народ верил в синту как в религию, но народ не столько же верит, насколько они сами; а вдобавок, не возвысившись до заносчивых тенденций рационалистов, не видит в нем и школы; и вышеприведенное выражение: «пожелай микадо, и небесный огонь попалит всех иностранцев», в устах японцев имеет самый иронический смысл.

Буддизм, возникший на почве Индии как противодействие браминской кастности и угнетению низших классов высшими, был в этом отношении проповедью духовного равенства и любви в языческом мире; с другой стороны, как проповедь человека, из наследника престола сделавшегося нищим, он, натурально, явился проповедью суетности всего земного, нестяжательности и нищенства. Эти две характерные черты, с которыми буддизм явился в устах первого своего проповедника, обеспечили для него будущие успехи: первая влекла к нему сочувствие народных масс, вторая доставила ему множество способных приверженцев и деятелей. В дальнейшем развитии эти черты приняли другой вид и доведены до крайности и нелепостей. Существовавшее в темном предании между индийцами понятие о имеющем явиться на земле любвеобильном Искупителе рода человеческого мало-помалу отнесено было к самому Шакьямуни⁴⁸: в его лице буддисты нашли своего богочеловека, сшедшего с неба и воплотившегося для научения людей. Но так как буддизм явился на почве браминского пантеизма и сам оказался бессильным отрешиться от него, то и в будде индийская фантазия не могла выработать единоличного владыку мира. Он, правда, является с чертами свойственными Богу, но вместе с тем таких как он будд бесконечное множество, и каждый из них дошел до этого блаженного состояния своими заслугами; каждому человеку, в свою очередь, предстоит рядом множества градаций выродиться в будду. Эта лестница, идущая от человека вверх, ведет к состоянию будды; но почему же не продолжить ее и вниз? И вот, при склонности к пантеистическому воззрению на мир, при непонимании природы и ее отношений к человеку, и при бессознательном, свойственном человеку сострадании к низшим существам, окончательно определяется идея метампсихоза: весь животный мир по существу отождествляется с буддой; мало того, лестница простирается еще ниже: изобретаются разных степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся в связь с буддой. Дурной человек в наказание за свои грехи рождается животным или посылается в ад; спустя известное время, положенное для очищения грехов первого рождения, он снова рождается человеком, и если живет на этот раз добродетельно, то по смерти может опять родиться на земле уже царем или другим великим лицом; если опять ведет себя хорошо, то идет в рай, откуда вновь может придти на землю бодисатвой или буддой. Таким образом небесный, земной и преисподний миры являются огромною лабораторией, в которой бесчисленные роды существ кишат, рождаются, перерождаются и, в конце концов, все делаются буддами. Так далеко зашли последователи Шакьямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства. В развитии другой, столь

же простой и естественной, идеи нестяжательности, они тоже не замедлили придти к самым крайним и неожиданным выводам. Труд тяжел на Востоке; там склонность к стяжанию не мучит человека; было бы чем утолить голод и жажду, а затем нет выше наслаждения, как лежать или сидеть под тенистым деревом, предоставив течение мыслей воле фантазии. Но мысли тоже могут иногда или причинять огорчение, или волновать: поэтому еще лучше, если они как бы останавливаются и замирают в своем течении, если, одним словом, человек погружается в бесчувствие, в бессознательность; тогда он погружается в ничто, но в этом- то погружении и есть целостное существование человека. Такое бессознательно спокойное состояние называется созерцанием; ему приписываются высокие качества непосредственного ведения всего и сила управлять всем, так как в этом состоянии человек, отрешаясь от себя, сливается в одно со всем и может владеть тем, с чем слит. Это состояние поставляется целью всех и всего; будды потому и будды, что достигли возможности во всякое время погрузиться в это состояние, и оно считается их высочайшим блаженством. Мимоходом, на пути развития этих главных начал, буддизм сочинил для своих последователей правила нравственности, поражающие иногда своею чистотой и строгостью, иногда своею чудовищностью; сочинил также чудовищные и самые невероятные легенды и чудеса; все это, взятое вместе, облеклось в огромную литературу и в правильное религиозное общество со своим богослужением, со своими храмами, монастырями, наконец, со своими искусствами, живописью, скульптурой и архитектурой. Все это, в период гонения на буддизм в Индии, хлынуло на север и затопило Китай и корейские государства, откуда не замедлило перейти в Японию.

Мы уже видели, что синту без сопротивления отступил на первый раз пред новою верой, и японцы с радостью приняли ее. Да и могло ли быть иначе? Вместо слабых, сомнительного авторитета богов, буддизм выставлял для поклонения высшее существо, сошедшее на землю для спасения людей; грубым, почти не оформленным понятиям нравственности противопоставил свою тончайшую казуистику; пред грубыми формами наружного богопочитания щегольнул великолепием богослужебной обстановки; устным преданиям синту противопоставил свою широкую литературу, тогда уже переведенную на китайский язык. Последнее обстоятельство имело двойную выгоду для буддизма в Японии; с одной стороны, оно убеждало японцев к принятию буддизма примером Китая, пред цивилизацией которого тогда преклонялись японцы; с другой, оно пресекало для японцев всякую возможность скептического исследования обстоятельств происхождения самого буддизма, так как китайские буддисты переводили на свой язык, натурально, лишь то, что было в пользу буддизму, а не против него. Буддизм, однако, не вполне пришелся по духу японцам; это обнаружилось скоро по введении его, когда японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты, что, очевидно, обнаруживало стремление выработать учение, согласное с коренными свойствами народа. В этой работе японцы не останавливались ни пред какими затруднениями и дошли, наконец, до совершенных противоречий друг другу. Многие секты и в Японии уже забыты. Я укажу из существующих на более важные. Вот [зенсиу](#)⁴⁹. Как секта, перешедшая из Китая, она любит хвалиться своим правоверием, своею неиспорченностью. Претензия не очень основательная; все чем зенсиу может похвалиться, это разве древность: секта эта, очевидно, есть порождение переходной эпохи в буддизме, когда простота первоначального учения Шакьямуни была уже утрачена, но окончательно буддизм еще не определился, еще не выяснилась личность будды, не только как учителя, но и как деятельного помощника людей в созидании спасения. Зенсиу есть проповедь самоумерщвления в видах достижения способности созерцания; но этот акт приурочен к

тому состоянию будды, когда он сам еще не был буддой, а только упражнялся в подвиге самоумерщвления; таким образом, здесь человек берет на себя своими силами, лишь по примеру Будды, а не при содействии его, достигнуть верховного блаженства. В практическом применении суть этой секты: *зазен*⁵⁰, сидение, по примеру будды, в известном положении, для упражнения в самозабвении и приобретения способности созерцания. Чтобы содержать себя во всегдашней готовности к этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаниями касательно пищи и внешнего поведения; дисциплинарная сторона развита здесь до мельчайших тонкостей. По теории все не дурно. Но как на деле? Может ли народ предаваться *зазену*? Это немыслимо. Займись Япония *зазеном* неделю, в другую она вымрет с голоду. Соблюдается ли *зазен* хоть в монастырях? Говорят, будто есть такие монастыри, где назначается в году несколько недель или дней для *зазена*; в это время монахи, ежедневно по несколько часов, сидят, собравшись в одной комнате, и предаются созерцанию, причем, так как под тяжестью блаженных ощущений головы монахов, особенно молодых, начинают клониться, игумен с орудием, очень чувствительным для бритой головы и плеч, беспрестанно ходит между ними и вызывает созерцателей к действительности. И на эту ничтожную формальность сведено все учение *зенсиу*! При всем том это одна из самых распространенных сект в Японии! *Монтосиу*⁵¹, другая весьма распространенная секта, обязана своим происхождением Японии и составляет совершенную противоположность *зенсиу*.

Секта *монтосиу* отбросила весь буддийский аскетизм и ухватилась лишь за идею любви будды к миру. Здесь о самоумерщвлении и помину нет; сами *бонзы* женятся и едят мясо и все, что угодно. Все подвиги человека представляются ничтожными: для спасения требуется лишь вера в будду. Будь человек страшным злодеем, но скажи только раз: «*наму Амида буцу*» (поклоняюсь будде Амиде), — и он спасен. Учение о любвеобилии будды, готовности его спасать человека по первому призыву, о недостаточности собственных сил человека для спасения и о благодати (*тарики*) невольно изумляет; слушая в храме иную проповедь, можно забыть и подумать, что слышишь христианского проповедника. Уж не от христиан ли заимствовано это учение? Но при исследовании оказывается, что оно решительно самобытное в Японии, и составляет лишь развитие идеи об искупительной миссии будды. Но при этом возвышенном учении о любви будды к миру, сам будда нисколько не изменяется: он остается тем же мифически безобразным и невероятным лицом. Оттого-то *монтосиу*, с своим высоким учением о благодати, принесла Японии гораздо более зла, чем все другие секты. Дозволив *бонзам* семейную жизнь, эта секта тем самым разрешила им все материальные заботы и поставила их наравне с мирскими людьми. Это, по-видимому, неважно; при возникновении секты в этом представлялась даже лучшая ее сторона, так как чрез это устранялась зазорность поведения *бонз*. Но никто не предложил вопроса: что будет, если *бонзы монтосиу* выступят на поле деятельности во имя материальных интересов, но с полным неверием в душе? Никто не подумал, как страшна может быть в устах *бонз* фраза: «сколько ни греши, скажи только: «*наму Амида буду*», — и тебе все прощено». Действительно, в период долгой неурядицы, бывшей пред династией *Токугава*⁵², *бонзы монтосиу* двигали целыми армиями. «Шаг вперед — в рай, шаг назад — в ад», кричали они своим войскам и производили страшные битвы, страшные грабительства и опустошения. Сами не веруя ни во что, но двигая невежественными массами увлеченных фанатиков, они грозили ниспровергнуть все государство. Только *Нобунага*⁵³ мог унять их, и то какими средствами! Раз целая шлюпка была наполнена ушами и носами, отрезанными у их побежденной армии, и отправлена в их главную квартиру; а когда

взята была и она, то 20.000 бонз и их защитников было сожжено разом! Вот еще секта: хоккесиу ⁵⁴, тоже получившая начало в Японии. Эта секта есть дань хвалы и удивления японцев одному молитвеннику, по имени Мёохоренгекё ⁵⁵, тому самому молитвеннику в котором будда, собираясь умирать, объявил торжественно, что «все чему он прежде учил, все это ложь, что он старался лишь красивым сплетением обманов привлечь к себе людей, как завлекают детей игрушками, что истинно только то, что он скажет теперь, а теперь он скажет вот что: «все люди сделаются буддами», — что это учение до того важно, что стоит только назвать имя молитвенника, в котором оно изложено, и человек спасен». Молитвенник наполнен описанием нелепых чудес, вроде следующего: к будде, когда он преподавал это учение, прилетели с неба, в своих великолепных дворцах, два другие будды, давшие клятву всегда слетать на землю для слушания учения. Сидят они рядком, и живой будда проповедует. Когда он высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались неверившими. Трое будд, для подтверждения истины, высунули языки, которые оказались до того длинными что пронизали десять тысяч мировых сфер; в таком положении они просидели пред учениками десять тысяч лет; затем втянули языки обратно и крикнули все разом, от чего потряслись все миры, в заключение щелкнули пальцами, от чего также потряслись все миры. Могли ли после этого сомневаться слушатели, и можно ли не обожать книгу, учение которой засвидетельствовано такими чудесами? И каждая из сект опирается на незыблемом для буддиста основании: каждая имеет свои символические книги в каноне священной буддийской литературы. Эта литература так обширна и разнообразна, что в ней есть книги совершенно противоположные одна другой. Это как нельзя лучше обнаруживает происхождение буддийской литературы от многочисленных авторов, часто враждебных друг другу; но каждый автор, стараясь придать вес своему произведению, озабочился приписать его будде, так что по наружности все и вышло учением будды, изреченным лишь в разные времена и при разных обстоятельствах. Таким образом, на основании одного и того же учения будды можно воздвигать самые противоречащие секты, и никто не смеет укорить за это, так как каждая секта укажет на непререкаемый довод в священной книге. Нет ничего резче, например, такого нововведения, как допущение брака бонз в монтосиу, так как до монаха Синрана ⁵⁶ никто из бонз никогда не думал жениться; но посмотрите как легко было сделать и этот шаг на основании буддийской литературы. В одной из священных книг, перечисляющих обеты бодисатвы Кваннона ⁵⁷, есть обет его: «буду воплощаться и в теле женщины, чтобы руководить смертных». Правда, этого было бы еще недостаточно, чтобы Синрану жениться; но в книгах есть также неисчислимое множество примеров явления будд-бодисатв святым людям во сне для сообщения им своей воли: отчего же Синрану не увидеть чудесного сна? Он и увидел: является ему бодисатва Кусе (другое имя Кваннона) и вручает четыре стиха, значение которых следующее: «подвижник, женись в награду за твои подвиги! Я сделаюсь телом «драгоценной девицы и сочетаюсь с тобой; изукрашенная, я буду вести людей к рождению в рай». Синран в то время был еще послушником и не имел особенного авторитета. Но нужно же было так случиться, что в ту же ночь и его учитель, всеми уважаемый старец Хоонен ⁵⁸ увидел во сне, какой сон снится Синрану! Нужно же было такое стечение обстоятельств, что на следующее утро Хоонена посетил один из первых придворных сановников и завел разговор такого свойства, что в заключение сам предложил одну из своих дочерей в замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно «драгоценная девица»! Разве во всем этом не ясно как день

промышление Кваннона о спасении людей? Синран женится, и новая секта пошла щеголять по свету. Возьмем еще пример. «Нембуцу»⁵⁹ (спасение чрез благодать) в той обширности в какой оно развито Хооненом и Синраном, правда, учение новое; но все же оно довольно твердо может быть основано на некоторых местах из самого канона, если взять их безотносительно к другим. На что бы, кажется, искать других оснований? Но посмотрите, на чем оно более всего опирается. Вот один послушник, сгоравший желанием узнать каким путем легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись в кумирне Аматерасу, молится об откровении ему этого пути; после семидневной молитвы, ночью он видит наяву: открываются дверцы кивота, где была статуя богини, выходят два мальчика и говорят ему: «Аматерасу теперь нет дома, но она нам наказала, что если в ее отсутствие кто станет молиться об указании верного способа к избежанию будущих перерождений и смерти, то чтобы мы учили: отвергнув собственные тысячеобразные действия, всем сердцем призывать Амиду, всею душою подвизаться в нембуцу; этим непременно достигается рай будущей жизни и высочайшее успокоение». Вот другому является сама Аматерасу и поет: «кто не призывает будду Амиду, тот не говори, что я богиня этого государства». Вот, во время спора Хоонена с другими бонзами о своем нембуцу, статуя Амиды издает ослепляющий блеск, вот четки одного последователя Хоонена сияют лучезарным светом в ночной темноте, вот Хоонен говорит своим: «наму Амида буцу», вызывает из озера дракона и пр. Нет возможности перечислить всех выдуманных чудес, снов, песен богов. Все секты наперерыв одна пред другой стараются щеголять чудесами, одни других нелепее, одни других фантастичнее. Наглость дошла до того что указывают чудеса там, где каждый собственными глазами может видеть, или ушами слышать, что чуда нет: там на морской воде написаны китайские знаки: «мёо-хорен-ге-кё»⁶⁰, здесь птицы поют: «наму Амида буцу», там в небе, при заходе солнца, постоянно является фигура Амиды и пр. Бонзы до того привыкли к выдумкам и обманам, что расточают их даже там, где нет в них никакой нужды: я читал одно жизнеописание будды, где автор пренебрежительно уверяет, что за матерью будды в приданое даны были, между прочим, семь полных возов «голландских редкостей», а когда она забеременела буддой, то другая жена царя, из зависти, чтоб убить в ней младенца, обратилась к одному из христиан, которые, как известно, все колдуны, чтобы при помощи его волхвований испортить свою соперницу; и с мельчайшими подробностями описан способ волхвования христианина, приложен даже его портрет, и изображено, как он погиб среди волхвования, пораженный небесными силами.

Кроме синту и буддизма, в Японии существует еще конфуцианизм⁶¹, хотя не в виде особой религиозной секты, а в виде нравственно-богословской школы. Я считаю нелишним сказать несколько слов и о нем. Конфуций привлекает прежде всего красотой своей литературной речи, его фраза исполнена лаконизма и силы и по временам блещет красками остроумных метафор. Все это делает Конфуция неподражаемым образцом литературного языка в Китае вот уже более двадцати веков. Если заглянуть под эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль, прямо или не прямо направленную к утверждению системы пяти отношений. Эти отношения — господина и слуг, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга — и составляют сущность Конфуциева учения, то, что доставило Конфуцию славу величайшего мудреца, неподражаемого учителя, полубога. Около этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторов, принося ему дань — свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его учения разобрано и истолковано на тысячу ладов; в каждой фразе, случайно вымолвленной им, найден глубокий, многообразный смысл, и вы, читая, невольно и

сами находите его, и удивляетесь, быть может, не Конфуцию, а его остроумному толкователю. Это дерево конфуцианизма, питаемое постоянно приливом свежих соков и разросшееся в течение веков до невероятного объема, составляет действительно нечто величественное и грандиозное: так мы любим устарелым вековым дубом, обросшим десятками плющей, с их обильною и свежою листвою. Но что в самом деле сделало Конфуция таким великим в Китае? Он жил в одну из самых тревожных эпох китайской истории, когда государство, бывшее прежде монархическим, разделилось на множество независимых княжеств: князья беспрерывно ссорились между собою, народ стонал от опустошительных войн и всякого рода безурядицы. Такие времена всегда сопровождаются нравственным упадком: вероломство, эгоизм всех видов, забвение даже кровных отношений и связей — самые обычные явления в подобное время. В такое-то время явился Конфуций. Он не был творцом какого-нибудь нового учения, — да Китай и не был расположен тогда слушать что-либо новое, — он лишь тронут был до глубины души бедственным состоянием своего отечества, грозившим их хронической болезни обратиться в смертельную, и старался вызвать к сознанию соотечественников времена здорового состояния Китая. Как великий человек, он не только инстинктивно понял, но и сознательно выразил духовные потребности и идеалы китайской нации; но, как истинный китаец, неспособный к высоко-идеальному мышлению, он не дал своему отечеству системы учения, построенной строго логически, по всем законам формального мышления; он, напротив, держался всегда практической почвы. Он изучил и изложил древнюю историю Китая и древние обычаи, которыми, по его понятию, поддерживались добрая нравственность и благосостояние государства, — церемонии, музыку, поэзию (народные песни). Ученики же его, кроме того, постарались записать его нравственные афоризмы и представили таким образом в более наглядной форме его учение, почерпнутое из изучения древнего быта китайцев. Таким образом, в книгах Конфуция выразился не частный человек, но выразился сам Китай в его характеристических хороших чертах, в том, что он явил доброго из своей природы. В эпоху материального и нравственного истощения Китая, пред ним поставлен был живой портрет его самого во времена физического и нравственного здоровья. Мог ли Китай не узнать самого себя и не полюбить себя в прежнем виде, а полюбив, не поставить себя пред собою как образец на вечные времена? С течением веков, быть может, характер китайцев мог бы принять новые оттенки, нравственность определиться точнее, формы жизни измениться; но сочинения Конфуция уже успели сделаться канонически-непогрешимыми, его предписания обязательными, сам Конфуций предметом религиозного поклонения.

В конце III столетия по Р. Х., при первом знакомстве Японии с Китаем, учение Конфуция не замедлило перейти в Японию. Но странно было бы думать, что оно займет здесь то же место, как в Китае. Здесь учение Конфуция было пересадным растением, и сам он явился не как представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто как знаменитый ученый, пред которым, конечно, не могли не благоговеть необразованные в то время японцы, но который не поразил их до забвения личных чувств и мыслей. Его творения по совершенству языка и нравственному направлению, легли в основу школьного образования; его легенды дали начало кое-каким суевериям. Но школа у японцев вовсе не имеет такого великого значения как у китайцев, где все государство управляется школярами; суеверий у японцев, своих и буддийских, так много, что два-три конфуциева в этом числе как капля в море. Таким образом, влияние Конфуция собственно на народ в Японии очень слабо. Гораздо больше его влияние на так называемый класс «ученых» (дзюся)⁶², существующий здесь хотя не в виде правильно

организованной корпорации, но с правом наследственности и с некоторыми особыми гражданскими правами. Этот класс, можно сказать, есть дань Японии китайской мудрости и особенно Конфуцию. Для «ученых» писания Конфуция имеют, или, по крайней мере, должны иметь, такую же силу непререкаемого авторитета, как для бонз буддийские молитвенники, для синтуских жрецов — кодзики ⁶³ (самая древняя история). Главная обязанность этих ученых быть преподавателями в дворянских гимназиях. Здесь-то, в этих гимназиях, молодые японцы по кодексу конфуциевых церемоний научаются тем приемам вежливости и внешнего благоприличия, которые нас так удивляют в них; здесь они научаются слагать китайские песенки, что также считается необходимым для образованного человека; наконец, здесь же уясняются в их сознании правила нравственности и гражданских добродетелей, начертанные в человеческом сердце. Но дает ли Конфуций ответы на разные теоретические вопросы, так же присущие душе человеческой, как и понятия нравственности? Учит ли он о начале мира и человека, о высшем Существо, о назначении человека? Нисколько. Известно, что при вопросах своих учеников о подобных предметах он отделялся самыми уклончивыми ответами, вроде следующего: «мы не знаем и земного, какая же польза говорить о небесном?» Его «небо», употребляемое им для выражения всего высшего, имеет до того неопределенный смысл, что невозможно понять, разумеет ли он под ним что-либо личное или безличное. Итак, его последователи, пробуждаемые к умственной деятельности разными сентенциями, вызывающими на размышление, но оставляемые без руководства в самом начале умственного самоопределения, берут каждый для себя, что кому нравится, то случай, то жизненный дух, то личное или безличное небо и, варьируя на разные лады свой принцип, решают сами, как умеют, философско-богословские вопросы о мире и человеке. Благодаря Конфуцию, они стали выше синту и буддизма; он дал им оружие диалектики, развил в них критический дух, побуждающий их относиться с насмешкой или презрением к этим учениям; но, разрушив прежние религиозные верования, Конфуций в то же время ничего не дал в замену их: ум его последователя — пропасть, покрытая сверху легким хворостом умствований; при первом прикосновении здравого смысла хрупкая поверхность ломается и открывает пустоту. Оттого-то в Японии никто так не способен к принятию европейских учений, как последователи Конфуция. Веками приученные ставить себя высоко над другими по своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и к европейцам, пока не попадет в их голову какая-нибудь европейская мысль. Тогда их теории разом летят вверх дном, их прежний кумир разбивается вдребезги, они смиренно низводят себя на степень учеников и делаются искренними и горячими приверженцами нового учения.

Все, сказанное доселе, можно формулировать в следующих словах: японский народ слишком умен, развит и свеж, а его религии слишком отстали и нелепы, чтоб могли удовлетворять его. Но показывает ли японский народ склонности к принятию христианской религии? Обратимся к фактам, прямо отвечающим на этот вопрос.

В пятидесятых годах XVI столетия в первый раз португальское судно пристало к берегам Японии. Японцы так хорошо приняли иностранцев и показались им так способными к принятию христианства, что Франциск Ксаверий ⁶⁴, друг и сподвижник Лойолы ⁶⁵, при первом известии о них, вскипел желанием посвятить себя апостольскому труду между ними. Блестящий успех сопровождал его труды. По следам его нахлынули толпы португальских и испанских монахов разных орденов, и все имели успех: в двадцать пять лет христианство охватило весь юго-восток Японии. Уже европейские

проповедники стали вести себя как дома, уже прелаты с пышностью являлись среди народа, уже они отправили японских князей к его святейшеству в качестве смиренных поклонников и рассчитывали, когда вся Япония будет у подножия престола наместника Христова. Вдруг страшное гонение, — и в Японии ни души христианской. Что за причина? Взглянем на тогдашние события японской истории. До появления европейцев, Япония долго была терзаема непрерывными междоусобиями: то было несчастнейшее для нее время правления сёогунской династии Асикага⁶⁶. Императоры давно были заброшены, и об них никто не думал; сёогуны наслаждались выгодами своего положения и не имели ни времени, ни охоты вникать в дела правления; кванрёо⁶⁷ (регенты), на попечение которых оставлены были дела правления, но которые, как богатые князья, и сами имели средства жить не хуже сёогунов, тянулись за последними; забытая и брошенная власть не находила себе приюта. А между тем в стране установилась удельная система. Япония была полна князьями, имевшими свои собственные поземельные доходы, свои армии и свои широкие права. Почти не чувствуя над собою контроля, князья, естественно, дрались кто с кем хотел и кто с кем мог, без устали и без всякой жалости к народу. За князьями дрались и бонзы, и как дрались! Горе тому, против кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. В это время всеобщей драки и сумятицы, в незаметном уголке Японии явился крошечный князек, который, когда все дрались один на один, задал себе задачей драться со всеми и всех одолеть; и он дрался со всеми, одолел всех и сделался властителем Японии, хоть и не принял титула сёогуна, который был тогда слишком опошлен чтоб интересоваться Нобунага. При этом-то Нобунага показались в Японии европейцы. Он оценил пришельцев, понял выгоду сношений с ними и приветствовал их. Скоро между этими пришельцами замечены были и проповедники новой веры. Нобунага, конечно, не верил ничему из отечественных религиозных учений; он не был расположен принять и христианскую веру, его боевая натура была неспособна к мирным религиозным размышлениям; но он не мог не понять неизмеримого превосходства христианской религии пред японскими суевериями. Притом же ему так надоели его вечные враги, бонзы, и из-за них он так возненавидел буддизм, что, не думая долго, он со всею охотой дал европейским миссионерам полное право распространять новую веру и даже сам построил для них христианский храм в столице (в 1574 г.). Преждевременная **смерть** положила конец деятельности Нобунага. Ему наследовал Хидеёси, сын простолюдина, пробивший себе дорогу к верховной власти. Он также на первый раз казался покровительствующим христианству; между тем он зорко следил за пропагандистами и изучал их. А последние уже успели выявить все те качества, которые были причиной изгнания католических миссионеров в разные времена из многих стран. С умножением христиан высшее японское общество вдруг почувствовало присутствие в стране нового рода аристократии и было возмущено и оскорблено: от князей стали поступать жалобы, что христианские епископы при встречах не уступают им дороги и вообще ведут себя крайне заносчиво и гордо. Не ограничиваясь делами религии, католические епископы стали являться и на поприще политических интриг; еще Нобунага пользовался их сладко- речием и нравственным влиянием для привлечения на свою сторону князей-противников. Все это не имело бы еще особенной важности, и христианские проповедники, стоявшие, во всяком случае, гораздо выше туземных бонз, не были бы выгнаны из страны, если бы не соображения особого рода. Для Европы тот век был веком ужасающих политических неправд. Испания, одна из самых могущественных держав того времени, была особенно бичом Божиим для новооткрытых народов. Вспомним, для образчика, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро⁶⁸. В 1522

году пала Мексиканская империя, а в 1533 году Перуанская. Обе эти империи в цивилизации и силе малым чем уступали Японии, и с гостеприимством приняли испанских рыцарей, за что эти рыцари отплатили им бессовестнейшим коварством, попранием всех прав туземцев, подчинением их иноземному владычеству и обращением всех граждан в самых несчастных рабов. Не забудем при этом, что с завоевателями всегда неразлучно были миссионеры, и сами завоеватели действовали якобы во имя креста.

Мог ли проницательный Хидеёси не узнать и не оценить как должно этот дух европейской и по преимуществу испанской политики, не вывести из примера других новооткрытых стран назидательного урока для своего отечества и вследствие того не принять решительных мер к ограждению его от участи завоеванных государств. Европейские писатели взваливают вину изгнания христианства из Японии то на одного испанского капитана, расхваставшегося пред Хидеёси обширностью владений своего короля и объяснившего ему способ завоевания Нового Света, то на англичанина Адамса, интриговавшего против Испанцев*; мы думаем, что ни тот, ни другой не заслуживают чести или бесчестия считаться виновниками такого важного исторического события. Хидеёси и, следовавший за ним, другой гонитель христиан, Иеясу⁶⁹, были вовсе не такие лица, у которых можно перевернуть всю систему убеждений одним хвастливым разговором или пустою интригой. Хидеёси, для которого было мало Японии, который еще генералом в армии Нобунага строил планы расширения японского могущества завоеванием иноземных государств, планы, впоследствии отчасти и приведенные им в исполнение завоеванием Кореи, конечно, с первого появления иностранцев, не мог не заинтересоваться ими, не изучать их нравов, их намерений и их политики. «Христианская религия хороша, но она не годится для моей страны», был короткий ответ Хидеёси одному епископу, протестовавшему против его запретительных эдиктов. И этот ответ достаточно характеризует образ мыслей Хидеёси. Он знал христианство и ценил его, но в то же время находил нужным изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть, кроме той, что он считал христианство опасным для страны. Ему нужно было, собственно, не изгнание христианства, а изгнание европейцев, прекращение интимных сношений с ними и чрез то ограждение страны от их алчности. Пожаловаться на безрезонность и самодурство японских гонителей христианства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галерии; они считали обязанностью сами знакомиться с христианством и изучали его так беспристрастно, что прямо находили его хорошим, и не стеснялись говорить это своим врагам. Чья вина, что христианство являлось им наполовину политической интригой самого опасного свойства? Существуют факты очень недвусмысленного характера, показывающие, что подозрения японцев были основательны. Вот наиболее известный и достоверный из них: по смерти одного удельного князя, когда за некоторые вины имущество его было конфисковано, в его доме совершенно неожиданно найден был сундук наполненный драгоценными заграничными подарками и корреспонденцией, открывшей, что князь был в самых интимных сношениях с папой и собирался предать свое отечество во власть иноземцев. Иеясу, сподвижник и наперстник Хидеёси, хорошо понявший его планы, издал новые эдикты против христиан. При Иеясу европейские пропагандисты принуждены были окончательно удалиться из страны; но туземные христиане еще находили возможность скрываться на юге Японии. В правление внука Иеясу, Иемицу⁷⁰, спустя двадцать пять лет по изгнании европейцев, несколько авантюристов, бежавших на юг большею частью от политических преследований, воспользовались тем, что христианство успело уже пустить в стране глубокие корни, и задумали возбудить восстание против правительства.

Местные обстоятельства благоприятствовали им: подданные двух местных князей были раздражены против них за дурное управление; множество тайных христиан, рассеянных по ближайшим округам, были крайне недовольны правительством за религиозное гонение. Зачинщики восстания озаботились дать своему делу, для большей прочности, религиозный характер; пущено было в ход подложное пророчество, указывавшее, что наступило время, самим Богом определенное для завоевания христианами религиозной свободы. Когда народ был достаточно наэлектризован, зачинщики дела открыто взялись быть его руководителями, и симабарасское восстание вспыхнуло. Против возмущившихся крестьян, построивших себе крепость и затворившихся в ней с женами и детьми (всего до 80 тысяч), двинуты были регулярные войска сначала ближайших князей, потом более отдаленных, наконец, сёогун должен был послать самых опытных и искусных своих генералов и огромные военные силы; но и тут осажденные уступили скорее голоду, чем силе и искусству противников. Наконец, крепость была взята, и 80 тысяч человек все до одного казнены, так как никто не хотел пройти по образу Богоматери с Младенцем и тем засвидетельствовать свое вероотступничество. С этих пор на христианскую веру легло новое нареkanie, будто она учит противлению властям. И она была запрещена под строжайшими угрозами: «пока солнце восходит с востока, христианский проповедник не явится более в стране», «хотя бы сам **Бог** христианский пришел в Японию, — и Ему голова долой», — в таких и подобных выражениях написаны последние эдикты против христиан. Таким образом: христианская вера есть искусство колдовать, христианская вера возмущает народ против правительства, она открывает иностранцам путь к завоеванию страны: вот понятия которые японец соединял с понятием о христианстве. Так два с половиной века глумился японец над христианством; в таком виде жило оно в сознании японца вплоть до последнего времени.

При появлении американской и русской эскадр у берегов Японии в 1853 году, вся Япония, естественно, была крайне встревожена: люди более образованные ждали от иностранцев неприятельских, завоевательных действий, народ же с ужасом смотрел на каждого иностранца как на колдуна и поминутно ждал от него чудес. Но волею-неволею японцы должны были вступить в сношения с иностранцами. При заключении трактатов, они покушались, по крайней мере, выговорить запрещение распространять в их стране христианскую веру; но им отвечали, как граф Муравьев-Амурский⁷¹: «если я убежден в истинности моей веры, я не могу не говорить этого; от вас самих зависит слушать меня или не слушать». И японцы принуждены были дать иностранцам полную свободу в постройке их храмов и отправлении богослужения. Католические миссионеры вслед за заключением трактатов толпой прибыли из Китая. Из трех открытых портов: Йокохамы⁷², Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное внимание на последний; в окрестностях его они ожидали найти следы древнего христианства и не ошиблись; несмотря на все ужасы предшествовавших гонений, в народе еще сохранились темные христианские предания; таким образом, католические миссионеры нашли уже подготовленную почву, и здесь был основан их главный **пост** под управлением епископа. Чтобы судить об их успехе, выписываю из японской брошюры: Тооео цыва дзякёо симацу^{**}, следующие данные, относящиеся к 1867 г.: «в Ураками (по соседству с Нагасаки) свыше 2.000 обращенных; в поместьях Оокура свыше 100, в Факубори, в области Хизен, свыше 1.500; в Такахата, Симабара, Амакуса, Хирадо — сколько тысяч, в точности неизвестно». В Йокохаме и окрестностях количество обращенных также неизвестно. В Хакодате миссия основана 1867 г., и особенных успехов пока не видно. Протестантские миссионеры далеко отстали от католических; они стали наезжать лишь с

1859 г., и насколько успели в бытность тайкунов⁷³, данных тоже нет; но, что успехи были, об этом свидетельствует та же брошюра: «в то время как католические миссионеры обращали людей низшего и среднего классов, протестантские обращали большею частью людей среднего и высшего классов», говорит автор. Но что же тайкунское правительство? Чтоб оно, все основанное на шпионстве, не знало об этих действиях миссионеров, нельзя предположить. Что же оно сделало во имя своих страшных законов против христианства? Выписываю из брошюры то, что служит ответом на этот вопрос. Но прежде считаю нужным объяснить начало дела. Мать служанки английского консула в Нагасаки сделалась христианкой. Когда ее соседи по деревне узнали об этом, то стали грозиться, что сожгут ее дом, если она не бросит колдовства, то есть христианства. Мать пересказала это дочери, дочь пожаловалась английскому консулу, а этот — губернатору. Последний должен был исследовать дело и волею-неволею найти множество христиан. «За вероотступничество» читаем в вышеупомянутой японской брошюре, «в Ураками несколько жителей, по приказанию губернатора, было арестовано 13-го числа 6-го месяца прошлого (1867) года и заключены в тюрьму. При этом в часовне, в Ураками, были конфискованы образа и прочие вещи и сданы деревенскому старосте. Полицейские служители вернулись с 70 человеками в место жительства губернатора; 6 или 7 из них, однако, остались в доме старосты в Ураками. Остальные вероотступники, в числе нескольких сот, учинили восстание, напали с бамбуковыми копьями на дом старосты, взяли обратно свои образа и захватили двух чиновников и двух полицейских служителей, о которых объявили, что будут держать их заложниками и не выдадут до тех пор, пока им не будут возвращены их товарищи, заключенные в тюрьму. В этом положении дела, остальные вероотступники были предоставлены себе самим, и аресты прекратились. 14 числа на Козима была поспешно сооружена большая тюрьма, и в нее посажены вышеозначенные 70 и несколько других арестантов... Так как в поместьях Оокура, в Ураками, также оказались вероотступники, то, 7-го месяца прошлого года, свыше 100 человек их было арестовано и посажено в тюрьму. Арестованные и заключенные в тюрьму были ежедневно, по приказанию губернатора, призываемы и пред ними излагаемо было все [зло](#) извращенной религии, но без всякого успеха; твердые в своем упорстве, они не показывали никакого знака перемены мыслей; напротив, они просили, чтоб им было позволено свободное и беспрепятственное исповедание римско-католической религии. При таком положении дел, когда губернатор и чиновники не знали что делать, 14-го числа 8-го месяца были поспешно позваны губернатором жрецы семи храмов синсиу⁷⁴ и двух зенсиу и, когда они явились, у них было спрошено, нет ли какого-нибудь средства заставить этих отступников в Ураками переменить их мысли. Жрецы сказали, что они дадут ответ по внимательном обсуждении предмета. На следующий день они сказали, что употребят все свое старание побудить отступников разом переменить их мысли. 19-го числа Дайкван⁷⁵ и судьи сопровождали жрецов — в Ураками; но, несмотря на все их увещания, отступники, упорные до крайности, не обратили на них никакого внимания. Их упорство происходит от снисходительности, с которою до сих пор обращались с ними. В половине девятого месяца заключенные притворились переменявшими свои мнения и были выпущены на свободу; но они опять обратились к прежнему, и число их ежедневно возрастает. Выпущенные были отданы на поруки в Ураками, и ничего больше. Пользуясь снисходительностью, которую оказывали им, они запаслись из часовни деньгами, разошлись секретно по всем направлениям и делают обращения, или раздавая милостыню бедным, или совершая чудеса, так что в короткое время сотни новообращенных были приобретены в разных местах...» Вот все,

что сделано тайкунским правительством против христианской веры в продолжение четырнадцати лет. Где прежняя ненависть к христианам, как к колдунам, как к противникам власти и изменникам отечеству? Ее и в помине нет. Ненависть эта еще отражается в сознании частного лица, автора брошюры, предубежденного против христианства; нагасакский же губернатор, как видно, теснил христиан просто потому, что в виду закона строго запрещающего христианство, не мог не сделать чего-нибудь после того, как его так необдуманно натолкнули на христиан сами же христиане, и сделал он, нужно признаться, очень мало (за принятие христианства, по древне-японскому закону, полагается казнить распятием на кресте и прободением копьями). Все же это, — и смотрение сквозь пальцы на умножение христиан, и милостивое обращение с обнаруженными христианами, — было, разумеется, не личным делом самого губернатора Нагасаки, а лишь исполнением инструкций данных из Едо.

Новое правительство, образовавшееся в начале прошлого года, также запретило японцам принятие христианства. Но здесь основная причина запрещения совершенно другого свойства, чем все прежние побуждения. Тайкуна уничтожили. Нужно поднять императора из праха, в котором он пресмыкался доселе пред тайкунами. Но чем подпереть эту дряхлую развалину минувшего величия? Средство под рукой: стоит лишь придать больше блеска и торжественности древней религии, по счастью, еще не совсем погибшей. Предмет этой религии — прямые предки императора и, в лице их, сам он; самый важный и торжественный пункт ее учения — вручение власти над Японией на веки вечные праотцу микадо и всему его потомству. Слушая это учение, кто же станет сомневаться в правах императора на власть? И вот громко грянул синтуский барабан, звонко звякнули литавры, приосанясь и смело взглянув кругом, затащил свою неизменную героическую песнь жрец. Думал ли «путь богов» иметь эту минуту торжества, — он, почти исчезнувший под ударами буддизма? А теперь приходится поменяться ролями: буддизм, как иностранная религия, испытывает к себе презрение и пренебрежение. И какое презрение! Императорским указом велено выбросить из синтуских кумирен все буддийские принадлежности, в течение веков вкравшиеся в них, а буддийским бонзам предписано не сметь молиться синтуским богам и даже иметь у себя в храмах их изображения. И какое пренебрежение! В новой конституции, разосланной для руководства по всей империи, значится, между прочим, «департамент духовных дел», и его попечениям поручены исключительно дела синту, а о буддизме хоть бы слово! И все это, несмотря на то, что в Японии все, начиная от самого императора до поденщика, буддисты, что буддийскими храмами усеяна Япония, что буддийских бонз сотни тысяч, что, словом, не замечать буддизма в стране может разве сумасшедший. Есть ли же какая возможность христианской вере ждать для себя приязни в такое время? И можно ли удивляться, что и новым правительством повторено запрещение принимать ее? Не нужно ли, напротив, удивляться тому обстоятельству что правительство, почти в то же время как запрещает, дает весьма ясно понять, что оно вовсе не имеет в виду серьезно преследовать свою мысль? А факты как нельзя лучше подтверждают последнее. Укажу эти факты. Указ, которым новое правительство запретило христианство, начинался так: «христианская нечестивая вера по-прежнему запрещается». Слово «нечестивая», по всем правилам грамматики, относилось к христианской религии. Когда указ был вывешен публично на досках, иностранные министры подали протесты против названия христианской религии нечестивою.

Министр иностранных дел, Хингаси-Кузе⁷⁶, дал ответ. Вот в каких выражениях писал он прусскому поверенному в делах, г. фон-Брандту: «Я имел честь получить ваше

письмо от прошедшего 5-го месяца, 26-го числа. Вы выражаете неудовольствие по поводу текста того из указов, обнародованных новым правительством после совершившихся весною наших государственных перемен, в котором говорится, что «христианская религия по-прежнему запрещается» и пр. Но так как это смешение понятий произошло от того, что до сих пор у нас о запрещенных нашими законами христианской религии и нечестивой религии (нечестивую религией, дзясю⁷⁷, называется та, которая колдовством и подобными средствами развращает человеческое сердце и пр.), говорили заодно, не разделяя их, то прошу понять что нечестивую религией не названа именно христианская религия». Между тем, еще до отправления ответов к иностранным министрам, новым распоряжением велено было по всей Японии переменить текст указа на публично вывешенных досках, отделив весьма ясно христианскую религию от нечестивой. Вот другой факт. При сдаче Нагасаки правительству микадо, прежний губернатор сдал и не решенное дело о нескольких христианах, содержащихся еще в тюрьме. Новый губернатор решил разослать их по ближайшим княжествам и отдать там под надзор местных властей. Когда с этою целью христиане (11-го июля прошлого года) посажены были на судно, в Нагасаки разнеслась молва, что их увозят с тем, чтобы часть утопить в море, часть обезглавить, а остаток отвезти на один из соседних островов в каторжную работу. Иностранные консулы, живущие в Нагасаки, послали к губернатору коллективную ноту, спрашивая, с какими намерениями вывезены христиане, и выражая надежду, что с ними не будет поступлено бесчеловечно и бесславно для Японии в глазах образованного мира. Губернатор отвечал тем, чтоб отдать их под надзор; что японское правительство не намерено оскорблять человечество истреблением невинных людей, что прочие христиане, оставшиеся в городе, не будут притесняемы, что те христиане вывезены с тем, чтобы предупредить беспорядки, могущие возникнуть от столкновения их с последователями других сект в соседстве; что японское правительство благодарит консулов за их добрые внушения и человеческие побуждения» (The Nagasaki Times 1868, July 6 (18), № 4). Иностранные министры в Йокохаме, встревоженные вестями из Нагасаки, также подали несколько протестов против жестокого обращения с христианами. Хингаси-Кузе, в том же письме, часть которого приведена выше, отвечал г. фон-Брандту следующее: «Вы несколько раз писали мне касательно христиан, появившихся в области Хизен⁷⁸, в деревне Ураками, и я до сих пор не отвечал вам. Военные смуты, мешавшие обсуждению дела, были причиной этого невольного замедления. Прошу великодушно извинить. Нечестивая вера, употребляющая колдовство, развращающая человеческое сердце, подрывающая основы нашего государственного быта, всегда была запрещена нашим правительством; но принявших христианство ссылать в заточение, топить, жечь, варить в масле, — такие бесчеловечные поступки никогда не были в намерениях нашего правительства, и ваши представления об этом, как я догадываюсь, возникли из вышеупомянутого смешения понятий (о христианской и нечестивой верах), или же из неосновательных слухов. Отложите же ваши сомнения и представьте это дело в настоящем свете вашему правительству». Решаюсь привести и еще письмо Хингаси-Кузе к г. фон-Брандту, относящееся одинаково к объяснению вышеупомянутого указа и к оправданию нагасакского дела. «В тексте недавно обнародованного указа касательно христианской религии под ряд постановлены: «христианская нечестивая религия». Отсюда произошло ошибочное понятие, будто именно христианская религия названа нечестивою. После этого, та и другая разделены на двое, как вам это известно. Религия, называвшаяся христианскою 300 лет тому назад, употребляла колдовство, развращала человеческое сердце, производила беспорядки, за это

она и была строго запрещена; а по всему этому и народ с того времени смотрит на нее как на нечестивую веру. Подобную веру и в настоящее время наше правительство никак не может допустить. Того же, что христианская вера — правильная вера, когда она еще находится в таком неведении, вдруг разрешить ее, несогласно с правительственными пользами. Нужно бы лишь рассудить, разобрать что правильно и что нечестиво, но этому помешали военные смуты. Поэтому относящиеся к этому предмету постановления не приведены в точность, и нельзя поручиться, чтобы в разных местах государства не было разницы в образе действий. Но так как с этого времени мы имеем войти в еще более дружественную связь с вашим государством, и так как подвергать жестоким преследованиям наших людей, принявших веру вашего государства, было бы несогласно с дружественностью наших отношений, то в настоящее время наше правительство рассудило и решило с этих пор не постановлять крутых законов против христиан, а обращаться с ними милостиво». (Письмо от 27-го числа 11-го месяца прошлого года). В каком смысле нужно понимать, и в каком действительно понимают эти и подобные декларации нынешнего японского правительства представители иностранных держав, миссионеры и японский народ, видно из следующих, небывалых до прошлого года фактов. Уже в христианских церквях, наравне с иностранными министрами и иностранными христианами, открыто молятся Богу японские христиане (я сам видел это в минувшую католическую и протестантскую Пасху в Йокохаме). Уже о принявших христианскую веру японцах сами миссионеры извещают во всеуслышание в периодических изданиях, называя японцев по именам, или описывая их так, что всякий, кто пожелает, тотчас может найти их (см. *The Record of the presbyterian Church in the U.S. Of America, for June 1869 r. The Foreign Missionary, June 1869; New-York*).

Что же значит, что японское правительство и запрещает христианство, и в то же время игнорирует заведомых христиан? Что другое, как не то, что японское правительство сознает всю слабость и бесполезность своих указов. В самом деле, стоящие теперь во главе правительства несколько удельных князей и масса молодежи, успевшей или нет побывать за границей, но во всяком случае знакомой более или менее с иностранными науками и порядками, разумеется, еще не знают хорошо христианской веры (да и когда было узнать ее в пятнадцать лет, в продолжении которых японцы не успели придти в себя, ослепленные блеском наружных атрибутов европейской цивилизации), но они видят и чувствуют, что им не защититься от этой могучей силы, которая так властно господствует над Европой и Америкой. Как атеисты, они, по всей вероятности, удивляются этому факту и готовы предложить иностранцам тот вопрос, который некогда задал Нобунага католическим миссионерам: «Ужели вы в самом деле веруете?» Но много ли нужно для того, чтоб убедиться, что в Европе и Америке действительно веруют и веруют искренно и глубоко? Те, которые так быстро перешли относительно иностранцев от презрения к уважению и от ненависти к глубокой симпатии, и которые с таким лихорадочным нетерпением стараются перенимать и заучивать все иностранное, разве замедлят окончательно убедиться, что христианская вера вовсе не колдовство, не учение противоправительственное, не орудие к завоеванию чужих стран, а напротив, чистое, духовное учение, единственная истинная религия на земле? Предположим даже медленный, постепенный ход. Вот взор японцев пока прикован к оболочке европейской цивилизации: пароходам, пушкам, внешней постройке конституций; но все эти молодые люди, — их тысячи, — изучающие теперь европейские языки, ужели все они и вечно будут заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдут ли они дальше? Не заглянут ли они глубже и в европейскую историю, и в юридическое

право, и во внутренний строй европейских государств? И могут ли они отделаться от знакомства с нею, основою всех наук и всего государственного быта Европы, предприняв пересадить к себе и эти науки, и этот быт? Они, если б и захотели, не могли бы этого сделать; но они и не захотят: японцы очень далеки от раскольничьего упорства в невежестве и нежелании знать резоны противной стороны; живущие в Японии знают как японец рад всегда приобрести [Библию](#), и с каким удовольствием показывает он ее и читает из нее тирады своим друзьям, хотя бы ни он сам, ни его приятели не были нисколько расположены верить в написанное: уж одно то, что эта книга почитается европейцами, магически влечет к ней японца. Что же касается до запрещения христианства во имя синту из-за необходимости поддерживать авторитет микадо, то это запрещение не устоит долго, как не продлится долго настоящий порядок вещей, если только не ждать окончательного расстройств Японии. Чтоб убедиться в этом, взглянем на характер современной японской революции.

Сёгуны дома Токугава долго были предметом ненависти князей: не по нраву пришлась им железная рука сёгунов, затворивших их в Едо, как в клетке. Но князья должны были сносить свою участь: на стороне сёгунов была вся нация, пора же ей было, наконец, осушить кровь и перевести дух после долгих кровопролитий, которыми угощали ее князья во взаимных распрях при предшествовавших сёгунских династиях. Но вот Япония входит в сношения с иностранцами: явились у сёгуна другие дела, повеяло новым духом; оказалось невозможным долее держать на привязи около трехсот удельных князей, скученных в Едо; они были распущены. Некоторые из них, вздохнув вольной грудью, скоро расправили онемелые члены, и пошла работа! Тосама (князья добывшие себе лены еще прежде династии Токугава) особенно не могли простить своего унижения; им нужно было, во что бы то ни стало, рассчитаться с сёгунами. И вот выступили на сцену все те громкие принципы, которые обыкновенно и прежде пускались в дело при подобных случаях: и восстановление прав ограбленной и уничтоженной императорской династии, и беспорядки правления, и стон будто бы страждущего народа. Было бы ни с чем несообразною ошибкой полагать, что современною революцией Япония обязана вторжению в нее иностранцев. Эта революция давно уже подготовлялась. Еще задолго до европейцев князья, сколько возможно было, интриговали против сёгунов, подкупами, под видом подарков, завлекали на свою сторону двор микадо, живший в нищете, старались как будто ненамеренно развращать и идиотить сёгунов. Приход иностранцев лишь на несколько лет ускорил взрыв. В начале прошлого года произошло открытое столкновение тайкуна и его приверженцев с коалицией враждебных князей, завладевших императорским флагом; несколько незначущих комбинаций доставили князьям победу. Никто не приписал ей на первый раз решительного значения. Сёгун обладал огромною собственною армией и довольно большим флотом; на его стороне были его гофудаи (князья, получившие лены от Токугава) и даже значительная часть тосама; за него готовы были душу положить его удельные подданные и, особенно, его Едо; сам сёгун на этот раз, как нарочно, был человек известных талантов. Все ждали, что он за стыд первого поражения заплатит врагам сторицею. Но, к общему изумлению, он сложил с себя власть, велел разойтись войскам, оставил Едо и, в виде смиренно кающегося в своих преступлениях пред императором, удалился на свою родину, в княжество Мито. Глубокое огорчение и даже ропот большей половины Японии сопровождали его, а враги торжествовали. Они великодушно оставили ему жизнь, отнятую было у него императорским указом, и принялись распорядиться Японией: сочинили конституцию, потом другую, написали народу множество указов и приказов, показали своего 15-летнего

микадо иностранным министрам, сменили служащих в тайкунских городах, выслав на место прежних чиновников, знавших свое дело, каких-то недолетков. По-видимому, все пошло своим чередом. Пред именем микадо все поникло, все, кроме части армии сёгуна, его флота и одного князя, самого рьяного из его защитников. Флот стоял в бездействии; строптивные войска стали действовать врассыпную, но они не были страшны без главы и без определенного плана; страшен был князь, «этот враг отечества, разбойник, изменник, злодей», как именовало его правительство. Но вот и он смирился, подал покорное прошение и наложил на себя арест. Множество северных князей, его соседей, стали ходатайствовать за него; «умильным слезным челобитьям» не было конца. Чего бы, кажется, лучше простить его, доставить мир потрясенной было Японии и оставить ее насладиться плодами либеральной конституции. Но не то нужно было коноводам движения; не об отечестве они хлопотали. Я уже сказал, что во главе современного движения стоят несколько сильных удельных князей и образованная молодежь из разных княжеств. Ее можно назвать авангардом Японии на поле цивилизации: она полна платонических мечтаний о будущем величии своего отечества и в самом деле думает ввести у себя английскую конституцию; но она сама лишь слепое орудие в руках другой силы, а эта сила — два-три удельные князя (Сацума⁷⁹, Цёосиу⁸⁰, Тоса⁸¹), из которых каждый питает самые существенные надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладеть верховною властью одному из трехсот претендентов, особенно, когда многие из них равны между собою по материальным силам, трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство в этом затруднении: нужно ослабить опасных совместников, направив их друг на друга. И вот Аидзу⁸², несмотря ни на какие просьбы, не прощается; Сендай⁸³, Йонезава⁸⁴, Сёонай⁸⁵ и другие сильные северные князья, несмотря ни на какие отговорки, посылаются на Аидзу; послы за послами от этих князей скачут в Мияко и обратно. Уже князья готовы были против своей воли идти на своего собрата: грозное имя микадо нудило их к тому; но одно обстоятельство изменило все. Совершенно случайно открыт был план коноводов революции, имевший основную мыслью именно ослабить северных князей, возбуждив между ними раздоры. Роли быстро изменились: северные князья казнили или выгнали из своих пределов микадских послов, разосланных для понуждения к скорейшему вооружению, провозгласили с своей стороны южных князей врагами отечества, соединили свои силы с Аидзу, все вместе заключили клятвенный союз против южан, и полилась кровь. Обе воюющие партии клеймили друг друга самыми позорными именами, обе в одно и то же время провозглашали своим принципом восстановление императорской власти, очищение отечества от бунтовщиков и возведение его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась эта кровавая драма. Южане имели на своей стороне все шансы превосходства; в их руках был император: его имени беспрекословно подчинялись четыре пятых Японии, по его зову шли огромные армии на север, по его приказу все покорные князья предоставили в его распоряжение свои пароходы и парусные суда, его именем выпускались кредитные билеты, и купцы принуждались менять на них серебро и золото, нужные правительству на военные издержки. Но не столько все это, сколько недостаток общего плана действий у противников помог наконец южанам взять перевес. В конце прошлого года северные князья один за другим покорились. Только Инамото⁸⁶, адмирал тайкунского флота, выдержал свою роль: с одиннадцатью судами, во главе 5.000 отважнейших воинов Японии, он выгнал из Хакодате императорское правительство, а из Мацмая⁸⁷ князя, и завладел всем островом Эзо⁸⁸. Ныне Южане принудили к покорности и этого последнего

из своих противников: Инамото побежден. Но волнение едва ли этим окончится. По всей вероятности, война не замедлит загореться на другом пункте. Южан до сих пор связывал общий интерес — общие враги. Для общего дела каждый из них пока терпеливо прятал своекорыстие под благовидною мантией империализма. Нет этих врагов, они не замедлят перессориться между собою; не перессорься они, выступят на сцену еще другие князья. Уже ли можно думать что хламида, сшитая из лоскутков иноземной конституции, без всякого внимания к национальному характеру и требованиям страны, придется по вкусу всем 300 гордых и своеобразных вассалов? Кажется, можно сказать наверное, что начавшееся волнение уляжется лишь тогда, когда выступит на сцену человек с печатью яркого таланта на челе, в свое собственное имя станет во главе движения, властною рукою укажет всем и всему приличное место и поведет свою нацию вперед. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой стороне, и это отсутствие вождя еще заставляет взоры многих обращаться на прежнего сёгуна. Еще не верится, чтоб он погиб бесследно, еще приписывают ему глубокие планы и ждут, что он выступит на сцену, но уже выступит грозно и славно. Или пусть бы этим талантом оказался сам микадо: это было бы истинным благословением Неба для Японии. Тогда не нужно бы было ни ходуль синтуизма, ни других искусственных приемов, тогда и без того князья скоро и послушно утихли бы, как утихают расшумевшиеся дети пред грозным учителем. Но может ли высохшая мумия оживиться, или увядшее древо дать плод? Двадцатипятивековая династия, не освежаемая притоком свежей крови и свежих сил, в продолжении последних 1.000 лет производила лишь полуидиотов, или самых незначительных личностей, и теперь, в лице своего пятнадцатилетнего представителя, по свидетельству иностранных очевидцев, нисколько не изменила себе⁸⁹.

Об Японии писано в Европе очень много, но все лишь по внешним наблюдениям, поверхностным расспросам и догадкам. Никто из писателей, начиная от добросовестного Кемпфера⁹¹ и плодовитого Зибольда⁹² до Алькока⁹³, Линдау⁹⁴, Готцена⁹⁵ и легиона им подобных, спекулирующих в настоящее время на интерес, возбужденный Японией, не был в состоянии заглянуть поглубже в душу японца, проследить развитие и разные проявления его духа. Необыкновенная трудность японского языка, при изучении которого только мимоходом, как средство, должен быть изучен китайский, были главным к тому препятствием. Оттого-то Япония до сих пор для Европы terra incognita. У всякого, при напоминании об японце, рисуется в воображении, пожалуй, какая-то фигура в халате, с косичкой на маковке, смешно приседающая и хихикающая.

Но это ли японец как он есть? Кто пообещает этой фигуре в близком будущем место в кругу цивилизованных народов? Кому не покажутся загадочными даже эти, во очию совершившиеся факты, что японцы, всего пятнадцать лет тому назад казавшиеся такими же непробудно сонными и неподвижными, как китайцы, в настоящее время имеют уже военный флот паровых судов, на котором ни человека европейцев, имеют специалистов ученых, получивших дипломы в европейских школах, механические заведения, могущие собственными средствами соорудить пароход, наконец либеральную конституцию с выборным началом в основании? А между тем эти факты как нельзя более естественны, и странно было бы, если б их не было. Но чтобы судить так, нужно изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии, словом, изучить его литературу. Пишущий эти строки, в продолжение восьми лет, употребленных на изучение японского языка, довольно коротко ознакомился с этою литературой и имеет намерение, насколько позволят ему его специальные занятия, знакомить с нею читателей, интересующихся Японией. Настоящий очерк, имеющий целью, главным образом, дать ключ к уразумению современной японской революции, написан на основании японских историй: Дайнихонси, Кокусириакю, Иси и Нихонгвайси⁹⁶. Разговоры заимствованы большею частью из последней, как самой достоверной и притом единственной бывшей у меня под рукой, когда, вдали от Японии, я писал этот очерк.

Ко временам Иоритомо⁹⁷, первого сёогуна (1186—1200 по Р.Хр.), династия микадо, царствовавшая с 660 г. до Р. Хр., давно уже успела совершить свою службу Японии. По общеисторическому закону ей следовало бы сойти со сцены, уступив ее другим деятелям, свежим и сильным. Но национальная религия делала это невозможным: по ее учению, микадо прямой потомок богини солнца, Аматерасуками, отдавшей Японию во владение ни кому другому, как своему внуку и его потомству. И вот история находит для себя окольные пути. У престола одряхлевшей династии возвышается сначала фамилия Фудзивара, овладевает всеми важными должностями в государстве, а к концу концов вводит обычай: иметь на престоле микадо или малолетних, или таких, которые заведомо не способны ни к какой самостоятельной деятельности. Этот обычай, длившийся больше двух веков, должен был принести свои горькие плоды. Нашелся микадо, пожелавший защитить свои права, которые были ему предоставлены, когда он был ребенком, но отняты, лишь только он сделался совершеннолетним. Фудзивара выставили свою креатуру, бесталанного Госиракава⁹⁸; но в неге и роскоши придворной жизни они и сами

уже успели изжить свои таланты. Дело не обошлось без участия более воинственных фамилий Таира⁹⁹ и Минамото. Та и другая, славные своими воинскими подвигами, были до сих пор, однако, в крайнем пренебрежении у Фудзивара. Усмирив бунтующие отдаленные провинции, и покрытый военной славой, герой, являясь ко двору, если только был допускаем, занимал там самое последнее место и подвергался презрению и насмешкам за незнание всех тонкостей мелочного этикета и за недостаток образованности, которая измерялась, главное, умением в каждую данную минуту сочинить на заданную тему красивый стишок. При восстании Сютоку¹⁰⁰ эти фамилии, в лице своих вождей, приняли сторону Госиракава. В самой столице дело императоров решалось мечом. Оно было решено в пользу Госиракава, благодаря талантам Таира Киёмори и Минамото Иоситомо¹⁰¹. Конечно, эти последние не для Фудзивара лили свою кровь; меч на этот раз и при дворе оказался пригоднее мирных стишков, и уже не хотел уступить им отвоеванное первенство. Но два медведя в берлоге не уживаются. Вожди своих фамилий, Киёмори и Иоситомо, оба одинаково талантливые и одинаково властолюбивые, став о плечо друг с другом, не замедлили начать и между собою борьбу не на жизнь и смерть. Киёмори одержал верх и истребил почти всю фамилию Минамото. Был уже совсем обречен на казнь и тринадцатилетний Иоритомо, сын Иоситомото; но, к счастью, два женские влияния неожиданно помогли ему: прекрасная Токива, вдова Иоситомо и новая страсть Киёмори, заодно с матерью его, благочестивою и кроткою старушкой, упростили Киёмори оставить жизнь ребенку и сослать его в заточение. «Львенка выпустили из клетки», сказал тогда кто-то при дворе и, как после оказалось, сказал правду. Таира теперь неограниченно властвовали в Японии, сменяли императоров по своему произволу, научились даже слагать стишки. Но в разных уголках тихо и незаметно подрастали и молодые побеги срубленного под корень, но не вырванного с корнем дерева Минамото. Вот один из них кликнул клич; смельчака, конечно, тотчас же уничтожили, но его голос не замер бесследно, а послужил для родичей сигналом: все они, скрывавшиеся по разным провинциям, разом подняли свое родовое белое знамя; к ним толпами стеклись многочисленные ветераны, которых некогда это славное знамя водило к победам, и началась кровавая драма. В лице Киёмори, умершего в самом начале борьбы, Таира лишились своего главного вождя; никто не нашелся заменить его. Их армии одна за другою были разбиты, и сами они, вместе со своим микадо, уничтожены. Истребив Таира, Минамото начали драться друг с другом; Иоритомо над всеми одержал верх и сделался властителем Японии.

Чем же стал при этом микадо? В сущности тем же чем был прежде: венчанным рабом невенчанной власти. Но теперь и по наружности многое изменилось. Фудзивара и Таира, похитив власть у микадо, не бежали казать это всему миру, а скромно устраивались у подножия престола и делали вид, что они лишь покорные исполнители воли своего повелителя. За то они и были не более, как временщики. Иоритомо не хотел этой роли; у него пред глазами прошли события, ясно говорившие, что не обладание особой микадо, а обладание армией может дать прочную власть. И военная диктатура отныне основалась в Японии. Камакура, которую Иоритомо избрал своею резиденцией, стала военным станом, управлявшим Японией посредством разосланных повсюду военных офицеров. Но отчего Иоритомо прямо не провозгласил себя императором? Он восстал первоначально мстителем за свой род и достиг несравненно больших результатов, чем ожидал: чего ему было больше желать? Притом же он был уверен, что с ним симпатии войска и народа, пока он не выходил из должных границ: но было ли бы то же, если б он задел народные верования? А ведь микадо в глазах народа потомки богов. Сёогунская власть потому и

возникла, что, в той или другой форме, Япония, уставшая от долгих неурядиц, требовала действительной власти: Иоритомо шел так далеко, как простирались народные требования.

По смерти Иоритомо, воздвигнутый им сёогунский престол бесспорно перешел к его несовершеннолетнему сыну. К несчастью, Иоритомо, в видах упрочения власти за своим прямым потомством, беспощадно истребил своих ближайших родственников из фамилии Минамото. Сёогунский престол, нуждавшийся теперь в опоре по малолетству детей Иоритомо, сделался игралищем вдовы его, Масако, а чрез нее ее рода — Хоодзёу¹⁰², происходившего от Таира. Как двойные рабы (императора и сёгуна), Хоодзёу, конечно, не смели объявить притязания на престол; но тут с сёгунами стало повторяться то же, что было с микадо. Масако со своим отцом и братом играла детьми и внуками Иоритомо, возводя и низводя их с престола до тех пор пока все они были истреблены. За неимением ближайших родственников Иоритомо, был тогда вызван из Мияко (столицы микадо) один дальний, и, разумеется, ребенок. Удалая Масако продолжала регентствовать и за него, из-за занавеса изрекая приговоры. Все, не исключая военачальников, трусили пред нею и называли ама-сёогун (монахиня-сёогун, потому что Масако, согласно господствовавшей тогда моде, по смерти мужа не замедлила пойти в монахини).

Между тем микадо, на досуге от дел правления, успели сообразить, в какое положение они попали, и захотели возвратить потерянную власть. При Иоритомо и его прямых наследниках они не смели и думать об этом. Но по пресечении его рода, царствовавший тогда микадо Готоба¹⁰³ решился приступить к делу. Так как в его распоряжении не было никаких войск, то на первый раз, чтоб иметь с чем начать восстание, он затеял в Мияко праздник и, под видом военных игр, созвал из ближайших мест несколько военных отрядов. Между тем секретные агенты, с воззваниями к вооружению, разосланы были во все стороны. Один из них прибыл и в Камакура, но был здесь узан и схвачен; вместе с тем узнаны и действия Готоба. Масако созвала военачальников и из-за занавеса произнесла им речь, в которой рассказала как «злые люди стараются оклеветать ее и ее родичей пред микадо, и как микадо, подстрекаемый наговорами, замыслил истребить весь род Хоодзёу», и заключила воззванием ко всем, кто помнит благодеяния ее мужа, помочь ей против «клеветников». Военачальники единодушно вызвались защищать регентшу. Тогда ее брат, Иоситоки¹⁰⁴, в несколько дней собрал более 100 тысяч войска и отправил в столицу, после чего отпустил туда же и посланца Готоба, наказав передать микадо от его имени следующее: «Слышно, что ваше величество любите сражения; благопочтеннейше посылаю к вам моих сыновей со 100 тысячною армией; пусть они подерутся, а ваше величество посмотрите; если еще ваше сердце не удовлетворится, то есть еще 200 тысяч, с которыми я сам приду». Готоба, услышав это, перетрусил и опустил руки, войска Хоодзёу без труда разбили защитников его и овладели столицей; Готоба малодушно хотел свалить всю вину на своих приближенных, но это не помогло: он был сослан в заточение, вместе с другими виновными своими родственниками.

С этих пор микадо надолго потеряли охоту гоняться за властью. Хоодзёу беспрепятственно управляли Японией в качестве регентов, возводя и низводя сёогунов по своему произволу. Между ними были люди несомненно талантливые и заслужившие истинную любовь и добрую память народа. Между прочим, их стойкости и мужеству Япония обязана тем, что избежала позора подчинения монголам (в 1281 году было нашествие их), тогда как микадо совсем уж готов был подвергнуть отечество этому позору. В самих микадо заметна еще некоторая жизнь и деятельность, но как она мелочна! Золотая монета совершенно разменялась на медные полушки. Члены фамилии

микадо ссорились между собою за честь посидеть на престоле, сплетничали и клеветали друг на друга пред Хоодзёу, и довели, наконец, регентво до того, что последние без церемонии установили им 10-летнюю очередь пользования титулом микадо. Но и Хоодзёу мало-помалу изнежились и выродились, и в их руках бразды правления ослабли. Хорош был состав правительства в это время в Японии! Микадо поневоле без власти, брошенной им для забав. Не находящая себе приюта у кого следует, власть ютится где-нибудь у темного временщика, который, не имея возможности приютить ее под каким-нибудь законным предлогом, незаконно извлекает из нее за то все, что может.

Когда последний из регентов Хоодзёу, Такатоки (1311—1333), предавался своим любимым забавам: травле собак и слушанью песенников, а его приближенный Такасуке, страшный взяточник, грабил Японию, на императорском престоле сидел Годайго [105](#). Природа, кажется, употребила последние усилия, чтобы произвести в этом микадо все, к чему была способна истощившаяся и выродившаяся династия, и чтобы раз навсегда заявить, что Японии больше нечего ждать от нее. Годайго скорбел о потере власти; презрев обычаи, стал сходиться с военными и делать им попойки, сам слушал жалобы и судил справедливо. Его сын, Мориёси [106](#), был тоже не из обыкновенных в императорском роде; его он прочил на престол после себя, чтобы поддержать свои планы возвращения власти. Такатоки, услышав обо всем этом, велел схватить микадо и отправить в ссылку, но Годайго успел убежать и скрыться. Разосланные им гонцы там и сям приглашали людей на защиту микадо, но их никто не слушал. Однажды, занятый своим грустным, безвыходным положением, микадо заснул и, по сказанию летописца, увидел следующий сон: у дворца, на юг, под деревом, стоит императорское седалище пустое: подходят к нему два мальчика и горько плачут, что во всей Японии нет места для повелителя ее. Проснувшись, Годайго стал гадать о значении сна; «дерево» и «юг»: если соединить в один два иероглифа, которыми пишут эти слова, то выйдет название дерева «кусуноки». «Нет ли где по близости такой фамилии?» — спросил он у бонз, у которых скрывался. Ему указали на некоего Кусуноки Масасинге. Годайго велел сыскать его и поручил ему свое дело. В нем на историческую сцену выступает одна из самых благородных личностей японской истории. Род Кусуноки возник и уничтожился вместе с Годайго и его родом. Он весь истощился на защиту прав микадо. Вместе с Нитта, другою благожелательною императорам фамилией, Кусуноки оказывали чудеса храбрости и умственными талантами далеко превосходили своих соперников, но потому только, что они защищали отжившую идею, непопулярное дело, они не имели прочных успехов и принесли отечеству более вреда, чем пользы. Масасинге начал защищать Годайго с самыми ничтожными средствами: у него набралось всего 500 человек против большого войска Хоодзёу; но это войско не могло взять и одной занятой им крепости до тех пор пока Масасинге, видя бесполезность дальнейшего упорства, сам тайно оставил ее, устроив так, чтобы неприятели остались уверенными, что он погиб в пожаре. Распространился слух о его смерти. Годайго был схвачен и сослан. Но Масасинге явился в другом месте и стал одерживать победу за победой. Деятельным помощником его на этот раз был Мориёси. Годайго успел бежать из плена. Сочувствие к микадо начало пробуждаться. Наконец, Такатоки, чтобы разом уничтожить врагов, послал против них огромнейшую армию под начальством лучшего из военачальников, Асикага Такаудзи. Но и Хоодзёу в это время уже потеряли свою популярность. В решительную минуту боя других сил Хоодзёу с войсками Годайго, Такаудзи расположился со своею армией, в виду сражения, на попойку, и видя, что сторона микадо берет перевес, перешел и сам туда. Между тем, другою военачальник Хоодзёу, Нитта Иосисада [107](#), еще прежде взяв за болезнью отпуск из

действующей армии и тайно получив от Мориёси, объявившего себя сёгуном, указ о наказании Такатоки, вернулся в свои поместья, неподалеку от Камакура, и дождавшись сборщиков на военные издержки, перебил их, быстро вооружился и напал на беззащитную почти Камакура. Такатоки, чтобы не попасться на позорный плен, распорол себе брюхо, и Хоодзёу, таким образом, были низвергнуты; само-собою разумеется, что вместе с ними стушеввался, и без того едва заметный, сёгун их. Годайго из своего убежища, где скрывался после побега из ссылки, с торжеством вернулся в Мияко, объявил Камакура своим владением, наградил своих защитников, и в особенности Такаудзи, которого объявил главным виновником своего возвращения на престол; сам занялся делами правления, а для разбирательства жалоб назначил Кусуноки вместе с другими героями. Все, по видимому, пошло хорошо, старым, обычным порядком. Но, увы, только на первые дни. Годайго хотел, как видно, вознаградить себя за прежние лишения: скоро бросил дела, окружил себя любовницами, певицами, актерами; отнятые у Хоодзёу поместья, вместо того, чтобы разделить заслуженным и раненым воинам, стал раздавать любовницам и актерам, причем происходила такая путаница, что лишь только поместье назначено одному лицу, как, не отменяя указа, его же назначили другому; разом являвшиеся в свое поместье два разные владельца затевали тяжбу или драку, что еще больше увеличивало общую сумятицу в администрации. Придворные, до сих пор бывшие в унижении, теперь, с падением сёгуна и переходом правления в руки микадо, опять подняли голову и старались всячески унижать военных. Последние почувствовали себя крайне оскорбленными и ждали только вождя, который бы вновь подал сигнал к восстанию против микадо. Этот вождь явился в лице Такаудзи. Но прежде, чем объявить себя против микадо, он постарался отделаться от самого опасного для себя лица, Мориёси. Этот царевич, настоящий *bon vivant*, любивший, чтобы все вокруг него кутило, пело и шумело, но честный, прямой и храбрый и, разумеется, преданный своему отцу, после которого имел наследовать престол, рассорился с Такаудзи за то, что тот в качестве губернатора Мияко, казнил за беспорядки несколько солдат из команды его офицера. Такаудзи начал пред микадо всячески чернить поведение наследника престола. В этом ему деятельно помогала любимая наложница микадо, имевшая в виду очистить престол для своих детей. Наконец Мориёси, понявший намерения Такаудзи, стал сзывать войска, чтоб истребить его. Одно из воззваний попало в руки Такаудзи, который не преминул представить его микадо, с подобающим комментарием, из которого явствовало, что Мориёси затевает преждевременно овладеть престолом. Мориёси был позван во дворец, без всякого суда схвачен и выдан головою Такаудзи. В это время, подросший в неизвестности сын Такатоки, Такаюки, собрав остатки преданных своему роду людей, явился под Камакура. Годайго отправил Такаудзи с войском против него. Такаюки был неопасен; его тотчас же уничтожили. Но Такаудзи засел в Камакура и объявил себя сёгуном. Микадо спохватился, но поздно: почти все военные силы были в руках Такаудзи. Микадо объявил его изменником и велел собирать войска; но Такаудзи двинулся на Мияко, принудил микадо бежать и овладел столицей. Все с радостью переходило на сторону нового сёгуна; только Кусуноки и Нитта опять вооружились за микадо. С малыми средствами они выгнали Такаудзи из Мияко, крайне стеснили его и принудили бежать на Киусиу. Там Такаудзи без труда собрал огромное войско и с ним вновь явился пред столицей. Придворные, ничего не понимавшие в военном деле, помешали исполнению планов Масасинге, вследствие чего он, с горстью воинов, должен был вступить в сражение с полками Такаудзи, заграждая им путь в столицу; он дрался как лев; тучи врагов расступались пред ним, давая дорогу бежать; но он предпочел

кончить здесь свою геройскую жизнь, и обнявшись с братом, попросил пронзить его садикикинжалом, в ту минуту как сам он оказывал брату такую же услугу. Такаудзи занял Мияко, переманил к себе одного из царевичей, и изъяснив затем притворную покорность пред самим Годайго, попросил и его вернуться в Мияко. Годайго, малодушно бросив единственного своего верного защитника, Нитта Иосисада, явился к Такаудзи, но, увы, его звали только за тем, чтоб отобрать унесенные им знаки императорского достоинства и потом засадить его в тюрьму. Годайго опять посчастливилось убежать; Асукага на этот раз и не гнались за ним; они, напротив, рады были, что он развязал им руки, и что народ не может упрекать их, как прежде Хоодзёу, за жестокое обращение с императорами. Такаудзи поставил своего собственного микадо. Но Годайго, под защитой все еще верного Иосисада, не думал отказываться от престола. Таким образом явились два микадо: северный и южный (Годайго). Сёогуну был страшен не Годайго, но его защитник Иосисада; пока последний стоял во главе противников, дело Асикага не могло быть прочным, и потому против него они направили свои главные силы. Еще была надежда для Иосисада: он поправился до такой степени, что из оборонительного положения стал в наступательное; к несчастью, вместо того, чтоб идти на юг, где его ожидал успех, и где Камакура уже была взята его сыном, он, без особенной нужды, долго оставался пред одною незначительною, но геройски защищавшеюся крепостию, и наконец, наткнувшись во время рекогносцировки с небольшою свитой на значительный неприятельский отряд, тут же погиб. Все поняли, что это была гибель и дела Годайго. Такаудзи в Мияко торжественно выставил голову Иосисада на позор и успокоился от военных трудов. Умер и несчастный Годайго, оставив южный престол своему сыну, Гомураками ¹⁰⁸, и завещав истребить род Асикага. Завещание это разослано было в разные провинции. Затем еще одна яркая вспышка героизма за права микадо, в лице Масацура ¹⁰⁹, 22-летнего сына Масасинге; вновь Асикага должны были поднять все свои силы. Масацура оказывал чудеса храбрости, но нельзя было стоять за дело, за которое почти никто не хотел сражаться; горсть храбрецов, увлекаемых более личными качествами вождя, чем сочувствием к микадо, недостаточна против симпатий всей нации. После Масацура, погибшего такою же геройскою смертию, как и его отец, южные микадо держались еще довольно долго остальными потомками Масасинге, но, разумеется, без дела, власти и собственно благодаря тому, что Асикага не обращали на них внимания. Уже спустя 57 лет по разделении (1336—1392), Асикага предложили южному микадо перебраться в Мияко, обещав, что его потомство будет чередоваться званием микадо с потомством северного; южный с охотою согласился; но в первый же раз, когда ему приходилось держать свою очередь, сёогун не исполнил своего обещания. Последние Кусуноки, оскорбленные за своего протеже, старались было поднять восстание, но безуспешно; это было, однако, последнее эхо замолкающего голоса за микадо. С тех пор, до прошедшего года, никто никогда не думал заступаться за них. И в каком жалком положении находится с того времени микадо! Двор Асикага блистал неслыханным великолепием, а микадо часто был в опасности умереть голодною смертию; Асикага воздвигали серебряную башню, а микадо жил в развалинах, и в тронной зале уличные ребятишки собирались играть в комки грязи; Асикага от своего имени сносились с Китаем и приняли от китайских министров титул королей, а о микадо его собственные подданные забыли ^{***}. Династию Асикага сменил Ода Нобунага (1573—1582), его фамилия Тоётоми (1583—1602), за которою восстал род Токугава (1603—1868). Все это было рядом кровавых междоусобий, но эти междоусобия — драки за сёогунский престол; за микадо не поднималось ни одного голоса. Вновь возникающие властители оказывали им дешевые ласки: Нобунага

построил для микадо новый дворец; Тоётоми Хидеёси, в часы отдыха от военных трудов, любил иногда устроить блестящую процессию во дворец микадо и посидеть по левую руку у него, в качестве квамбаку¹¹⁰ (государственного канцлера, титул, который Хидеёси предпочел титулу сёгуна, означающему в буквальном смысле генерал); Токугава устроили довольно сносно материальное положение микадо, так что он, хотя не богато, но сыто жил. Но никто из них не давал микадо и тени власти и влияния на государственные дела. Все что ему было предоставлено, это: пользоваться почетными титулами тенси¹¹¹ (сын неба), микадо (почетные ворота), теи¹¹² (император), утверждать в почетных чинах тех, кого ему представляют, возводить умерших сёгунов в звание богов и затем всю жизнь читать книги. «Так как, для того, чтобы хорошо править государством, нужно быть образованным, то микадо должен иметь первую свою обязанностью прилежное занятие науками», стоит на первом месте в числе правил, которыми Токугава Иеясу оградил жизнь микадо. И какая злая ирония в этом правиле!

Тот же упадок имперской власти подал повод и к возникновению удельной системы^{****}. Сёгуны, крепко стянувшие в одни руки бразды правления, бесспорно, могли бы в первое время уничтожить зародыши этого нового государственного явления; но они нашли в нем такое верное средство к ограждению себя от императоров и к утверждению своего господства, что никто из них и не подумал о том; напротив, они охотно поощряли и развивали удельную систему. Повременные ослабления власти в руках сёгунов естественно способствовали к развитию и укреплению этой системы, которая наконец окрепла до такой степени, что уже нельзя было и думать об ее уничтожении.

В цветущие времена императоров, Япония, разделенная на провинции, управлялась губернаторами, которые сменялись чрез каждые четыре года. Губернаторы были чисто гражданские чиновники; знание отечественного и китайского законодательства было непременным условием избрания на эту должность. Избрание производилось под непосредственным надзором самого императора. Вместе с губернатором отправлялись из столицы его ближайшие помощники; второстепенные же чиновники выбирались из местных жителей. Для поверки губернаторов и устранения самовольства с их стороны, император часто назначал ревизоров, которые, объезжая провинции, входили в непосредственное сношение с народом. Чиновники, найденные виновными в незаконных поступках, тотчас же вызывались в столицу и подвергались суду. Иногда император и сам выезжал в ту или другую провинцию для ближайшего ознакомления с народным бытом и потребностями. Это был золотой век японской истории! При ослаблении императорской власти выборы губернаторов стали производиться по личным видам временщиков, и четырехлетний срок службы скоро был забыт; пользуясь протекцией при дворе, многие губернаторы спокойно оставались все время своей службы в столице и отсюда управляли своими губерниями; иные же, напротив, заехав в провинции, жили там, сколько хотели, и делали, что хотели. В последнем случае, в местах удаленных от столицы, губернаторы скоро стали смотреть на свои провинции как на вотчины и, умирая, передавали их, вместе со своими должностями, детям, как законное наследство. Хорошо еще если кто заботился о доставлении собранных податей в столицу; многие и того не делали. Так обозначились первые признаки тяготения Японии к удельному устройству преимущественно на юге, на отдаленном от центра империи Киусиу; там еще задолго до сёгунов было истинное удельное царство: губернаторы дрались между собою, отнимали друг у друга провинции и знать не хотели никаких указов из столицы. На севере было иначе. С этой стороны Япония граничила со своими

исконными врагами айнами, не перестававшими тревожить ее вплоть до нынешнего столетия. По мере расширения к северу, японцы шаг за шагом оттесняли их. Но чтоб удержать за собою занятую территорию, японцам постоянно нужно было или воевать, или быть готовыми к войне. Между тем, в досёогунские времена постоянных войск в Японии не было: империя довольствовалась земскою милицией, собираемою во время особенной нужды, как, например, для походов в Корею, и распускаемою по миновании надобности; для мелких непрерывных стычек с айнами, очевидно, не стоило содержать армию. Какие же были средства защиты от них? Пограничным землевладельцам дозволено было, кто может, иметь у себя достаточный запас вооруженных людей для ограждения своих и соседних полей и деревень. Эта мера, разумная в основании, при ослаблении центральной власти, тоже повела к дурным результатам. Богатые землевладельцы не замедлили обратиться в воинственных помещиков; о земледелии они перестали думать: на них работали уже другие, обязанные оплачивать военную защиту, которою пользовались от них. Любящая праздность и военную славу молодежь стекалась под их знамена; а так как мелочные схватки с айнами не могли занять их праздные силы, то они начали драться друг с другом; слабые скоро были поглощены более сильными, и таким образом на севере, без воли и почти без ведома императоров, образовалось множество удельных князьков. Не имея законом определенного положения в государстве, не связанные, поэтому, никакими обязательствами, князьки эти никак не могли определить свои отношения к центральной власти, и более сильные кончили тем, что порвали всякую зависимость от кого бы то ни было. Это, наконец, потребовало сильных мер и, для приведения севера к покорности направлена была туда одна из лучших фамилий империи, Минамото, облеченная для этого высшими военными титулами и полномочием везде набирать войска. Ряд героев, предков Иоритомо, прославился в этих войнах, до того упорных, что и несомненные таланты полководцев, и огромные армии едва не оказывались тщетными. Так утверждалась удельная система по окраинам империи. В других местах в то же время целые провинции были разобраны временщиками и розданы их родным и друзьям как поместья, управлявшиеся в таком случае старостами, которых назначали сами владельцы. Чем сильнее был временщик, тем больше провинций раздавал он своей партии, так что, например, фамилия Таира во времена Киёмори, владела тридцатью провинциями, что составляло почти пол-Японии. Это подготовило к удельному порядку центральные провинции, и уже борьба Таира с Минамото носит на себе характер драк удельных князей: за Таира лили кровь их провинции; у Минамото в это время, правда, не было провинций, но за них стояли их бывшие вотчины вместе с потомками тех, кто дрался под их славным белым знаменем на севере.

Когда Иоритомо взял верх над Таира и над своими соперниками из родичей, Япония представляла лишь бледную тень прежних порядков, как заведенных самими императорами, так и образовавшихся независимо от их воли. Слабые губернаторы не имели влияния на народ, потому что источник их собственной силы иссяк с окончательным падением императора; удельные владельцы были бессильны пред обладателем огромной, правильно организованной и уже не распускавшейся армии. Это было лучшее время вновь учредить единоличное правление и устранить на будущее время поводы к удельному раздроблению. Так бы, может быть, и было, если б Иоритомо решился, презрев народные суеверия, столкнуть призрак императорства с престола и занять его место. Но он на это не решился и должен был поэтому обегать страшное затруднение. Прежние гражданские губернаторы были оставлены им в покое, так что по наружности Япония как будто оставалась под управлением императора; но во все

провинции и даже в личные поместья императора и придворных он разослал своих офицеров с сильными военными отрядами, посредством которых собственно и управлял империей. Это было хорошо и нисколько не опасно до тех пор, пока правление находилось в его сильных руках. Но при его преемниках, когда и Камакура, как прежде Мияко, сделалась театром непрерывных интриг, дело не замедлило принять другой оборот. Гражданские губернаторы, как и следовало ожидать, не замедлили бесследно стушеваться; военные же начали один за другим принимать свои провинции за настоящий наследственный удел. Более добросовестные из Хоодзёу хотели было поддержать порядки Иоритомо: но им ли было сделать это, когда они сами незаконно пользовались верховною властью и для защиты себя от императоров должны были искать услуг тех же губернаторов? И притом, теперь уже не так легко было справляться с губернаторами как в былые времена: теперь Япония была покрыта сетью постоянных военных станов, и каждый губернатор мог дать отпор; а если бы в одном и том же деле были заинтересованы все они, то отпор мог превратиться в наступление. Довольно того, что губернаторы еще допускали над собою контроль Хоодзёу, которым и побуждаемы были править своими областями ко благу народа, так что времена Хоодзёу еще были довольно мирны и счастливы для народа.

Приготовленная таким образом к восприятию удельной системы, Япония в правление следующей сёогунской династии, Асикага, не только окончательно усвоила ее себе, но и испытала все ее невыгоды. Асикага на первых же порах за помощь, оказанную им против микадо, стали платить своим генералам самыми роскошными наделами. Явились князья, владевшие шестою частию Японии в одних руках. Асикага думали эту щедростию обеспечить для себя на будущее время верность людей, казавшихся им наиболее преданными. Они и не подумали о том, как неудобно будет потом управлять этими людьми. Они, впрочем, правду сказать, не думали ровно ни о чем, относящемся до правления. Кроме Такудзи, родоначальника династии, все прочие сёогуны Асикага были замечательно бездарные и бездеятельные. При вступлении на престол — большею частию интриги и коварные убийства, в прочее время — пиры, охота, безумные затеи роскоши, вроде постройки серебряной башни и посылки в Корею за драгоценностями, — вот картина жизни Асикага. Правление государством было поручено бессменным регентам (кванрёо). Но так как это звание было не избирательное, а наследственное достоинство известных вассалов, огромные же лены этих вассалов давали и им возможность кутить не хуже сёогуна, то власть мало-помалу перешла в руки мелких слуг регентов; а это естественным путем привело к тому, что эти мелкие господа начали играть и регентами, и сёогунами как пешками и переставлять их по произволу. Регенты и сёогуны иногда понимали невыгоду своего положения и стенали под гнетом, но уже не в силах были высвободиться из-под опеки. При таком положении вещей могли ли оставаться в покое князья, почти не чувствовавшие над собою контроля, а между тем содержавшие огромные армии, как для охранения своих владений, так, особенно, для того, чтобы во всякое время быть готовыми защищать сёогуна, — самое главное и почти единственное, что вменялось им в обязанность при получении ими владетельных грамот? Они, естественно, без устали дрались друг с другом; даровитые и храбрые из них расширяли свои владения за счет слабых; являлись более даровитые и пускали их самих по миру; всякий воевал, кто с кем хотел, и разбирал Японию, кто только мог. Вот Ямана Моцитоё¹¹³ и Хосокава Кацумото, лично ненавидевшие один другого, просят позволения у сёогуна (Иосимаса)¹¹⁴ немного подраться друг с другом. Сёогун разрешает, с единственным условием чтоб они дрались один на один, и Кацумото выдвигает своих собственных 160.000 войска, Моцитоё тоже

своих 110.000: Мияко с окрестностями подвергается на одиннадцать лет всем ужасам опустошительной войны, и это с разрешения сёюгуна! Но вот, уже без разрешения, некто Нагаудзи, из фамилии Хоодзёу, идет пешком один-одинехонек в Идзу с твердым намерением приобрести себе эту провинцию. Успел он здесь кое с кем познакомиться, подобрал приятелей по душе. Во время возникших в скорости между Масатомо и Нарудзи споров за лен из восьми восточных провинций (Кван-Хассиу)¹¹⁵, составлявший по завещанию Такаудзи родовую собственность самих же Асикага, в поколении младшего сына Такудзи, Нагаудзи стал на сторону Масатомо; а когда Масатомо был убит, и по этому поводу произошло смятение, Нагаудзи, с партией своих приятелей, всего до 500 человек, быстро овладел всем Идзу. Но теперь одной провинции ему показалось уже мало: он задумал овладеть всем Кван-Хассиу; уже он забрал и другую провинцию, Сангами, но смерть помешала ему идти дальше; умирая, он строго завещал своему потомству исполнить его план, и его внук уже владел всеми восемью провинциями. Вот сын одного небогатого помещика, Мори Мотонари, был усыновлен тоже небогатым домом Тацихи¹¹⁶ и получил в наследство деревню, доставлявшую возможность содержать 300 солдат. Когда в Аки стал вольничать один князек, Мотонари смело напал на него со своим крошечным войском и разбил. Когда затем два соседние большие князя, Амако и Ооуци¹¹⁷, начали драться между собой, Мотонари явился деятельным сторонником сначала одного, потом и другого, и явился таким образом обладателем 13 провинций. Это родоначальник теперешнего князя Цёосиу, приобретшего всесветную известность своим деятельным участием в японских событиях за последнее десятилетие. А там, на западе, два героя-монаха: владетель провинции Каи, Такеда Синген¹¹⁸, и провинции Эцинго¹¹⁹ Нагао Кенсин¹²⁰, вперили друг в друга зоркий взгляд: ежеминутно готовят они друг другу смертельный удар и ежеминутно парируют взаимные удары с непостижимым искусством. Прервем на минуту нить мыслей, чтобы полюбоваться истинным рыцарством этих героев. Каждый из них настолько имел военных талантов, что с уверенностью можно сказать, мог овладеть всею Японией. Но судьба поставила их друг против друга, как будто для того, чтобы связать одну силу другой и не дать обоим свободного движения.

— Как Синген воюет? — спросил Кенсин одного князя, выгнанного Сингеном из владений и пришедшего просить защиты у Кенсина.

— Он обыкновенно не торопится в военных действиях, — отвечал тот.

— Это значит, — пояснил Кенсин, — что он гонится за расширением своих владений. Я не так, у меня чтобы только копье не погнулось в сторону.

И отложив предпринятую поездку в Мияко, с целью проложить себе путь к сёюгунскому престолу, он двинул свои силы на Сингена, и с этого времени начались их почти непрерывные войны друг с другом. Каких они хитростей не употребляли друг против друга, и как искусно разбивали один другого, но только для того, чтобы чрез два-три дня поменяться победами! Поставленные в необходимость изощряться друг против друга, они создали военное искусство в Японии, по крайней мере первые стали употреблять правильно построенные и твердо сомкнутые колонны, для чего нужно значительное развитие военной тактики. И при этой, почти непрерывной, борьбе друг с другом, они относились один к другому истинно рыцарски. Однажды другой неприятель и сосед Сингена запретил вывоз соли в Каи, чем поставил эту удаленную от моря провинцию в большое затруднение. Кенсин послал к Сингену сказать: «Мы сражаемся с тобой оружием, а не хлебом и солью. Бери у меня соли, сколько хочешь», и велел своему

народу поставлять аккуратно и по дешевой цене соль в неприятельскую землю. Вот Синген, в одной битве потесненный Кенсином, переправляет свои колонны за реку; уже последняя колонна вступила в воду; Синген, замыкавший шествие, остается на минуту один на берегу. Вдруг с неприятельской стороны на него несется всадник с закрытым лицом, и сабля, как молния, сверкает над головой Сингена; он не успел выхватить своей сабли: он ранен, изрублен? Нет, он хладнокровно парирует удары железным веером, случившимся в его руках, пока лошадь противника, испуганная направленным на нее копьем, не отпрянула назад, и всадник не ускакал. То был Кенсин, прилетевший один на один померяться с соперником; но он мог бы прискакать и не один. Синген умер раньше Кенсина, и последний почтил смерть своего благородного противника искренними слезами. Ему советовали воспользоваться малоопытностью наследника Сингена, чтобы завоевать его владения. Кенсин отвечал: «Я не мог взять, чего хотел, у Сингена, стану ли теперь пользоваться слабостью его ребенка?» (между тем этот ребенок давно уже командовал армиями), и обратил свое оружие против других князей: самые сильные из них задрожали; ничем не могли они остановить страшного врага, уже не видевшего себе соперника; он шел от победы к победе, и неизвестно, где бы остановился, если бы смерть не пресекла его планов. А в области Микава, в деревне Мацудаира, зародился уже и дом Токугава. Староста этой деревни не забывал, что он потомок Нитта Иосисада, погибшего в несчастной борьбе с Асикага за права микадо. Сын Иосисада, Токудзю, принужденный в то время скрываться от ненависти Такаудзи, уже хотел поступить в бонзы: по счастью, он понравился одному случайно встретившемуся крестьянину, который оказался старостой деревни Мацудаира; не имея сыновей, староста пожелал усыновить мальчика, и на его желание с радостью согласился. Токудзю наследовал от своего приемного отца и звание старосты; но он и его потомки помнили свое происхождение и питали твердое намерение добыть себе княжество. Царствовавшая кругом сумятица представила легкую возможность к этому, и вот староста при помощи своих сельчан, которых не преминул расположить к себе щедростью и справедливостью, овладел еще деревенькой, за нею другой, и маленькое княжество родилось на свет. Новый князек нашел удобные обстоятельства, чтоб из столицы выхлопотать себе чин и владетельную грамоту; с этими атрибутами Токугава действуют уже смелее, и их княжество расширяется. Но вот они приходят в неприятное столкновение с знатным соседом, Имагава Иосимото ¹²¹, владетелем трех провинций: Иосимото грозит уничтожить их; для умиловления его, они должны послать к нему заложника своей верности; и этот заложник никто иной, как сын князя, маленький Иеясу, будущий обладатель Японии; но тогда этот обладатель был еще мал и слаб: дорогой его попросту украл другой князь, хотевший обеспечить за собою верность Токугава. Чрез несколько времени Иеясу передан был Иосимото и стал коротать свое невеселое детство в неволе, часто затрудняясь со своею свитой насчет дневного пропитания. А между тем, ему уже давно следовало бы пользоваться всеми выгодами своего княжеского положения: отец его умер, княжество оставалось за ним; но делами, а главное, доходами распоряжались чиновники Иосимото. И нужно еще удивляться благородству Иосимото, просто не присоединившего это княжество к своему уделу. Оставляем другие примеры, чтобы сказать вообще, что во время Асикага, куда бы мы ни обратили взор, везде война: каждый князь или недоволен своим уделом и добивается большего, или соперничает с соседом в военной славе, или мстит обиду, или помогает соседу, или защищает свои территории, или усмиряет внутренние мятежи, словом, по той или другой причине, непременно воюет. Правда, некоторые останавливаются на время, чтобы воспользоваться достоянием отцов: бранные клики

сменяются во дворцах мягкими звуками гитары и флейты, железный панцирь уступает место парче и атласу, веселые толпы любовниц, танцовщиц окружают князя; театры, пиры, вино — рекой. Но соседи жадною толпой уже обступили сибарита и по пальцам рассчитывают, сколько еще дать ему времени веселья, скоро ли перемрут героисподвижники его отца или деда, и когда настанет окончательный упадок военного духа в его владениях. И будьте уверены, они не дадут ему загуляться, скоро он пойдет обивать пороги у прежних прихлебателей. Смотри на князей, дерется и простой народ, собираясь иногда огромными скопищами и мстя своим мучителям-князьям; дерутся, наконец, бонзы, собирая целые армии своих последователей и отбивая друг у друга храмы и земли. Словом, дерется все, что только способно носить оружие и хочет драться. Но скоро ли же настанет конец этой взаимной резне? Скоро ли придет тот, кто крикнет на эти разбушевавшиеся волны могучее: quos ego? А вот и он идет...

У одного князька в провинции Овари, Ода Нобухиде¹²², в числе 16-ти сыновей, был один, по имени Нобунага. С самого детства он отличался от других, по-видимому, далеко не в свою пользу: воспитатели никак не могли подвести его размашистую и своеобразную натуру под мерку общепринятых приличий; ему ничего не стоило, например, идя по улице, грызть конфеты, или что случится у него в кармане, или идти, облокотись на плечо кого-нибудь из приятелей; о платье он также мало заботился, как и о других мелочах; словом, был то, что у нас называется «оригинал». И у нас это название не составляет лестной рекомендации, тем более это в Японии, где мелочным условиям светскости придается особенная важность.

Поэтому неудивительно, что на молодого Нобунга смотрели мало знавшие его просто как на человека, обиженного природой. Но отец знал его лучше: сквозь небрежность внешних поступков он провидел в нем обширный ум, железную волю и пред смертью не усомнился сделать его своим наследником, несмотря на то, что он был сын наложницы, и притом второй. И Нобунага не замедлил показать, что отец не ошибся в выборе. Пользуясь разными предлогами, чтоб завести войну с соседями, он мало-помалу овладел всем Овари. Оставался один округ; но этот округ принадлежал Имагава Иосимото, одному из сильнейших в то время князей, владельцу провинций Сурунга¹²³, Тоутоми¹²⁴ и Микава. Для Нобунага, с его каким-нибудь трехтысячным войском, было, по-видимому, неслыханною дерзостью затрагивать в двадцать раз сильнейшего соседа; но он не задумался и стал забирать одну за другою крепости, принадлежавшие Иосимото. Последний почти не обратил на это внимания, тем более, что скоро Нобунага остановлен был пред одною крепостию и после тщетных усилий взять ее, должен был снять осаду и вернуться домой. Комендант крепости, по имени Тобе, был тоже один из героев. Но кого нельзя было одолеть силою, против того у Нобунага был неистощимый запас хитрости. Нобунага велел одному из своих писарей выучиться подделываться под руку Тобе, писавшего замечательно хорошо. Целый год писарь учился, и наконец, письмо было написано так, как написал бы только сам Тобе; а содержанием письма, адресованного как будто к Нобунага, была измена Тобе своему владельцу и переход на сторону Ода. Один из офицеров Нобунага, переодевшись купцом, отнес это письмо к Иосимото, и невинный Тобе без всякого суда был казнен. Скоро Иосимото узнал, что был обманут, удивился дерзости Нобунага и возненавидел его более прежнего; но он все еще до того презирал ничтожного, по его мнению, противника, что не думал иметь с ним серьезного дела; только, когда задумал идти в Мияко, рассчитывая, как и многие тогда рассчитывали, на сёогунский престол, предположил мимоходом захватить Овари, чрез которое ему лежал путь.

И вот он во главе 45-тысячной армии ступил на земли Нобунага. Крепостцы, воздвигнутые Нобунага, падали одна за другой, несмотря на геройскую защиту: они были снабжены слишком малым количеством войск против полков Иосимото, привыкших к победам. Свободного войска у Нобунага было всего три тысячи. Его офицеры, уже прославившиеся отвагой и мужеством в боях, истощали красноречие, чтоб убедить его покориться на этот раз сильному врагу; но Нобунага оставался непреклонным. В тот день, когда он предположил вести свои три тысячи в битву, он задал своему штабу пир; когда чаша несколько раз обошла пировавших, воодушевленный Нобунага встал и протанцевал пред собранием, напевая древнюю песню о том, что жизнь человеческая — сон, привидение, что она и смерть неразлучны, но герой — «должен ли сокрушаться из-за этого?» С этими словами он быстро оставил пиршественную залу, вскочил на лошадь и, не оглядываясь, помчался на врагов, сопровождаемый своими воинами. Когда приблизились к неприятелям и увидели в огне только что взятые две крепости, воины Нобунага опять оробели и стали умолять его вернуться. «Слушайте меня!» — громко и грозно крикнул он; «разве я с ума сошедши веду вас? Неприятели целую ночь складывали подвезенный провиант, все устали и еще не успели придти в порядок; в настоящую минуту больше, чем когда верен успех!» Был гром, дождь и сумрак. Незаметно для неприятелей, Нобунага спустился с горы и с внезапным криком и барабанным боем ударил на лагерь Иосимото. Пораженные неожиданностью, неприятели не успели опомниться, как отважнейшие из воинов Нобунага ворвались в палатку самого Иосимото, отрубили ему голову и, воткнув на меч, с победными кликами понесли ее по лагерю; тогда для войск Иосимото настала минута всеобщего смятения и бегства; отрубленных голов была бездна. С триумфом, с предносимой головой Иосимото, Нобунага вернулся домой при огромном стечении народа, смотревшего на него уже как на героя.

Слава о нем понеслась по всей Японии. Разбитие Имагава еще не значило, чтобы Нобунага достались обширные их владения; напротив, ему теперь еще более, чем прежде следовало опасаться за свои собственные: вместо разбитой армии против него могли выставить в скором времени вдвое сильнейшую; не было еще недостатка у неприятелей и в искусных вождях; что же касается до наследника Иосимото, то он должен был пылать мщением за смерть отца и посрамление своей фамилии, и идти против Нобунага уже не во имя расширения своих границ, но во имя священного долга, предписываемого, по понятию японцев, всеми законами неба и земли: отмстить кровь отца и успокоить его дух, мятежно блуждающий и стонущий в ожидании крови своего врага. Но молодому Имагава нравилась больше игра в волан, в которой он не имел себе достойных соперников, чем в человеческие головы; его изнеженный слух не любил грубых военных кликов, а еще более нежное сердце не могло променять полные красавиц дворцы на военный лагерь. Все это Нобунага принимал в расчет и, успокоив, на сколько возможно, оскорбленного князя отправлением к нему с честью головы его отца, на время перестал и думать об опасности с этой стороны. Гораздо больше беспокоил его союзник Имагава, молодой Токугава Иеясу: он, до сего времени все еще проживавший у Иосимото в качестве заложника, участвовал в войне против Нобунага во главе собственного отряда и тоже был разбит и прогнан; но он не замедлил оправиться. Развязанный смертью Иосимото от обязательств, он прибыл теперь в свое княжество, принял в свои руки правление, привел в порядок войска и стал тревожить Нобунага. Последний успел оценить отвагу и таланты своего молодого соперника и, пока вражда его не разрослась, поспешил помириться с ним и предложить тесный союз. Иеясу, начавший враждебные отношения к Нобунага из-за прежнего своего покровителя, а лично не имевший против

него ничего, не уклонился от выгодного предложения. При нарочно устроенном личном свидании, два князя поклялись жить в дружбе и действовать с этого времени заодно с тем условием, что если Нобунага овладеет Японией, то чтоб Иеясу подчинился ему; если же Иеясу более посчастливится, то чтобы Нобунага беспрекословно отдался под его власть.

Этим союзом Нобунага обеспечил себя со стороны востока, предоставив Иеясу расширять свои владения в этом направлении; сам же обратил внимание исключительно на запад. Не нужно забывать, что будущий обладатель Японии, так самонадеянно разграничивавший ее на карте с своим другом, на самом деле владел в это время всего одною провинцией. Ему следовало теперь начать со своего тестя Сайтоу Хидетацу¹²⁵, владельца пограничной большой области Мино. Значительное неравенство сил и здесь было не в пользу Нобунага, но он и здесь об этом мало думал; его больше всего беспокоили два генерала Сайтоу, известные своею храбростию, талантами и преданностию дому князя, и он опять употребил хитрость для истребления их. Хитрость на этот раз состояла в следующем: по ночам он стал как можно чаще вставать и выходить на крыльцо; жена его, дочь Хидетацу, мучимая любопытством, пристала к нему с расспросами о значении этого: он долго отказывался поверить ей тайну, наконец, как будто не выдержав, рассказал под строгим секретом, что такие-то генералы Сайтоу предприняли, по соглашению с ним известить тестя и обещались по окончании дела дать ему знать зажжением костра. Жена, как он и ожидал, тотчас же тайно известила об этом отца, и ни в чем неповинные генералы были казнены. Скоро после этого Хидетацу был убит своим сыном: это, сверх чаяния, дало Нобунага самый благовидный предлог начать войну под видом мщения за тестя; дурное правление последних Сайтоу ускорило развязку, оттолкнув от них сердца их подданных, и Нобунага без особенного труда овладел всем Мино. В это время однажды принесли ему в подарок двух молодых соколов; он возвратил подарок, примолвив: «некогда мне теперь заниматься охотой; завоевав всю Японию, я приму их; это еще не будет поздно». Такова была вера его в свои таланты и в свое призвание, несмотря на то, что его замыслы все еще могли казаться для всех не более, как самохвальством и дерзостию, в виду множества других князей, вчетверо, впятеро сильнейших его по материальным средствам, и столько же, как он, воинственных и властолюбивых.

Неожиданный случай как нельзя лучше помог быстрому развитию его планов. В это время сёогуны дошли до последней степени слабости и унижения; при неоспоримости их титула, на который еще никто не посягал, да и не думал посягать, — до того опошлилось это звание, — у них не осталось и тени власти: ею безусловно завладела фамилия Миёси. Миёси только что убили не нравившегося им сёогуна Иоситеру¹²⁶, чтоб отдать сёогунское звание некоему Асикага Иосицуне¹²⁷. Два брата Иоситеру, имевшие ближайшее право на престол, тоже обречены были на смерть; но один из них, Иосиаки¹²⁸, успел бежать. Переходя от князя к князю, он искал себе защиты; но никто не хотел начинать ссору с сильными Миёси, озаботившимися расположить множество князей в свою пользу. Иосиаки услышал наконец о Нобунага и погадал: хорошо ли вручить ему свое дело? Вышло: хорошо, и Иосиаки отправился к нему. Нобунага было это как нельзя более на руку. Сёогун все еще был, хотя номинальным, но неоспоримым владельцем всей Японии. С ним во главе собственное дело Нобунага в первый раз становилось на твердую почву. Сливая свое дело с делом Иосиаки, Нобунага мог под предлогом возвращения утраченной власти, во имя самой законной причины вступить в борьбу со всяким, кто отказал бы Иосиаки и, следовательно, ему самому в повиновении. Понятно, что Нобунага принял Иосиаки со всевозможным почетом и взялся защищать его дело с непритворною

радостью. На вопрос Иосиаки: «какой план действий он предпримет?», Нобунага почтительно отвечал: «это уж дело Нобунага; живите спокойно, а Нобунага, не пройдет двух месяцев, как завоюет для вас Мияко».

Собрав вождей, он велел им приготовить войска и ждать его приказаний, а сам с небольшим отрядом отправился на границу своих владений и Ооми, уговаривать Роккоку Иосиката¹²⁹, — владения которого в Ооми лежали на дороге в Мияко, — обратиться к своему долгу повиновения сёгуну и способствовать возвращению его в столицу. Но Иосиката уже был на стороне Миёси. Три раза Нобунага безуспешно отправлял к нему послов; затем вернулся домой, взял войско и в три дня забрал в Ооми 18 крепостей. Миёси бежали из столицы, а Нобунага беспрепятственно занял ее: все это сделалось в 12 дней с тех пор, как он вышел с войском из Мино. Жители Мияко, наслышавшись о крутости нрава Нобунага, разбежались; но страх был напрасный. Войскам был отдан строгий приказ: не трогать ни волоска чужого; один из военачальников назначен был исключительно для обходов по городу и наблюдения, чтоб солдаты никого не обижали; один солдат заспорил с купцом о цене какой-то мелочи, и этого уже довольно было, чтоб его привязали на многолюдной улице к столбу, на позор всем. Жители, видя все это, вернулись по домам, и спокойствие и порядок, лучшие чем когда-либо, водворились в столице. Нобунага между тем пустился преследовать врагов сёгуна, и разогнав их по отдаленным провинциям, вернулся в Мияко и отрапортовал Иосиаки, уже привезенному туда и водворенному в сёгунском дворце, о своих победах. Иосиаки не знал, чем достойно возблагодарить своего великодушного защитника, предлагал ему на выбор лучшие вотчины из тех, которыми теперь, по милости его, мог располагать, но Нобунага отказался, прося, вместо того наградить отличившихся офицеров. Иосиаки наконец придумал написать ему письмо, в котором назвал его своим отцом.

Устроив положение сёгуна и взяв на себя и в будущем оберегать его и заведывать всею материальною обстановкой его, Нобунага взял и с него слово заниматься делами, оставил при нем несколько своих офицеров и, как будто исполнив лишь свой долг, вернулся в свою резиденцию (Гифу) в Мино, будучи уверен, что теперь в центре Японии уже не обойдутся без него. Действительно, лишь только он вернулся домой, как Иосиаки снова был осажден своими притеснителями. Нобунага опять поспешил на выручку его и опять быстро рассеял врагов. На этот раз он не вернулся тотчас же домой, а занялся наказанием и приведением к покорности окрестных князей, не доставлявших предписанной дани сёгуну, или помогавших его врагам. Успех венчал его оружие, куда бы он ни обращался; непокорные смирились пред именем сёгуна, и последний, по видимому, должен был более и более проникаться благодарностию к своему защитнику. Но Иосиаки, как ни был недалек, успел, однако, разгадать смысл опеки, под которую попал: она была еще стеснительнее той какую имели над сёгунами Миёси; последние, по крайней мере, не принуждали сёгунов ходить по струнке и заниматься скучными делами правления. А этот строгий и неумолимый Нобунага не позволяет ни полениться, ни побездельничать. Судите сами по следующему укоризненному письму его: «Сёгун обещался прилежно заниматься делами правления, когда шел в Мияко, а теперь изменяет своему обещанию; наказание неба не преминет постигнуть его, и Нобунага втайне опасается за него; он окружает себя льстецами, а честных слуг гонит; его любимцы теснят народ, за взятки несправедливо судят, под предлогом сборов на эйзан и другое подобное грабят народ; торгуют милостями. Когда император хотел переменить название года, сёгун не позволил, пожалев расходов на праздник. Народ уже ненавидит его; Нобунага

стыдится втайне за сёгуна. Военные, копируя сёгуна, жадничают в деньгах, не заботясь о военных припасах. Нобунага окружил его верными из своих слуг, а сёгун всех их ограбил, отняв вотчины без вины, так что они жалуются, и Нобунага не знает, какими глазами смотреть на них. В настоящее время сёгун собирает деньги и лошадей, между тем как Нобунага взялся сам снабжать его всем что только потребуется, и желание Нобунага лишь одно, чтобы быть заодно с сёгуном и восстановить государственный порядок. Просит теперь Нобунага сёгуна не слушать клеветников, удалить льстецов, покровительствовать честным слугам, заниматься делами правления, не пренебрегать и учеными людьми». Очевидно, что подобные послания, полные весьма справедливых укоров, могли не вразумить неисправимого Иосиаки, — понимавшего очень хорошо, что хотя бы он и вел себя безукоризненно, то все равно плясал бы лишь под чужую дудку, — а скорее ожесточить и побудить к каким-либо еще большим безрассудствам. На последнее, может быть, и рассчитывал Нобунага, чтоб иметь основательный предлог выбросить за борт ненужный балласт: но для этого пока еще не пришло время, и Нобунага продолжал наружно оказывать сёгуну все знаки верноподданской преданности. Да и мог ли он поступить иначе? Посмотрите, какая буря поднялась против него со всех сторон еще только по подозрению, что он метит в сёгуны. Если Иосиаки понял намерения Нобунага и возненавидел его за них, то тем лучше могли понять их люди более умные, чем он, и многие притом сами не чуждые тех же замыслов, какие питал Нобунага. И вот поднялось страшное движение: многие князья забыли взаимную вражду и подали друг другу руку для совокупной брани против общего врага. Кенсин и Синген, Нагамаса и Иосикан-ге, сильные и воинственные, объявили себя врагами Нобунага на жизнь и смерть. Даже бонзы, которых он имел неосторожность раздражить отнятием у них одной горы под крепость, выставили против него огромные, неистощимые армии. Тут-то настала для Нобунага пора полной деятельности и широкого размета сил. Туда он бросался как лев и опрокидывал противников, здесь заискивал дружбы и брачного союза, чтобы хоть на несколько недель разрознить врагов. И нигде ни разу гений его не изменил ему. По мере своих успехов с князьями, он изменял и свои отношения к сёгуну. Иосиаки, наконец, открыто позвал трех самых сильных в Японии князей против Нобунага; последний и на тот раз не захотел изменить личины покорности и послал просить мира; но когда Иосиаки заносчиво отвергнул просьбу, Нобунага вымолвил: «мне, наконец, невозможно обойтись с ним без войска» и быстрым натиском отнял крепости у сёгуна, вошел в Мияко и обложил сёгунский дворец. Иосиаки ничего не оставалось сделать, как выслать сказать ему, что «с этих пор он во всем беспрекословно станет слушаться своего нареченного отца». Нобунага извинился пред сёгуном, снял осаду и удалился; но у него уже был рассчитан последний удар фамилии Асикага: он предвидел, что Иосиаки опять вооружится, предугадывал даже план будущего восстания и, сообразуясь с ним, велел одному из своих генералов заготовить суда. Действительно, Иосиаки не замедлил восстать, и Нобунага опять с такою быстротой явился в Мияко, что народ в недоумении спрашивал: «Не на крыльях ли он летает?» На этот раз сёгуну уже не было пощады: он был заключен под стражу, и с тем вместе роль фамилии Асикага, как сёгунов, навсегда кончилась. Ее заменила фамилия Ода, хотя Нобунага никак не соглашался принять от микадо звание сёгуна, по виду, как будто из скромности, но в сущности, гнушаясь этим званием, как до крайности униженным.

В следующий (1574) новый год с поздравлением к Нобунага, как к своему повелителю, собралось отовсюду множество владетельных князей. Когда выпито было по три чаши вина, Нобунага сказал: «У меня есть прекрасная закуска: я попрошу вас

выпить с ней» — и велел принести что-то. Все смотрели, что будет. Принесен был ящик, и в нем оказались позолоченные головы Иосиканге и Нагамаса, сильнейших из врагов Нобунага, пред тем только что доведенных до самоубийства. Все засмеялись и промолвили: «Как не выпить с такую закуской!» Одушевленную речью Нобунага благодарил гостей за труды для него, при помощи которых он надеется скоро справиться и с остальными своими врагами и объединить Японию. Действительно, теперь врагов у Нобунага стало немного; главные из них были: Такеда и Нагао; но первая фамилия уже была не страшна, так как Сингена не было в живых, а его сын далеко не имел полководческих качеств своего отца, хотя и был храбр и неугомонен; притом же между ним и Нобунага стояла крепкая стена — Иеясу, владения которого примыкали к провинции Каи, и Нобунага оставалось только от времени до времени помогать ему. К Нагао Кенсину Нобунага все еще относился с заискиванием и тем успевал хоть несколько развлекать и задерживать своего страшного врага. Между тем, с юга неприязненно высматривал Мори Терумото¹³⁰ со страшною силой своих тринадцати провинций; но он пока еще не выступал открыто. Наконец, против Нобунага враждовали еще бонзы, самые беспокойные из всех врагов. Чтобы показать, что эти враги были вовсе не шуточные, приведем несколько фактов. Еще прежде они страшными скопищами держались на горе Эйзан, недалеко от Мияко, и в других укрепленных местах, отвергали все мирные предложения Нобунага, смеялись над его угрозами и деятельно помогали его врагам. Нобунага, улучив время, захотел привести в исполнение свою угрозу — выжечь Эйзан и перебить там всех бонз, и отрядил для этого военачальников. Но последние побледили при этом поручении. «Император Квамму¹³¹ построил храм на этой горе, и вот уж 1000 лет, как он служит охраной столице, и никто никогда не оскорблял этого места; а теперь внести туда огонь и меч? Как же это?», — возражали они. Но с Нобунага трудно было спорить; он разразился жалобами и гневом: «он не знает покоя ни днем, ни ночью; не щадит себя, чтоб уничтожить врагов отечества; прежде он неоднократно просил помощи у бонз, но они всегда отвечали презрением на его просьбы, помогали, напротив того, его врагам, — не враги ли они отечества? И не бремят ли они отечество? Кроме того, они едят запрещенное, держат наложниц, забросили молитвенники, — какие же они хранители императорской резиденции?... Окружите и жгите, чтобы и остатков не было!» заключил он гневную реплику. И вожди буквально исполнили его приказ: главный храм и 21 других кумирен были сожжены дотла; бонзы, женщины, не разбирая ни старых, ни малых, кто захвачен на горе, все перебиты. Но этот урок нисколько не вразумил строптивых поклонников будды; они заняли и укрепили множество других мест и продолжали наносить Нобунага всевозможный вред. Из своей крепкой позиции в Нагасима они сносились с фамилией Такеда и деятельно помогали ей. Нобунага видел необходимость разорить, наконец, и это гнездо мятежников. «Уже много моих лучших людей истребили разбойники из Нагасима; разорю же я это ненавистное гнездо», решил он, и двинулся сам с огромным войском против Нагасима. По взятии одной второстепенной крепости, было убито 2000 мужчин и женщин, отрезаны у них уши и носы и на лодке препровождены в Нагасима. Вслед за тем подступил к Нагасима и Нобунага и, после страшного кровопролития, в котором потеряли жизнь даже несколько близких родных его, овладел городом, сжег заживо 20 тысяч мужчин и женщин, так что запах гари заражал воздух на десятки миль. Но даже и это не образумило бонз. Успевшие бежать из Нагасима приняты были в Оосакской крепости, принадлежавшей также бонзам и сделавшейся с этого времени главным гнездом их; и долго они беспокоили Нобунага, поддерживаемые непокорными князьями и, в свою очередь, поддерживая их,

много раз прося пощады и, при удобных случаях, снова поднимая знамя бунта, пока не были, наконец, частью перебиты, а частью утомлены до очевидной невозможности противиться.

Без устали действуя против врагов оружием и более и более истощая их, Нобунага в то же время заботился о восстановлении потрясенных до основания государственных порядков и о возвращении стране мира и благоденствия, которых она не видала уже сотни лет. Что касается до удельной системы, то она так глубоко укоренилась в японской почве, что Нобунага и в голову не приходило уничтожить ее; он только хотел изменить ее наружную оболочку. Он задался задачею: уничтожить всех старых удельных князей и, вместо них, создать княжеские роды из своих полководцев, друзей и помощников. Эта задача естественно вытекала из его главной задачи: в то время как все дрались один с другим, он предпринял драться со всеми и уже почти всех одолел. В течение этой борьбы некоторые князья успели вовремя перейти на его сторону и тем обеспечили продолжение своих родов; все же прочие или истреблены вконец, или загнаны в толпу народа, лишены титулов и владений. На место угасших таким образом родов, естественно, должны были возникнуть новые; и вот сподвижники Нобунага стали стеною вокруг него, возведенные им в достоинство удельных владельцев; он щедрою рукой раздавал им отвоеванные провинции, не справляясь с их родословною, а руководясь лишь справедливою оценкой их талантов и заслуг. Обязанности удельных князей в общих чертах остались те же, какие были прежде; только теперь эти обязанности перешли из теории в самое строгое исполнение. Князья должны были содержать войска и иметь их всегда наготове, чтобы действовать по указанию Нобунага; и мы видим, например, что Сакума, один из лучших и деятельнейших его сподвижников в первое время, за кратковременное небрежение в исполнении этой обязанности, получил от него такой строгий выговор, что, в страхе вместе с сыном обрил голову и ушел в монастырь. В мирные дни князья должны были заниматься обучением войск и своим собственным образованием, а не тратить время на пустые забавы; должны были иметь обильные военные запасы, а не издерживаться на затеи роскоши; в отношении к народу — быть строго справедливыми и заботливыми о его спокойствии и благе, а не оставаться прежними деспотами, или беспечными правителями. И все это строго исполнялось. Зоркий глаз Нобунага проникал всюду, видел все злоупотребления и беспощадно карал их. Вдохнул свободно, наконец, и народ; настало для него время безмятежья и безопасности; путешественник мог спокойно заснуть под тенью первого попавшегося дерева, отбросив далеко от себя кошелек с деньгами; потерявший дорожную вещь мог вернуться и найти ее на том самом месте, где она упала: всякий боялся коснуться чужой собственности, не только воспользоваться ею; все знали строгий уголовный кодекс Нобунага, определявший смертную казнь за копеечную покражу или утайку чужого. Мирные занятия народа процветали; юг с севером, восток с западом стали взаимно меняться своими произведениями, чего давно уже не было...

Счастье видимо благоприятствовало Нобунага: самый страшный враг его, Кенсин, умер, лишь только поднявшись против него. Теперь у него остался один сильный противник, Мори, приютивший у себя экс-сёгуна Иосиаки и вооружившийся, наконец, на защиту его прав. Против него Нобунага отправил красу своих генералов, непобедимого Хидеёси. Последний стал быстро отбирать у неприятеля провинцию за провинцией и скоро стеснил его до такой степени, что оставалось только нанести окончательный удар. Но этот удар он хотел предоставить самому Нобунага и просил его для этого прибыть в армию. Нобунага отрядил с собою несколько полков и уже готов был отправиться. Но

вместо триумфа нам предстоит описать печальную катастрофу, совершенно неожиданно положившую конец его деятельности. Вышедшему невредимым из неоглядного ряда врагов и уже безопасному от них, потому что их не стало, ему суждено было пасть от своих.

В числе приближенных генералов Нобунага, за способности и усердную службу возвышенных им из низкого звания до княжеского положения, был один по имени Акеци Мицухиде¹³². При несомненных военных дарованиях Мицухиде имел много качеств, обличавших в нем мелкую натуру; по наружности эlegantный, аристократически-вежливый, даже ученый, но невыносимо гордый, обидчивый, мнительный и злопамятный, он был не на месте в кругу безыскусственных, прямых и честных рубак школы Нобунага. Последний, среди трудов боевой жизни, любил иногда освежить силы веселою пирушкой в кругу своих сподвижников; тогда все церемонии отбрасывались в сторону; герои бранного поля тягались друг с другом количеством выпитых чаш; Нобунага своим примером поощрял всех: он был весь нараспашку, неудержимо веселый и шумливый: Мицухиде, как один из военачальников, также обязан был присутствовать на этих пирушках; но плохо было ему здесь: Нобунага, вообще не терявший случая состричь насчет своего щекотливого генерала, на пирушках особенно зло подтрунивал над ним, не подозревая того, что каждая шутка его принималась за смертельную обиду и никогда не забывалась.

— Пей! — кричал он ему однажды, подавая вино и зная очень хорошо, что Мицухиде к довершению всех качеств утонченного японского джентльмена, не может взять ни капли вина в рот.

— Не могу, — отговаривался генерал с самыми вежливыми поклонами.

— Пей, тебе говорят! — горячился Нобунага.

— Никак не могу, — упорствовал Мицухиде.

— А не можешь, так выпей вот это! — кричал Нобунага, уже сидя верхом на опрокинутом генерале и размахивая саблей, которую как будто готовился воткнуть ему в горло. Оробевший Мицухиде, сквозь гримасы, выпил вино при хохоте всей компании, после чего удовлетворенный Нобунага схватил под мышку его голову и, похлопывая ладонью по безукоризненно выбритой лысине, промолвил одобрительно:

— Эх, лысина, что твой барабан!

Сцены, подобные этой, нередко повторялись и до крайности бесили Мицухиде. Он возненавидел Нобунага. Несколько серьезных выговоров за некоторые служебные ошибки укрепили эту ненависть; а ослепленный ею, Мицухиде нечувствительно пришел к убеждению, что и Нобунага, с своей стороны, ненавидит его, хотя последний продолжал ценить в нем опытного и искусного военачальника. Наконец, один подслушанный у дверей и дурно понятый разговор Нобунага с кем-то окончательно убедил Мицухиде, что Нобунага замышляет лишить его владений и жизни, хотя последнему, если б он хотел сделать это, не стоило составлять замыслов, так как ему не труднее было уничтожить Мицухиде, чем прежде вызвать из ничтожества. Огорченный до глубины души, Мицухиде стал искать средств предупредить несчастье, готовое, по его мнению, обрушиться на его голову, и в уме его сам собою родился замысел на жизнь Нобунага. Пред отправлением в лагерь Хидеёси Нобунага необдуманно нанес Мицухиде новое оскорбление, вызвавшее в нем окончательную решимость. В то время в Мияко прибыл с визитом к Нобунага, высокочтимый им Иеясу; принять и угостить его назначено было Мицухиде; но лишь только последний приготовился к этому, как Нобунага переменял распоряжение, приказав ему свойском немедленно отправиться против Мори. Взбешенный Мицухиде

велел бросить в море все, что было заготовлено для угощения, и ускакал к своему войску уже с созревшим злым замыслом. Нобунага, готовясь завтра отправиться в путь, ночевал с сотнею человек своей свиты и телохранителей в храме Хонноодзи, близ Мияко, в то самое время, когда Мицухиде должен был провести свою свыше, чем двадцатитысячную кавалерию на юг, дорогою, лежавшею неподалеку от храма. Угрюмый и молчаливый, ехал он впереди своих полков, еще ничего не знавших о его замысле. Вдруг, при повороте к храму, он остановился и, указывая хлыстом по направлению к храму, громким голосом отдал приказ:

— Мой враг вот где. Кто верен мне, за мной! И, не оглядываясь, поскакал к храму. Все знали что там Нобунага, и изумлению не было границ; но не время было колебаться; все ринулись вперед: никто не хотел быть предателем своего господина. Страшный шум и военные клики разбудили Нобунага.

— Кто изменник? — крикнул он.

Его люди, успевшие в темноте различить знамена, донесли ему кто.

— Это ты-то, презренный раб! — воскликнул он и, схватив лук, выбежал защищаться.

Туча стрел встретила его на крыльце: двор и крыши зданий уже усеяны были неприятелями; не оставалось никакой надежды на спасение. Нобунага и его люди дрались только для того чтобы как можно дороже продать жизнь. Порвав тетиву у лука, Нобунага схватил копьё и еще убил несколько человек; но, изнемогая и сам от ран, вернулся в комнаты, дал наставление жене как скрыться, а сам поджег дом и умертвил себя (будучи сорока девяти лет от роду, в 1582 году). Мицухиде долго искал в пепле пожарища голову своего страшного врага: ему не верилось чтобы Нобунага мог погибнуть, хотя ему представили найденные остатки обгорелого его платья. Первенец Нобунага, Нобутада, давно уже бывший правою рукою отца во всех трудных предприятиях, и теперь готовившийся вместе с ним отправиться на юг, занимал в эту ночь со своею свитой другой храм, неподалеку от Хонноодзи; услышав о несчастной кончине отца, он мог бы спастись немедленным бегством, что и советовали его приближенные; но опасаясь что все дороги уже заняты, он предпочел дожидаться неприятелей на месте и умереть в честном бою. В полдень и его храм был окружен неприятельскими войсками, и он так же, как отец, устав в неравном бою, кончил жизнь самоубийством. Мицухиде занял Мияко и получил от микадо сёогунский диплом; но ему ли, запятнанному кровию своего господина, быть повелителем Японии? У Нобунага остался внук, сын Нобутада, прямой наследник верховной власти; осталось также несколько сыновей; но и не им суждено было владеть Японией. Для этого давно уже готовился избранник счастья, питомец военной школы Нобунага, славный Хидеёси.

Тоётоми Хидеёси был сын бедного крестьянина в провинции Овари. Еще младенцем он лишился отца, и мать его вышла замуж за увечного солдата, служившего в войске отца Нобунага. Маленький Тоокици¹³³, как тогда по-простонародному назывался Хидеёси, был в тягость вотчиму и матери, жившим в крайней бедности, и они отдали его в монастырь, думая сделать из него со временем бонзу. Но Тоокици был настолько умен, что не понял бестолковых буддийских молитвенников, и до того шаловлив, что бонзы никак не могли сладить с ним и принуждены были отослать его домой. Тогда родители стали отдавать его в услужение; но неугомонный мальчик нигде не мог ужиться более двух месяцев; всегда бывало так, что в первые дни он усердно займется своими новыми обязанностями, особенно если определяют его на какой-нибудь завод; в неделю-другую он успеет в точности узнать все, что представляет ему нового его должность, и затем эта

должность делается ему противною, и он ленится и бездельничает до тех пор, пока его с бесчестьем выгонят. Мать была в отчаянии от беспутства сына и считала его совсем погибшим; родные и знакомые беспрестанно корили Тоокици и читали ему наставления: но ему все было как к стене горох. Много лет прошлялся он так из угла в угол; случалось засыпать ему и на грязном помосте между нищими; бывал он (по некоторым сказаниям) и в шайках разбойников. Будучи уже 22-х лет, он зажился что-то не в пример долго у одного крестьянина, которому очень понравился своею расторопностию. Крестьянин этот любил военную науку и имел хорошую коллекцию военного оружия; в то время Нобунага одел свои войска в какой-то новоизобретенный панцирь; крестьянину захотелось достать этот панцирь для своей коллекции, и он дал Тоокици 6 рёо (10 руб. 80 к.) денег и послал его в Овари купить панцирь. Но Тоокици рассчитал, что ему гораздо лучше употребить эти деньги на собственную экипировку и поискать места получше. В этих видах он отправился домой, показал вотчиму 6 рёо, как будто заработанные им, подарил тут же одно рёо семейству, из остальных на четыре справил себе новое платье и купил саблю, а что осталось, припрятал на черный день и отправился к Нобунага проситься на службу вместо своего инвалида-вотчима. Чтобы лично изъяснить Нобунага свою просьбу, он подстерег его однажды на дороге и бросился ему в ноги по всем правилам японского этикета. Расхохотался Нобунага при первом взгляде на него. Нужно заметить, что Тоокици по виду был совершенный урод: маленького роста, с большою головою, с красным лицом, совершенно обезьяньим; сходство с обезьяной довершали необыкновенно живые его движения, так что с самого младенчества его никто иначе не называл, как обезьяной; это имя давалось ему каждым при первой встрече, чем Тоокици никогда не обижался. И теперь Нобунага не мог удержаться от смеха, смотря на вертлявого Тоокици. «Совершенная обезьяна! Умен, должно быть», промолвил он, и велел зачислить Тоокици на службу. Тоокици был вне себя от радости и принялся усердно служить; а служба состояла лишь в том, чтобы при выходе барина подать ему соломенные сандалии, а при входе принять, но здесь для Тоокици важна была уже не служба, а сам барин: нашел он, наконец, по себе господина и всею душой привязался к нему; трудно было ему показать свое усердие при своей несложной службе, но он умел; своеобычный Нобунага не жил, как другие живут: вставал часто ни свет ни заря, выходил из дому совершенно неожиданно, но никогда он не мог явиться в передней и не застать там Тоокици, смиренно сидящего у порога, с готовыми сандалиями. Нобунага, впрочем, не обращал на это усердие ни малейшего внимания. Уже другим, посторонним делом, Тоокици вызвал к себе на первый раз его внимание. В крепостном валу резиденции Нобунага сделался обвал сажен на 100; Нобунага велел починить; но работа шла чрезвычайно медленно, по нерадению распорядителей. Нобунага часто проходил мимо этого места, но как будто не замечал. Однажды, проходя, он услышал за собою ропот Тоокици.

— Что ты ворчишь, обезьянья рожа? — крикнул он с сердцем.

— Как же не ворчать? — отвечал Тоокици, припав лицом к земле. — Вы теперь в войне, а крепость в таком состоянии. Что если неприятель вздумает сделать неожиданное нападение?

— А ты разве можешь скорей поправить?

— Да здесь на три дня работы!

— Поручить ему распорядиться! Но если ты не сделаешь в три дня, то ответишь, — пригрозил он Тоокици.

Последний начал с того, что в первый день всем рабочим задал праздник; но на

третий день Нобунага, проходя мимо, увидел что обвала и следов нет. «Только обезьянья рожа может так сделать!», — удивился он, и наградил Тоокици первым офицерским чином. Скоро после этого Нобунага, недовольный чрезмерными расходами на уголь и дрова в своем дворце, сделал Тоокици смотрителем дровяных и угольных сараев: расходы сократились на семь десятых. В это время на Тоокици взведено было обвинение, будто он украд у одного генерала золотую булавку; Тоокици со свойственным ему искусством отыскал покражу, уличил вора и с горькими слезами истинно обиженного пожаловался Нобунага; последний почувствовал к нему сострадание, сделал строгий выговор генералу и, так как необыкновенная бедность Тоокици была единственною причиной павшего на него подозрения, то прибавил ему жалованья. Это дало возможность Тоокици, между прочим, завершить законным браком начатую им интимность с одною бедною девушкой, дочерью умершего офицера; но как бедна была свадьба! Сидя на соломе, пили молодые брачную чашу, и простой глиняный сосуд играл роль брачного кубка. Истинная привязанность к господину внушала Тоокици необыкновенную смелость: часто он предлагал Нобунага разные советы, проекты, но увы! ответ ему был всегда в таком роде: «Что ты понимаешь, обезьянья рожа! Убирайся вон!» Или: «За твою дерзость следовало бы тебе голову долой; это и будет, если ты еще осмелишься сунуться с советом». Но Тоокици, как ни в чем не бывало, являлся с новым советом, так что при дворе прозвали его «медным лбом» и всячески издевались над ним. Посмеяться над бедным Тоокици не прочь был и сам Нобунага, и на маневрах иногда, для шутки, назначал его генералом и заставлял командовать войском, что Тоокици, к немалому удивлению толпы, исполнял так, как бы и старому генералу не снилось. Подозревать же у Тоокици истинные военные таланты никому и в голову не приходило, и Нобунага однажды не на шутку рассердился, когда увидел его проделывающим военные артикулы с толпою набранных им для того подростков: Нобунага собственноручно изорвал флаг, сочиненный Тоокици для этих случаев, и строго запретил ему вперед заниматься подобными вещами. Но пришло, наконец, и для Тоокици время обнаружить себя. В войне с Сайтоу для Нобунага чрезвычайно важно было утвердиться на противоположном берегу реки, отделявшей его владения от неприятельских. Нобунага посылал одного за другим всех лучших генералов с отборным войском и со сплавами лесу, чтобы построить на неприятельском берегу крепостцу и сделать ее точкой опоры для будущих военных операций. Но труд, по-видимому, был выше сил: едва только переправятся и начнут строить крепость, как неприятель сильным натиском прогонит войско, разрушит работы, и вновь нужны строительные материалы и свежие войска. Нобунага сильно досадовал, и не знал, что делать. Конечно, в этих обстоятельствах он никак не ожидал помощи от Тоокици, но тем не менее, однажды обратился к нему за советом с тем видом, с каким иногда добросердечный барин болтает и советуется со своим камердинером, вовсе не ожидая, что камердинер скажет что-нибудь путное. Сверх чаяния, совет Тоокици оказался как нельзя более путным.

— Зачем издерживать свои войска? — говорил он. — Тут нужно действовать против врагов врагами же.

— Как так? — спросил озадаченный Нобунага.

— Очень просто. В уделе Сайтоу множество недовольных теперешним правлением. Все эти недовольные разбежались по лесам, образовали шайки и разбойничают. Я долго жил в этой провинции и хорошо знаю ее; знаю и предводителей шаек (и он по пальцам насчитал до 160). Созвать их; они с радостию согласятся воевать против своего князя; на что лучше войска?

— Но кто возьмется за это дело?

— Поручите мне, — робко вымолвил Тоокици.

Нобунага с охотою согласился. Да и отчего было не согласиться? В случае неудачи, он не рисковал ничем; в случае же удачи, приобретал весьма много. Он даже обещал Тоокици, в случае счастливого начала, 500 солдат на помощь. Само собою разумеется, что прежнее обещание: отдать крепость и земли вокруг нее во владение тому, кто построит эту крепость и отстоит ее, осталось неотменным. Тоокици исчез на некоторое время из лагеря; но чрез несколько дней под носом у неприятелей как будто из земли выросла крепость; неприятели по-прежнему напали, чтобы разрушить ее, но нападение не только было отбито с успехом, но в то же время забрана у самих неприятелей близлежащая укрепленная местность. Нобунага, вне себя от радости, переправился в новые свои владения и осыпал Тоокици наградами: дал ему аристократически звучащее имя Хидеёси, подарил знамя и с тем вместе право на командование войском, и утвердил за ним отвоеванную местность в виде лена. С этих пор начинается славная жизнь Хидеёси. В сражениях он всегда был первый, в отступлениях прикрывал другие войска; где была неминуемая опасность, где поседельные в боях генералы теряли голову, туда посылался Хидеёси, и нигде ни разу он не потерялся и не проиграл. После каждой победы он нашивал новую золотую тыкву-горлянку на значки своей кавалерии, и хвалился, что доведет число горлянок до тысячи; теперь уже не смеялись над его словами, а принимали их за оракул. «Тысяча горлянок» стало прозвищем его и командуемого им войска, и где виднелись золотые горлянки, оттуда неприятель заранее бежал, зная, что тщетно противиться непобедимому Хидеёси. Нобунага ценил своего дивного генерала, осыпал его ласками и вотчинами, и с гордостью указывал на него другим вождям, если кого хотел укорить в недостатке энергии и уменья. «Что за большая печень у этого Тоокици!» говаривал он, осматривая дань, которую слали ему непокорные прежде провинции, куда пред тем только что послан был Хидеёси со своею кавалерией. А Хидеёси, осматриваясь кругом, уже находил число врагов слишком бедным для себя.

— Когда я приведу в покорность вам юг, тогда позвольте мне переправиться в Корею; а когда покорю и ее, дайте помериться с Китаем, — говорил он, прощаясь с Нобунага пред отправлением против Мори.

— Хидеёси, не много ли будет? — возразил Нобунага.

Ему казались странными эти легкие порывы его живого и пылкого Тоокици. Он сам уже значительно устал в этой непрерывной борьбе с князьями, и венцом его трудов казалось ему объединение и умиротворение отечества. Эта была заветная мечта его с самой ранней юности; когда в первый раз у него, крошечного князька, родилась эта мечта, пред ним стеною возвышались тысячи преград: на них постоянно устремлен был взор его, выше их он не простирался и не мог простираться. Не то с Хидеёси: он не задавался задачей при вступлении в жизнь; у него не было личных великих забот; попав на свою дорогу, он шел туда или сюда по чужому указанию; путь его так легок; куда ни обращается он, все расступается пред ним и дает дорогу. Его гений так светел и легок, что он, как будто играя, идет от победы к победе; и едва он почувствовал в себе присутствие этого гения, едва ощутил жажду широкой, многообъемлющей деятельности, как, озираясь кругом, он уже почти не видит врагов, — и его быстрый взор скользит вдаль по глади океана, и там ищет пищу для своего гения. Неизвестно, что было бы если бы Нобунага и Хидеёси, за недостатком общего дела, которое видимо клонилось к концу, стали друг против друга: вступили ли бы они в борьбу друг с другом, и если бы вступили, кто одолел бы: поседельный в победах, опытный и твердый как сталь в своих предприятиях Нобунага,

или гибкий, живой и до невероятности находчивый и изобретательный Хидеёси; можно сказать только то, что Японии пришлось бы плохо от этой тяжбы. К счастью, судьба заранее очистила путь для Хидеёси.

Положение Хидеёси было весьма затруднительно, когда он получил известие о смерти Нобунага: он был один среди неприятелей; в центре империи верховную власть захватил убийца Нобунага и личный враг его самого; от других полководцев Нобунага он также не мог ждать ничего хорошего для себя: они давно успели возненавидеть его за быстрое возвышение и необыкновенные успехи. Но Хидеёси не смутился; никто не прочел на его лице и тени тревоги, и его лагерь сохранил то же грозное спокойствие, как накануне. В это время Мори уже просили пощады и мира: Хидеёси не кончал с ними только потому, что ждал прибытия Нобунага; теперь ему приходилось действовать самому. В неприятельском лагере еще никто не знал важной новости, и послы с мирными предложениями по-прежнему явились в ставку Хидеёси. Чтобы на всякий случай показать неприятелям спокойную самоуверенность, он прежде всего объявил им о смерти Нобунага, изложил затем свои условия мира и отпустил домой. Молодой князь Мори обрадовался неожиданному известию и хотел снова открыть военные действия; но опытные дяди остановили его. «Небо видимо предназначило этому человеку владеть Японией», — говорили они. «Посмотри кругом: где властелин? Дети Нобунага поросята (sic); его генералы не столько талантливы, как Хидеёси. Если мы теперь заключим с ним мир, мы обеспечим себе его дружбу на будущее время». Условия Хидеёси были приняты; с ним заключен самый дружеский союз и даже предложена помощь против Мицухиде. Чтобы не отвергнуть любезного предложения, Хидеёси взял у Мори несколько ружей, снял лагерь и с быстротою, свойственною ему одному, явился в столице. Похититель власти всего тринадцать дней пользовался титулом сёгуна; на четырнадцатый он был разбит и убит, а Хидеёси в качестве опекуна над внуком Нобунага принял в свои руки правление. Сподвижники Нобунага, с его сыновьями во главе, восстали против этого, но Хидеёси без труда одолел их, после чего уже прямо объявил себя верховным повелителем^{*****}, наделив лишь ленами детей и внука Нобунага и поставив их в ряд простых удельных князей. Большая часть провинций бесспорно покорилась ему: князья спешили обеспечить за собою лены принесением присяги на верность новому повелителю. В правах Хидеёси на верховную власть, основанных на его талантах и особенно на его образцовых войсках, по-видимому, никто не сомневался, и перемена правящей династии на этот раз далеко не стоила Японии такого потрясения как прежде. Но еще были у Хидеёси враги, не склонявшиеся пред ним, и между ними человек, которого одного во всей Японии Хидеёси несколько боялся: это Токугава Иеясу. Отношения Хидеёси к нему заслуживают особенного внимания.

Иеясу верой и правдой служил Нобунага и всегда был отличаем последним пред другими князьями. Своими блестящими военными талантами и опытностью, так как почти постоянно вел войну, он был страшен врагам; верностью слова и честностью он заслужил всеобщее уважение; строгостию дисциплины и в то же время простотой в обращении и умением войти в положение каждого он возбуждал неподдельную любовь своих офицеров и солдат; а его справедливость, добросердечие и заботливость о благе народа, — качества очень редкие между князьями, — делали его идолом его подданных. Все это, взятое вместе, давно уже поставило Иеясу в общественном мнении Японии выше всех князей, и в настоящее время, если кого-нибудь, то именно его считали способным помериться с необыкновенными баловнем счастья, Хидеёси. Он и сам не прочь был от этого. По смерти Нобунага, Иеясу, бывший на ту пору с небольшою свитой в Мияко,

вдали от своих владений, подвергался опасности разделить участь Нобунага. В первые минуты он считал свою гибель до того неизбежною, что хотел сам порешить с собой, чтоб избежать позорной смерти от руки врагов; к счастью, его уговорили отложить операцию харакири (разрезывание живота), пока испытаны будут все средства к побегу. Своею добротой он приобрел себе много друзей в разных местах, кроме своих провинций, и теперь эти неведомые друзья помогли ему ускользнуть от опасности: он благополучно вернулся домой и тотчас же стал готовить войска для похода на Мицухиде. Но это было сделано уже прежде его быстро поспевающим Хидеёси. Вместе с тем повод к походу на столицу сам собой уничтожился; а так как там начались смуты по поводу притязаний Хидеёси, то Иеясу счел за лучшее, не пускаясь за журавлем в небо, приобрести синицу, и занялся округлением своих владений: в самое короткое время он приобрел три провинции, так что у него составилась довольно почтенный лен в пять провинций. Народ других князей всегда был рад попасть под управление справедливого Иеясу; войска завоеванных провинций также с охотой поступали под его победоносные знамена; таким образом, пока Хидеёси определял свое положение в столице, и Иеясу стал на своей почве твердою ногой, готовый принять вызов на какую угодно борьбу. Долго Хидеёси ждал визита Иеясу в столицу, но последний не двигался; непокорные князья с Сикоку слали послов к Иеясу, прося его союза против Хидеёси, но он и от этого уклонялся: он не хотел связать свое дело с делом ненадежных союзников; он предпочитал стоять одиноко, чтоб иметь во всякое время полную свободу выбора. Наконец Нобувоу¹³⁴, старший из оставшихся сыновей Нобунага, желавший во что бы ни стало добиться своих прав на первенство в Японии, убежал к Иеясу, отдавая свое дело с Хидеёси в его руки. Иеясу принял его и обещался защищать, но все-таки не хотел выступить из своих владений, предпочитая вести борьбу на родной почве. Хидеёси волею-неволею должен был принять очевидный вызов. С сильным войском вступил он в неприятельские владения и тотчас же встретился лицом к лицу с Иеясу; противники смерили друг друга взорами и остановились: ни тот, ни другой не хотел начинать первый; каждый из них знал, что ставил здесь на карту весьма многое, если не все, и потому каждый, для большей верности, хотел по первым действиям угадать план противника и сообразоваться с ним. Нетерпеливому Хидеёси надоело, наконец, это критическое положение.

— Нужно послать к Иеясу письменный вызов, — сказал он однажды в кругу своего штаба.

— Не следует, — заметил на это один из его приближенных. Можно предвидеть чем кончится в таком случае. Иеясу ответит колкостью; вы выйдете из себя и второпях наделаете, пожалуй, непоправимых глупостей.

— Как можно чтоб я в таких случаях горячился! — возразил Хидеёси, и велел изготовить письмо в самых вежливых выражениях. «Князь, начинайте», гласило оно; «нужно же нам кончить наше дело; вы видите, я огородился частоколом и не имею ни малейшего намерения двинуться отсюда, пока мы не сразимся». Письмо было отнесено на неприятельский вал и прибито к столбу. Ответ не замедлил, но он был не от Иеясу, а от начальника авангарда, и заключался в следующих выражениях: «Не угодно ли вам начинать, князь? Вы огородили свое войско частоколом, чтоб оно не разбежалось, а у нас без всяких загородей войско стоит, готовое во всякую минуту отразить вас». Как порох вспылал Хидеёси, прочитав этот ответ.

— Ну, так и есть! Не говорил ли я что быть беде? — поспешил заметить его друг. Но Хидеёси, не слушая ничего, выбежал в чем был из палатки и пустился к неприятельскому валу. Перепуганная свита бросилась за ним, не зная, что будет; а он бегом взлетел на вал

и вслух обоих лагерей обругал Иеясу самыми резкими словами. Неприятельские аванпосты, узнав его, подняли пальбу, но пули летели мимо; «небом данного повелителя и пуля не берет!» прокричал он и, повернувшись, неторопливым шагом отправился в свою палатку. Облегчив таким образом душу, Хидеёси опять стал ждать, но наконец его терпение окончательно истощилось, и он решился последовать совету некоторых генералов: отделить часть войска и зайти неприятелю в тыл. Совершенно незаметно, по-видимому, сделан был этот маневр, под начальством тех самых генералов, которые подали совет; но лишь только они подошли к крепости, на которую предположено было напасть, как опять очутились лицом к лицу с самим Иеясу: произошло сражение, и войска Хидеёси не выдержали. Иеясу, отразив нападение, опять остановился, готовый, по-видимому, встретить неприятеля в каждом пункте своей территории. Хидеёси не решился продолжать опасную борьбу, и чтобы дать благовидный предлог к отступлению, разрушил несколько незначущих крепостей и, как будто сделав все, что хотелось, вернулся с войсками в Мияко. Тот же Нобувоу, который вызвал Иеясу на защиту своих прав, принял на себя, конечно, не без внушений со стороны Хидеёси, посредничество между враждующими партиями, и формальный мир был заключен. Но Иеясу все-таки не хотел явиться в столицу: он продолжал быть в тех же гордо-холодных и независимых отношениях к Хидеёси, какие принял до начала войны. Хидеёси решил во что бы то ни стало сломить эту гордость. Не раз уже его послы возвращались от Иеясу ни с чем, наконец, он отправил посольство с решительным приказанием не являться обратно, если Иеясу не будет уговорен прибыть в столицу. Послы долго убеждали Иеясу согласиться на желание их повелителя, представляя все выгоды союза с ним и все невыгоды борьбы; Иеясу по-прежнему отвечал им или холодным молчанием, или вежливыми, но решительными противоречиями, и наконец, бросив их, уехал на соколиную охоту. Послы последовали за ним и туда, и опять пристали с уговорами.

— С Хидеёси уже вся Япония, а вы, князь, один: можете ли вы бороться с ним, когда у вас всего пять провинций? Само небо видимо покровительствует ему, и вы, не покоряясь Хидеёси, возбудите против себя мщение неба. Не лучше ли посетить столицу? Дайте нам решительный ответ.

Держа сокола на локте и готовясь пустить его, Иеясу отвечал сухо и решительно:

— Сколько уж раз я говорил вам, что мы не сходимся с князем. Я был в столице, когда мы оба с ним служили у общего нам повелителя; а теперь мне больше, чем столичные виды, нравятся вот эти дикие поля и эта охота. Что же касается до угроз, то я понимаю свое положение лучше, чем кто-нибудь. С Хидеёси вся Япония, а со мной мои владения, но за то здесь каждый клочок земли мне известен, а ему придется вести войну на незнакомой почве. Идите и передайте все это князю, и если опять явятся ко мне послы, то я уже не буду так снисходителен к ним как доселе. И он отвернулся от них и спустил сокола.

Со страхом и трепетом передавали послы этот ответ Хидеёси, ожидая вспышки необузданного гнева; но тихо выслушал он их, дал знак удалиться и глубоко задумался. Уже поздно вечером он очнулся от своей задумчивости и велел позвать послов. Встретил их веселый и радостный.

— Иеясу, наконец, явится ко мне, — сказал он. — Слушайте: у него недавно умерла жена; я предложу ему жениться на моей сестре; в заложницы же, на то время пока он будет в Мияко, отправлю свою мать.

План был оригинален: никто еще в таких случаях не отдавал в залог родную мать; что же касается до сестры, то она давно уже была замужем за другим князем. Но это не

смutilo Хидеёси: он велел князю развестись со своей женой, после чего бедный князь должен был от печали и позора распороть себе брюхо. И отправил сватов к Иеясу.

Не выдержал на этот раз неуступчивый противник; отказать и теперь значило бы уже возбудить смертельную вражду Хидеёси; Иеясу предпочел почетный союз и родство и обещался прибыть в столицу лично благодарить нареченного шурина. Хидеёси, не медля отправил к нему мать, а Иеясу не замедлил вместо ее явиться в Мияко. Хидеёси был в восхищении от успеха своего предприятия. Ему важна была покорность Иеясу, не только как опасного соперника, но и по другой причине. Окружающие его князья, по невозможности бороться с ним, конечно, покорились ему. Но никто из них не забывал, кто такой Хидеёси по своему происхождению; сын раба подчинил себе всех их, гордых и сановитых вассалов, — дело неслыханное и беспремерное в японской истории; но чем чувствительнее было ранено их самолюбие, тем грубее были проявления их неудовольствия: многие старались дать своим отношениям к Хидеёси вид фамильярности, иные позволяли себе колкие замечки насчет его; все это не могло нравиться Хидеёси, не потому, чтоб он был щепетилен и безрассудно горд, но потому, что это отзывалось неповиновением и могло во всякое время послужить зерном раздора и больших беспорядков. Хидеёси не без основания рассчитывал, что покорность гордого Иеясу, первенца между князьями, по сознанию самих князей, поможет ему в этом щекотливом деле.

— Как быть? Князья фамильярничают со мной и держат себя слишком вольно на том основании, что я такого низкого происхождения. Чем помочь в этом? — спросил Хидеёси на первом же частном визите, которым поспешил приветствовать давно жданного гостя, лишь только он прибыл в Мияко.

— Одно средство: учредить строгий этикет; я завтра же покажу им пример, — отвечал Иеясу.

Назавтра назначен был официальный прием Иеясу; все наличные князья и вельможи должны были участвовать в церемонии. Иеясу с глубоко почтительным видом и со всеми признаками самого покорного вассала представился Хидеёси, который, согласно условию, держал себя на этот раз особенно гордо и церемонно. Смотря на эту сцену, все прикусили язык и почувствовали урок. Если непобедимый Иеясу так смиряется, то как же должны быть низки пред Хидеёси они сами, не смевшие и думать о сопротивлении ему в открытом поле! Чтоб еще более подействовать на князей, разыграна была, по предварительному условию, следующая сцена. Однажды Хидеёси, в сопровождении блистательной свиты вассалов, делал визит Иеясу. На нем был белый военный плащ. По окончании визита, когда Иеясу, с видом глубокой почтительности, проводил Хидеёси из внутренних покоев в приемную, где оба они очутились пред огромною толпой князей и сановников, Иеясу вдруг, как бы по внезапному вдохновению, обратился к Хидеёси с почтительнейшею просьбой, и когда последний пожелал узнать, в чем дело, попросил подарить ему одежду с плеча.

— Да ведь это военный плащ, — возразил Хидеёси.

— Его-то я и прошу. Мой высокий шурин может теперь освободить себя от военных доспехов. Иеясу сумеет защитить его, если то потребуется.

— Какого славного зятя я приобрел себе, — с веселым смехом заметил Хидеёси, обращаясь к свите, и отдавая плащ Иеясу. Две-три сцены в том же роде, и самое строгое соблюдение этикета воцарилось при дворе Хидеёси.

Поладив с Иеясу, Хидеёси уже не боялся более никого в Японии. Из оставшихся непокорными князей, самыми главными теперь были два: Симацу Иосихиса¹³⁵, предок

теперешнего Сацумского князя, и Хоодзёу Удзимаса ¹³⁶, владетель восьми восточных провинций. Первый, владея леном на самом отдаленном от центральной власти конце Японии, на юге Киусиу, давно уже безнаказанно бил соседних князей и отнимал у них владения, на требования покорности отвечал Хидеёси самыми грубыми письмами, и не думал признавать над собою ничьего контроля. Хидеёси, наконец, потерял терпение, и сам отправился усмирить бунтующего вассала. Иосихиса хотел противиться, но это оказалось безумием; скоро он кончил тем, что обрил голову, надел монашескую рясу и, с заранее приготовленным для себя гробом, явился в лагерь Хидеёси. Последний смягчился таким необыкновенным видом покорности и оставил жизнь и владения роду Симацу, отобрав у него все то, что было захвачено незаконно.

Хоодзёу Удзимаса тоже долго упорствовал в неповиновении Хидеёси. Много раз они обменялись взаимными посольствами, и Хоодзёу совсем не прочь был явиться с повинною в столицу; он только ждал, чтоб ему предложена была такая же честь, как Иеясу. Но он, хоть и владетель восьми провинций, по своим личным качествам далеко не был так опасен, как Иеясу, и Хидеёси не намерен был кокетничать с ним. Видя безуспешность дружеских вызовов, он объявил, что идет усмирить его силой. Между прочими князьями, он пригласил на этот раз участвовать в походе и Иеясу. Последний, находясь по брачным связям в близком родстве с Хоодзёу, видел необходимость обеспечить доверие Хидеёси каким-нибудь важным залогом, и отослал к нему с этою целью своего старшего сына. Хидеёси принял мальчика совершенно по-родственному, повел его к своей жене, велел нарядить по столичному, сам заткнул ему за пояс дорогую саблю и вновь вывел к послам: укорил Иеясу в излишней мнительности, рассыпался в уверениях, что он без всяких залогов твердо надеется на Иеясу и, обняв мальчика, возвратил послам для доставления отцу. Но Иеясу не совсем по душе пришлась эта любезность милого шурина: он совершенно понял смысл ее.

— Это значит, что он хочет занять мои крепости на время войны с Хоодзёу, — пояснил он.

Действительно, таково было намерение Хидеёси. Многие генералы Иеясу подозрительно взглянули на эту политику; но он лучше их знал рыцарский дух Хидеёси и со всею готовностью обещал посланцам его очистить нужные крепости.

— Вы этак, пожалуй, и жену свою уступите другому, — угрюмо и ворчливо заметил тут же один из старых советников.

— Вот, он всегда так грубит, этот несносный дядька мой, — отшутился благодушный Иеясу, сильный, между прочим, тем, что никогда не стеснял своих советников в выражении их мнений.

В награду за помощь Иеясу в войне против Хоодзёу, Хидеёси еще наперед обещал отдать ему лен Хоодзёу. Но увы, и это было вовсе не к радости Иеясу. Хидеёси нужно было не наградить его, а разлучить с его народом, который обожал своего князя, что было вовсе невыгодно для всякого, кто захотел бы враждовать с ним. Те, — восемь провинций — расстроены дурным управлением и войной: когда еще Иеясу приведет их в порядок и приобретет любовь народа! А между тем восемь, вместо пяти, которыми до сих пор владел Иеясу: как не считать этого наградой! Скрепя сердце, Иеясу благодарил своего щедрого шурина (как будто оба они не разумели взаимной комедии!) и усердно дрался с Хоодзёу.

— Где думаешь основать свою резиденцию? — спросил однажды Хидеёси у Иеясу, в лагере при Одавара, отлично укрепленной резиденции Хоодзёу.

— Да где же, как не здесь?

— Нет, я советую тебе занять другое место. Миль 20 отсюда по восточному берегу есть

прекрасный залив с небольшим городком Едо: вот где место для твоей резиденции.

Иеясу принял совет и, по получении лена, действительно основался в Едо, хотя, по изменности места, ему стоило необыкновенных трудов сделать его удобообитаемым и построить укрепления.

По уничтожении Хоодзёу вся империя была у ног Хидеёси; воля одного повелителя беспрекословно исполнялась всеми: давно уже не было этого в Японии. Будучи гениальным полководцем, Хидеёси был не менее гениальным администратором: все части управления подверглись при нем преобразованию и улучшениям; особенно же великую услугу своему народу оказал он поверкой и перемереживанием земель, причем обращено было самое строгое внимание на распределение полей по классам, смотря по производительности почвы, и, сообразно с этим, с разных полей определены неодинаковые повинности.

Но ни внутренние войны, ни заботы по управлению не могли истощить богатых сил гениального Хидеёси. Куда деть избыток их? Не забыл он своего плана внешних завоеваний, заявленного им еще при Нобунага. Занятый объединением Японии, он, от времени до времени, давал знать окружавшим его, что этот план носится в его душе. Так однажды, осматривая Камакура и зашедши в храм где стояла статуя Иоритомо, он, поглаживая по спине первого сёгуна, говорил вслух своей свите: «приятель, ты голою рукой взял империю; только ты да я способны на это. Впрочем, ты производишь от знатного рода, а я сын раба; да притом, порешив с домашними делами, я доберусь и до Китая. Как ты думаешь об этом?» Теперь Хидеёси решился, наконец, осуществить свою долговременную мечту. Предлог к началу войны был готов. При первых сёгунах династии Асикага Япония была в самых дружеских отношениях с Китаем и Кореей; китайские императоры любезничали с Асикага, называя их королями; Корея служила посредницей этих любезностей. В последнее время Асикага, когда в Японии настала страшная безурядица, японские пираты начали грабить берега Китая и Кореи, за что последние почувствовали самое неприязненное расположение к японцам; хотя правильные торговые сношения между Кореей и Японией чрез посредство японского острова Цусима, не прекращались, Хидеёси давно еще, чрез двойных данников Китая и Японии, риукйцев (жителей Лючу¹³⁷), пытался возобновить сношения с китайским императором, но последний не счел нужным даже отвечать ему. Этого уже достаточно было для начала войны. Так как в Китай ближайший путь был чрез Корею, данницу Китая, то Хидеёси хотел, прежде всего, склонить ее на свою сторону. В любезном письме по этому поводу к корейскому королю Хидеёси, известив его о прекращении беспорядков в Японии и объединении ее, продолжал: «Хидеёси низкого происхождения; но его мать, забеременев им, видела во сне, будто солнце вошло в ее чрево. Гадатели объяснили, что все страны, куда достигает солнечный свет, наполнятся славою его оружия, и что с кем бы он ни воевал, непременно победит, что бы ни захотел взять, непременно возьмет». Он просил дальше короля открыть ему свободный путь в Китай и даже оказать ему деятельную помощь. Но король счел все это самохвальством и отвечал грубостию и прямым вызовом на войну. Тогда Хидеёси созвал князей, объяснил им свои сношения с Китаем и Кореей и свой план относительно завоевания их, и требовал их совета. Князья, зная что война заранее решена, единогласно одобрили его предприятие и обещались безусловно следовать его предписаниям. Тогда он назначил, кому с каким количеством войска и военных запасов явиться к походу и распустил всех по домам для скорейшего приготовления. Сборным пунктом назначена была Нагоя, в области Хизен, на Киусиу. Когда войска собрались, Хидеёси, сообразно разделению Кореи на восемь дорог, разделил

их на восемь дивизий, назначил начальников и составил превосходный план кампании, в котором, по-видимому, все было предусмотрено и наперед устроено. В заключение, для лучшего исполнения этого плана, он предположил отправиться во главе войск сам. Но это встретило решительное противоречие со стороны как искренних приверженцев его, так и всех желавших блага отечеству. На совете по этому поводу Хидеёси долго спорил с князьями, старавшимися деликатно уговорить его остаться дома.

— Да что попусту тратить слова? Когда человек спятит с ума, тогда его ничем не урезонишь, — хватил с плеча, наконец, один старый князь, любивший говорить правду.

— Я спятил с ума? Доказательства! — вспыхнул Хидеёси, выхватив саблю.

Князь, несколько не смутившись, резко и смело представил ему эти доказательства. Он говорил, что «для Японии, только что отделавшейся от внутренних мятежей, очень тяжела эта новая война, которая будет поглощать пот и кровь народа, что народ все-таки молчаливо перенесет ее, но не иначе как если сам Хидеёси останется с ним и своим присутствием будет обуздывать людей злонамеренных и склонных к мятежам; в противном же случае, лишь только Хидеёси покинет берег, как в разных концах государства непременно вспыхнут бунты, и отечество снова подвергнется всем ужасам междоусобий; Хидеёси, не окончив дела, все-таки принужден будет вернуться домой, но еще неизвестно, как его примет тогда отечество». Хидеёси казалось все это недостаточным чтобы назвать его сумасшедшим, и он порывался своеручно изрубить князя, безропотно подставлявшего голову под саблю; но, к счастью, между ними стали другие князья, кивнули виновному чтоб он ускользнул, а разгоряченному Хидеёси представили все недостойнство самоличного труда в этом случае и вызывались каждый заменить его саблю своею. Князь, затворившись дома, несколько дней ждал приказа совершить харакири, но этого не последовало; резоны же его, кстати подкрепленные письмом матери Хидеёси, извещавшей его о своей болезни и умолявшей не отлучаться из отечества, все-таки сделали свое дело: Хидеёси решился отпустить войско без себя. Князь был как нельзя более прав: когда он был еще в неизвестности касательно своей участи, здесь же, на Киусиу, в одном месте вспыхнул бунт; Хидеёси позвал князя, извинился пред ним в запальчивости и поручил его сыну усмирению бунта, а сам еще более утвердился в решимости не оставлять отечества. Между тем легионы его благополучно высадились в Корею (в 1592 г.) и шли от победы к победе: корейские крепости падали, города почти беспрекословно сдавались. Корею ли, веками приученной к подчинению и ослабленной от двойного гнета Китая и Японии, воевать с гордыми духом японскими войсками, особенно когда ими командовали такие птенцы гнезда Хидеёси как Катоу Киёмаса¹³⁸ и Кониси Юкинага¹³⁹? Корейский король слал послов за послами в Китай, требуя помощи. Китайский император увидел, что с Хидеёси в самом деле шутить не следует, и спешил выслать огромные армии в Корею: ему хотелось во что бы то ни стало вести эту войну на чужой почве, чтобы не подвергать своих земель всем ужасам неприятельского нашествия. Уже недалеко от своих пределов китайские войска встретились с японскими и тоже были разбиты на всех пунктах. Тогда Китайцы заговорили о мире, обещаясь согласиться на всевозможные уступки. Между японскими вождями также нашлись сторонники мира. Хидеёси, управляя издали экспедицией, не мог устранить соперничества между генералами. Они старались щеголять друг пред другом победами и не упускали случаев ставить друг друга в очень затруднительное положение, словом, мешали один другому. Это было причиной, что война, хотя и победоносная для японцев, все-таки не шла так, как ожидал Хидеёси, а между тем для нее истощался весь японский народ, и потому сам Хидеёси не прочь был от мира, разумеется, выгодного для себя; именно, он хотел чтобы

все то, что забрано его войсками в Корею, осталось за ним; Китай же должен был поднести ему титул своего короля. Китайский император с радостью согласился на эти условия, и потому военные действия были остановлены, и из Китая отправлено к Хидеёси блистательное посольство с королевским дипломом и платьем. Назначен был день для торжественной аудиенции послам; Хидеёси, в присланном королевском одеянии, сидел на троне во главе блистательнейшей свиты своих вассалов и вельмож двора; послы представились ему со всеми признаками подобострастия и поднесли диплом, который велено было тут же торжественно прочитать. «Итак за все это, - заключал высокопарный диплом, перечислив высокие достоинства и заслуги Хидеёси, — мы жалуем ему титул японского короля».

— Японского короля! — вскрикнул Хидеёси, вскинувшись с места. — Титул Японского короля, — кипел он, швыряя с себя королевскую шапку и мантию. — Я и без того в Японии все что хочу: император, так император, король, так король! Кто же смеет давать мне японские титулы?

Все в зале были ни живы ни мертвы; послы ждали, что им сейчас головы с плеч; но Хидеёси велел просто прогнать их, и сейчас же закипели приготовления к новой войне. Опять японский народ понес трудовую лепту на военные расходы, опять несчастная Корея застонала под двойными ударами, а слабодушные китайцы, неподражаемо способные лишь на обман, стали пятиться от храбрых врагов. Но, к счастью для всех, престарелый Хидеёси уже стоял на краю гроба: ему было 62 года, когда началась эта вторая корейская война (в 1597 г.). По смерти его, последовавшей в ближайшем году, войска из Кореи немедленно были отозваны, и его предприятие рухнуло, к общей радости всех трех держав. Единственным плодом этого предприятия для Японии осталось, и то на короткое время, восстановление древних даннических отношений корейского короля к Японии.

Хидеёси долгое время был бездетным; однажды порадовало его рождение сына от одной из наложниц, но и тот скоро помер; это крайне печалило его, особенно под старость, когда нужно было подумать о преемнике себе. Отчаявшись иметь детей, он еще пред первым походом в Корею назначил своим преемником своего племянника Хидецунгу¹⁴⁰. Но после этого у него неожиданно родился сын, названный Хидеёри¹⁴¹. Хидеёси был вне себя от радости. Для новорожденного, конечно, нужно было очистить место, отданное племяннику; кстати, этот племянник оказался совершенным негодяем, способным лишь на самый необузданный разврат и тиранство. Хидеёси долго терпел его и ждал исправления; наконец, когда Хидецунгу затеял было восстание против дяди, Хидеёси решил обуздать милого племянника. Последний, видя свой замысел открытым, пришел в такой страх что, не дожидаясь разделки, порешил сам с собою. Хидеёри предстояло наследовать титулы и власть отца. Но он был еще ребенком, когда Хидеёси почувствовал приближение смерти. Умирая, Хидеёси сделал все, что мог, дабы обеспечить власть за сыном. Самых сильных князей и самых преданных своему дому людей он сгруппировал вокруг Хидеёри, разделив между ними дела правления и устроив так, что по-видимому, никто не мог взять опасного преобладания. Пять главных князей (Токугава Иеясу, Маеда Тосие¹⁴², Мори Терумото, Укида Хидеие¹⁴³ и Уесунги Кангекацу¹⁴⁴) составили верховный совет, имевший ведать самые важные государственные дела; пять важных сановников назначены для заведывания текущими делами; в случае недоразумений и несогласий между этими двумя инстанциями, должны были посредствовать между ними особо для того назначенные три советника (циуроу)¹⁴⁵; войско расформировано на семь дивизий и получило начальников, на верность которых Хидеёси твердо надеялся;

воспитателями и наставниками наследника назначены особенно преданные вельможи. Все обязаны были клятвою в неупустительном исполнении предначертаний Хидеёси, пока его сын не будет в состоянии взять в свои руки кормило правления. Но, увы, все это не спасло его династии, как он сам когда-то не спас династии Нобунага.

Однажды, еще при жизни Хидеёси, когда у него по какому-то случаю собрались все князья, он вышел к ним с маленьким Хидеёри на руках.

— Ну что? Кого боишься? Кто страшней всех? — спросил он, шутя у малютки, тарачившего глазенки на незнакомые лица. Хидеёри указал на Мори Терумото, страшного видом.

— Нет! Этот-то что! Ты вон кого бойся, вот того черненького, с небольшою головой, — сказал, смеясь, отец, указывая на Иеясу, сидевшего первым в ряду князей.

Шутка была пророчеством. Действительно, для Хидеёри всех опасней и страшней оказался Иеясу. Не успело остыть тело Хидеёси, как между правительственными лицами родились поводы ко взаимным неудовольствиям и завязались интриги: у всех всплыли наверх личные симпатии и антипатии и своекорыстные замыслы. Иеясу стоял высоко над всею этою толпою, и потому за ним следили с особенною ревностью, в намерении предупредить всякие попытки к самовластию с его стороны. Но он, как будто не замечая этого, и не думал стесняться, а делал то, что хотел. Первые самовластные действия его касались вещей не особенно важных, вроде заключения брачных союзов, вызова или отсылки домой того или другого князя; но так как, по завещанию Хидеёси, и это не могло производиться иначе, как с общего совета, то уже всякий мог видеть, что Иеясу ставит себя выше своих товарищей. Против него поднялся крик неудовольствия соправителей, а один из них, Уесунги, прямо укорил его по пунктам в десяти преступлениях против данной им клятвы на верность Хидеёри. Тогда Иеясу собрал войско и пошел наказывать дерзкого князя, как своего оскорбителя. Но лишь только он оставил столицу, как здесь образовалась страшная коалиция против него под предводительством неугомонного интригана и бездарного человека Исида Мицунари¹⁴⁶. Положение Иеясу было очень затруднительно: он попал между двух огней. Но его спасло то, что еще никто не мог укорить его открыто в прямых замыслах против верховной власти. Хидеёри стоял в стороне; тут было дело удельного князя Иеясу с его личными врагами, и потому многие князья охотно приняли его сторону. Он оставил против Уесунги своего сына, приобретя ему надежного союзника в предке теперешнего Сендайского князя, Даде Масамуне¹⁴⁷, с которым заключил секретный договор^{*****}, а сам обратился против союзников. На пути к Оосака, местопребыванию Хидеёри и сборному пункту союзников, к нему один за другим присоединялись князья, или лично расположенные к нему, или находившие для себя более безопасным стоять заодно с ним. Союзники сочли для себя более удобным встретить Иеясу в открытом поле, чем в стенах Оосакской крепости, и потому выступили к нему навстречу. При Секигахара обе армии сошлись. Союзники значительно превосходили Иеясу числом войск, в опытных и искусных генералах у них также не было недостатка. Но звезда Иеясу горела ярко: он одержал полную и решительную победу. Эта победа, уничтожившая личных врагов Иеясу, в то же время была и решительным ударом, нанесенным династии Тоётоми. Некоторые даже из сторонников Иеясу и многие князья, не принявшие участия в борьбе, считавшие ее частною враждой между Иеясу и его личными врагами, и не имевшие намерения изменять Хидеёри, спохватились теперь, но поздно, и потому должны были, для личной безопасности, припрятать подалее свои чувства. Иеясу, вслед за победой, сбросил с себя маску и стал перетасовывать князей по-своему. Все сторонники его, деятельно помогавшие ему, награждены или прибавкой

ленов, или чинами и почестями; все противники, кто не успел вымолить пощаду, лишены владений; даже те князья которые, имея на месте готовое войско, не присоединились к врагам его, но в то же время не помогли и ему, понесли тяжкое наказание; так у Мори Терумото, простоявшего все время сражения в нерешительности, к какой стороне присоединиться, по окончании же сражения тотчас принесшего повинную Иеясу, за одну эту нерешительность отобрано шесть провинций.

Не встречая оппозиции от примолкнувших князей, Иеясу счел своевременным облечь себя титулом, который бы узаконял его самовластие. Он не побрезговал титулом сёюгуна, которым так пренебрегали Нобунага и Хидеёси. Таким образом, династия Тоётоми и de facto и de jure была устранена от верховной власти; Хидеёри обратился в простого удельного князя, с довольно значительным, но и не особенно богатым леном (в 600.000 коку). Впрочем, и после этого Иеясу продолжал ласкать Хидеёри и оказывать ему знаки особенного внимания; так, в том же году в котором сам принял титул сёюгуна, он выдал за Хидеёри свою внучку. Но увы! это похоже было на украшение жертвы обреченной на заклание. Сын Хидеёси, законный наследник верховной власти, не побежденный в войне, не лишенный своих прав за какую-нибудь вину пред нацией, а обойденный единственно потому, что по малолетству не в состоянии был защищать себя, мог быть, впоследствии, весьма опасным для Иеясу и его династии. Что если, по возрасту, он или даже его дети вздумают заявить свои права? И что, если у них окажется хоть малая доля талантов их предка? Пока сам Иеясу жив, он, пожалуй, в состоянии будет защитить себя и свой род; но он сам уже на краю гроба; он добился верховной власти исключительно своими талантами, но кто поручится что первый же его преемник, его сын Хидетада¹⁴⁸, не проиграет всего, добытого им? Как сам он, Иеясу, не может и думать о равенстве с Хидеёси, так и сын Иеясу станет во мнении всей Японии гораздо ниже своего соперника Хидеёри, лишь только последний вздумает заявить свои права и вступит с ним в борьбу. Его невинность и оскорбления, причиненные ему отнятием у него законного наследства, громко возопиют к совести всех и, вместе с памятью о достоинствах и заслугах его отца, которого вся Япония признала даром неба, возбудят к нему самые искренние симпатии, тогда как несправедливый захват и явное коварство Иеясу, и многие обиды, нанесенные им князьям, отвратят симпатии Японии от его сына. Не гораздо ли лучше отделаться навсегда от опасного соперника?... В Оосака, разумеется, знали все эти соображения и старались вести себя так, чтобы не подать Иеясу ни малейшего повода придраться и начать войну: умный и верный воспитатель Хидеёри, Катагири Кацумото, был ангелом хранителем своего питомца. Но предложениями ли стесняться, когда дело идет о таком важном предмете, как утверждение на престоле своей династии? Можно прицепиться к самому незначительному обстоятельству. В 1614 году Хидеёри окончил постройкой, по обету, один храм; на праздник освящения его предположено было просить дзенсёюгуна (прежнего сёюгуна, как в это время назывался Иеясу, так как передал уже свое звание сыну Хидетада) и сёюгуна; приглашено было множество и других знатных гостей. Дзенсёюгун с первых же слов охотно согласился почтить своим присутствием праздник и уже отпустил обратно Кацумото, присланного просить его. Но вдруг ему почему-то захотелось взглянуть на надпись, которая была вылита на замечательно большом колоколе нового храма. Прочитав надпись, Иеясу пришел в сильный гнев: там были употреблены два знака, которыми пишется имя Иеясу. «Что это, Хидеёри вздумал проклинать меня?» молвил он. Тщетно Кацумото, вернувшись с дороги, представлял ему, что Хидеёри и понятия не имел об этой надписи, что она писана каким-то бонзой. Иеясу ничего знать не хотел и требовал, чтобы колокол

перелили; все приготовления к празднику обратились ни во что. Тут уж было не до праздника. Из Оосака отправлено новое посольство уверить Иеясу в невинности Хидеёри, но он и слушать не хотел. Между тем, в то же время искусною интригой в Оосака возбуждено было подозрение в предательстве Кацумото. Иеясу знал, что с устранением его дело успешнее пойдет к развязке. Действительно, мать Хидеёри, властолюбивая и своенравная Иодогими, уже не сдерживаемая мудрыми советами Кацумото, решила лучше умереть, чем долее выносить свое унижительное положение. Хидеёри, хотя ему в это время было уже 20 лет, во всем беспрекословно слушался матери; фавориты Иодогими по неразумию и из угодливости ей поддержали вспышку ее гордости, и приготовления к войне закипели. Многие князья сочли своим долгом вступить за Хидеёри и привели свои войска на защиту Оосака. Но не замедлил явиться сюда и Иеясу во главе еще большего числа князей и огромнейшей армии. Оосакская крепость, построенная Хидеёси, была в то время лучшею крепостию в империи. План осады ее, сохранившийся доселе, достаточен был бы, если бы не существовало других доказательств, убедить всякого в необыкновенных полководческих талантах Иеясу; но и осажденные не имели недостатка ни в мужестве, ни в искусстве, и часто Иеясу, для воодушевления своего войска, готового упасть духом от бесплодных усилий, должен был сам являться среди свиста неприятельских пуль. Наконец, осажденные принуждены были сдаться; но они могли еще выговорить в условиях, кроме своей личной неприкосновенности, то, чтобы внутренняя крепость осталась нетронутою, тогда как наружные укрепления отдавались на разрушение. Иеясу, рассчитав уже последний удар Хидеёри, счел за лучшее, впрочем, не стесняться условиями, и отдал тайный приказ разрушить все. Когда его солдаты принялись засыпать внутренние рвы, испуганные противники бросились искать суда на нарушение условия: но сёогун отсылал их к дзенсёогуну, этот к такому-то начальнику, под предлогом, что это по его части, тот еще к другому, другой отзывался больным и посылал к пятому, а между тем усиленная работа шла, и прекраснейшая из крепостей была разрушена прежде, чем успели найти кто отдал ошибочный приказ. Расчет Иеясу был верен. Едва он успел вернуться с войском домой, как в Оосака затеялось новое восстание. Ближайшая причина его на этот раз состояла в недостатке продовольствия для тех сбродных войск, которые со всех сторон стеклись в Оосака для защиты Хидеёри, и которым Иеясу не мешал и по окончании войны остаться там. Когда почувствовался этот недостаток, из Оосака обратились к Иеясу за пособием, но он, естественно, имел полное право не обратить внимания на это требование. Тогда оосакский сброд вновь предпринял домогаться восстановления прав Хидеёри. Иодогими и сам он, как будто неизбежным роком влекомые на гибель, беспрекословно поддались недостойным советникам. И между князьями нашлись люди, решившиеся с видимою опасностью для себя, защищать сына своего прежнего повелителя. На скорую руку возобновлены были, по возможности, укрепления, и вновь Иеясу стоял пред ними, но уже грозный и неумолимый. Осажденные дрались на жизнь и смерть, зная, что теперь не будет пощады; но уже не те были твердыни, скрывавшие их. Хидеёри сам, наконец, вышел в битву с остатками своей дружины, но тотчас должен был вернуться в крепость, преследуемый по пятам неприятелем; он затворился с матерью и приближенными в кладовой, отправив жену умолять Иеясу о мире и наперед соглашаясь на какие угодно условия. Иеясу с гневом принял свою внучку и не дал ей ответа; впрочем, велел военачальникам пощадить жизнь Хидеёри; но они, как видно по недостатку дисциплины, оставшемся, впрочем, почему-то без дурных для них последствий, выстрелами из ружей в дверь кладовой дали знать Хидеёри, — что для него все кончено.

— Таково определение неба! решил он и зарезался.

Иодогими, обхватив его голову, долго рыдала и, в заключение, попросила одного из присутствовавших убить ее. Больше двадцати человек генералов и придворных Хидеёри последовали примеру своего господина, а десять фрейлин Иодогими сделали ту же честь своей госпоже. Князя, помогавшие Хидеёри, лишены владений; главные зачинщики восстания казнены; Оосакская крепость сделана личным владением сёгуна; лен Хидеёри роздан защитникам сёгуна. Таким образом, династия Тоётоми со всеми своими сторонниками исчезла с лица Японии.

Теперь князя стояли пред Иеясу безгласные и покорные, без тени строптивых замыслов. Иеясу мог теперь предписать им какие угодно законы, и он не упустил случая сделать это. Вот знаменитые 13 правил, которыми в общих чертах определены обязанности князей. Князя должны:

1. Заботиться о процветании в их владениях наук и военного искусства;
2. Не позволять распущенности нравов и кутежей;
3. Не оставлять без наказания нарушителей законов;
4. Доносить о зачинщиках мятежей и убийцах;
5. Не переселять своего народа с места на место;
6. Не строить крепостей без разрешения сёгуна;
7. Доносить об измышляющих какое-нибудь новое учение и соствляющих общества;
8. Не заключать самопроизвольно, без сёгунского разрешения, брачных союзов;
9. Соблюдать предписания этикета;
10. Не носить запрещенного платья;
11. Кому по чину не дозволено, не употреблять паланкинов;
12. Не быть расточительными;
13. На должности в своих владениях избирать людей достойных. *****

При этом определении обязанностей князей разумеется, были приняты самые действительные меры к тому, чтоб эти обязанности в точности исполнялись, и вообще, чтобы князя соблюдали самую строгую подчиненность сёгуну. Меры эти состояли в следующем: 1) у князей, по возможности, обрезаны лены, так что особенно больших и сильных вассалов, всегда опасных для центральной власти, не стало; 2) лены всех прежних князей (названных *тосама* - внешний, то есть не принадлежащий к дому Токугава) окружены ленами новых (фудай — домашний), возведенных в княжеское достоинство из потомственных слуг Иеясу, ознаменовавших себя заслугами и преданностью его дому; 3) всем князьям вменено в непрременный долг всегда содержать в сёгунской столице заложника, которым должно было быть лицо дорогое для князя, то есть сын его, или другой ближайший родственник. Впрочем, Иеясу продолжал еще оказывать князьям-тосама некоторые знаки особенного внимания; при приезде их в столицу, например, он выезжал загород навстречу им; при дворе всегда отличал их от фудаев: это была позолота пилюли, очень горькой.

Устанавливая свои отношения к князьям, Иеясу в то же время преобразовал государственное управление, стянув весьма искусно все нити административной сети в одни руки сёгуна. Он умер 75 лет (в 1616 г.), счастливый тем, что успел сам окончить государственное устройство так как желал. Его сын, Хидетада, долгое время бывший деятельным участником во всех его военных и административных предприятиях и давно уже носивший титул сёгуна, как нельзя лучше понял планы отца и, по смерти его, ни в чем не отступал от них. Сын Хидетада, Иемицу¹⁴⁹, вырос также на глазах Иеясу и особенно

радовал его богатыми умственными способностями и геройским духом. В осаду Оосака, еще ребенком, он уже рвался в сражение и плакал, что дед не пускает его.

— Вам всего четырнадцать лет, еще будет время отличиться, — заметил ему один из приближенных Иеясу.

— Но четырнадцать лет разве мне будет опять? — обидчиво возразил Иемицу, не переставая плакать.

— Это одно твое слово лучше всякого военного отличия, — заметил ему с улыбкой дед, довольный как нельзя более и порывом храбрости, и находчивостию своего внука-ребенка.

Заступив место отца, Иемицу вполне выказал и свой геройский дух, и свой ум, и довершил подчинение тосама сёоуну, отняв у них и последние ничтожные привилегии и знаки превосходства пред фудаями. При самом вступлении на престол он созвал всех тосама и произнес им следующую речь: «Мой дед был такой же князь, как вы, но вашею помощью подчинил себе государство; поэтому он обращался с вами почтительно и отнюдь не смешивал вас с фудаями. Что же касается меня, то я с самых пеленок повелитель империи, и этим отличаюсь от моего деда. Теперь я вступил на престол, но права мои по отношению к разным лицам неодинаковы: это нехорошо. Отныне я уравниваю вас во всем с фудаями. Кому это не нравится, тот пусть отправится в свое княжество. Даю три года сроку: пусть каждый зрело обдумает и решит, подчиниться мне, или не подчиниться». Князья тут же единогласно отвечали уверением в самом безусловном подчинении, после чего Иемицу, чтоб еще более произвести на них впечатление, удалился из тронной залы в один из внутренних покоев, оделся по-домашнему, потребовал связку сабель, и вызывая князей одного за другим, подарил им из собственных рук по сабле, причем советовал каждому вынуть клинок из ножен и испытать его качество. Князья должны были оценить отвагу сёогуна, только что оскорбившего их и тут же остававшегося с глазу на глаз с каждым из них, давая обнаженную саблю в руки. При Иемицу же окончательно установился обычай, обратившийся скоро в обязательство для князей, постоянно пребывать в Едо. Началом этого обычая послужило указанное выше обязательство князей давать сёоуну заложника. Еще при жизни Иеясу один князь в угоду ему предложил представить в Едо в залог своей верности все свое семейство. Когда же Иеясу выразил ему за это свое величайшее удовольствие и одобрение, тогда за этим князем потянулись и другие, за семействами стали и сами селиться в Едо. Кончилось тем, что Иемицу велел всем князьям без исключения навсегда поселиться в Едо, и это было приведено в исполнение в таком буквальном смысле, что даже в свой загородный дом, за чертою Едо, князь уже не смел выехать без разрешения сёогуна. Каждые два-три года князю позволялось на несколько месяцев отлучиться в свои владения, но без семейства, которое безвыездно жило в Едо; отпуска князей распределяемы были так, что два соседние по своим владениям князья, никогда не отправлялись домой разом.

После Иемицу только один сёоун, Иосимуне¹⁵⁰, царствовавший с 1716 по 1745 год, подражал доблестям своих славных родоначальников. Все прочие сёогуны династии Токугава были не лучше Асикага. Но удельные князья, скученные в Едо и опутанные многосложными обязательствами, никогда не выходили и не могли выйти из пределов самого строгого повиновения им. Распущение князей из Едо, случившееся семь лет тому назад, было началом революции, приведшей в прошлом году к падению династии Токугава и к ниспровержению сёогунского престола. Но ход этой революции должен быть предметом особой статьи.

В лице японского народа Монгольская раса видимо выступает на сцену всемирной истории уже не в качестве бичующей и разрушающей силы, а в качестве доброго исторического деятеля. Едва прошло двадцать лет с открытия Японии для иностранцев, и ее узнать нельзя: так она изменилась и преобразилась! Коренные государственные реформы и заимствования от иностранцев всего хорошего с изумительной быстротой и легкостью следуют одно за другим. Тридцатипятимиллионный народ, как один человек, точно встал от сна и принялся за наперед намеченную работу, и, точно наследник, по достижении определенного возраста вступающий во владение отцовским имением, полною горстью берет накопленные другими народами сокровища цивилизации. Конечно, подобные исторические явления не могут происходить случайно, не будучи подготовлены предварительною жизнью народа. Японский народ своею историческою жизнью и приготовлен именно к тому, что мы видим ныне совершающимся среди его.

Укажем несколько черт японского народного характера, дающих ключ к объяснению современного движения.

Внутренние исторические обстоятельства Японии складывались удивительно благоприятно для выработки свободы и самостоятельности народного духа. В древние, до-сёгунские времена государство, уже разросшееся почти до настоящих пределов и, с заимствованием от Китая Конфуция, стоявшее на уровне китайской цивилизации, было похоже на семейство, в котором все члены равны перед законом и общим главою — императором. Не было тогда ни постоянного войска, ни государственной полиции; провинции управлялись назначаемыми непосредственно от императора губернаторами, которые посылались на три года; но и этот срок могли прослужить не иначе, как когда нравились народу, то есть были действительно хорошими правителями. Если губернатор был особенно хорош, то народ имел право просить о назначении его на следующее трехлетие, и просьба его уважалась. Кроме губернатора, другие чиновники избирались из местного населения. В те времена всякий имел свободный доступ прямо к императору, хотел ли обжаловать что, или предложить меру, полезную для блага государства. У императорского дворца висел барабан: кто желал видеть императора и говорить с ним, тот докладывал сам о себе ударами в барабан, и был тотчас принимаем. То были действительно хорошие времена жизни японского народа, и недаром японские историки с любовью останавливаются на них. В доказательство того, как счастлив был тогда народ, и как мирно и беспрепятственно наслаждался он благами жизни, рассказывают, что часто барабан сгнивал прежде, чем кто-либо имел надобность пользоваться им, или что птицы мирно вили в нем свои гнезда и выводили птенцов.

Когда с упадком центральной власти начались междоусобные войны сначала приближенных императора между собою, потом императоров с сёгунами, сёгунов с удельными князьями и последних между собою, — свобода народного духа не только не была стеснена, и не только не было поводов к тому, но напротив — многое служило к возвышению народного самосознания. В начале междоусобиц не было постоянных войск, причем, очевидно, преобладание в борьбе мог получить только тот, кого любил народ, и за кого он сознательно стоял. Охлаждение народной любви к императорам за их бездеятельность и допущение разладицы в государстве было причиною и возникновения сёгунства. Затем, ни сёгуны, ни удельные князья никогда не имели поводов угнетать именно народ; если они дрались, то дрались между собою и угнетали друг друга, причем

должны были наблюдать крайнюю осторожность, чтобы находящийся под их властью народ как можно менее чувствовал невзгоды военного положения и находил полное вознаграждение их или в крепком охранении своих пределов и внутренней тишине, или в контрибуциях с неприятеля, или, по крайней мере, в военной славе. Горе было тому, кто хотя временно забывался до тирании над своими собственными подданными; судьба его была скоро решаемая: народ бросал его и переходил к противнику, или даже сам казнил.

У европейских писателей общее понятие о сёогунстве то, что это был восточный деспот, пред которым все склонялось и молчало. Заимствуя подобие от замка, в котором жил сёогун, за тремя стенами и тремя рвами, и от любимого японского символа, — скажем, что действительно это был страшный, в три кольца свернувшийся дракон, крепко державший в своих железных когтях... Но — кого? Удельных князей, этих надоевших народу нарушителей государственного покоя, беспокойную вольницу, готовую драться и терзать соседа из-за всякого ничтожного повода, или и без всяких поводов, ради славолубия, или жажды приобретений. Все князья, наконец, и собраны, и размещены были вокруг сёогуна, и взор его вечно наблюдал за малейшими движениями, даже за мыслями их. Слово «омецке»¹⁵², как назывались сёогунские прокуроры (в переводе: «почтенный наблюдающий глаз»), буквально и выражает это понятие. Этих «омецке», тайных и явных, было бесчисленное множество. Они наблюдали и за народом также. Но что было предметом их наблюдения, и что старались предупредить они? Со стороны собственно народа одно — государственную крамолу; со стороны же поставленных над народом, начиная от удельных князей до последнего чиновника, — государственную крамолу и злоупотребление властью. Оттого-то сёогунство, несмотря на то, что оно было весьма не по вкусу удельным князьям, и стояло так долго. Для князей это была власть обуздывающая и строгая, для народа же — крепко охраняющая его безопасность, тишину и привилегии.

Никогда не было в Японии ни крестьянского состояния, ни личного рабства. Земли в удельных княжествах считались принадлежащими князьям, но далеко не в том смысле, как, например, землевладельцам в Англии, где, несмотря на то, что англичане пред всем светом гордятся своею свободою, и ныне водится так, что сегодня фермер живет счастливо, а завтра, только потому, что землевладелец встал с постели левою ногою, идет по миру. В Японии удельный князь не мог так жестоко поступать с народом, живущим на его земле. Вообще, какие бы то ни были притеснения со стороны князей были почти невозможны. Если они иногда проявлялись, то тотчас же останавливаемы были сёогунскою властью; если же они на время и ускользали от сёогунского взгляда, то всегда находился между притесненными смельчак, который доходил до сёогуна и приносил жалобу; ему обыкновенно не проходило это даром, — чтоб не поощрялось ябедничество и неповиновение; но дело во всяком случае тотчас же строго исследовалось, и виновный князь лишался владений. Вообще, японский народ никогда не был восточным народом, в смысле безмолвного раба, с которым можно делать что угодно.

Что касается до внешних исторических обстоятельств, то они еще более способствовали выработке самостоятельности народного духа, мужества и национальной гордости японцев. В VII столетии до Р.Х., первый японский император Дзинму, занимавший со своим тогда еще немногочисленным народом провинцию Хиунга на острове Киу-Сиу решил отвоевать у аборигенов страны, предков нынешних айнов, более обширную и удобную для разраставшегося племени местность, именно — средину острова Ниппона. Первая попытка его была неудачна (этого японская история и не скрывает): Дзинму был разбит и прогнан обратно в Киу-Сиу. Но это была единственная неудача

Дзинму, и единственное поражение японцев внешними врагами во все время их существования. Скоро Дзинму оправился и, вернувшись с новым запасом военных сил и военной опытностью, утвердился в Ниппоне, в нынешней провинции Ямато, оттеснив айнов к северу. Долго еще айны служили для японцев осёлком, на котором последние точили свое воинское мужество, пока, наконец, совершенно ослабели, рассеялись по северным от Ниппона островам и почти выродились, наподобие того, как вырождаются аборигены Америки под влиянием более сильного племени пришельцев. Нужно заметить при этом, что японцы обращались с побежденными ими айнами, особенно в древние времена, очень гуманно: не старались обратить их в униженное племя рабов, что сплошь и рядом бывает у восточных народов с побежденными; напротив, старались уравнивать их в правах с собою и привить им свое образование, что, однако, никогда не удавалось.

Во II столетии по Р.Х. предприимчивая японская императрица Дзингу нашла другого внешнего врага, для упражнения и воспитания воинской храбрости своего народа, — корейцы, которые при первом же столкновении и были побеждены и стали покорно платить дань Японии. Если с течением времени эта дань прекращалась (как не было ее и в новейшие времена), то не потому, чтобы корейцы отвоевывали свою независимость, а в силу того, что японцы, занятые своими внутренними междоусобиями, не имели досуга возиться с корейцами, или по политическим соображениям находили то ненужным.

Проведывались японцы и с китайцами, даже с индийцами, и история нигде не отметила какого-либо позорного поражения их. В нынешнем Сиаме есть река, и по сие время называемая «Японскою» и напоминающая своим именем, что воды и берега ее были свидетелями предприимчивости японцев. Во время сёогунства фамилии Асикага, в XIV и XV столетиях, Китайские императоры немало написали любезных писем и переслали подарков правителям Японии, прося их обуздывать предприимчивость своих подданных, постоянно беспокоивших своими набегами китайские берега. А гениальный Хидеёси, в XVI столетии, предпринял даже завоевание Китая, и если бы старость не одолевала его в то время, то, несомненно, произошло бы нечто еще более лестное для японцев, чем одно разбитие японцами наголову всех китайских армий, высланных в Корею для заграждения им пути.

Даже от нашествия монголов, после того как они, овладев Китаем, соорудили огромный флот и решили завоевать Японию, — японцы отделались весьма счастливо для своего национального самолюбия: они твердо держали себя при предварительных дипломатических сношениях и приготовились к отчаянной борьбе. Но морская буря заступилась за Японцев и разбила у берегов Киу-Сиу весь монгольский флот, прежде чем он мог нанести какой-либо вред японцам. И им оставалось только праздновать победу.

Словом, история японского народа не знает поражений; национальный дух японцев не ослаблен никакими внешними несчастиями, никаким унижением перед внешним врагом. И потому, что удивительного, если они до последнего времени смотрели на себя как на самый великий народ в мире, и с пренебрежением относились ко всем другим народам и царствам!

Однако, это далеко не было тем глупым самодовольством и неисправимым самомнением, которое для многих других народов делалось и делается источником великих народных бедствий и унижения. Достаточно было в 1867 году нескольких удачных выстрелов с английских кораблей, не по японскому национальному флагу, а по прибрежным батареям и судам двух удельных князей, Нагато и Сацума, чтобы весь японский народ встрепенулся. Осмотревшись, японцы увидели и тотчас сознали, что они в военном деле до того отстали от некоторых других народов, что весьма легко могут быть

побиты, могут потерять многое. Эту ясностью взгляда и трезвостью сознания японский народ обязан тому, что он при многих других хороших качествах, исторически приобретенных, обладает еще качеством замечательного умственного развития.

В самом деле, если еще для самих японских ученых составляет спорный вопрос — была ли в Японии письменность до знакомства с Китаем, то выше всякого сомнения то, что, по завоевании Кореи и приобретении чрез нее знакомства с Китаем, японцы немедленно заимствовали от него, чрез посредство Кореи, весь буддийский канон, состоящий из 8-ми тысяч томов, и всех китайских классиков с обширнейшею литературою их комментаторов. Буддизм и конфуцианизм разлились по Японии с быстротою и легкостью вод во время разлива.

Но не умерло и национальное учение — синтуизм: оно нейтрализовало почву для самостоятельных умов Японии, которые, без злобы и зависти видя разлив по стране иностранных учений, нашли возможным отстоять против них и свои убеждения, показав чрез то, что иностранные учения не безусловно хороши и не вполне удовлетворяют японскому духу. В самом деле, Синту именно оказал великую услугу Японии тем, что он не дал слиться буддизму и конфуцианизму с японским духом, ассимилировать его себе, и чрез то обратить японцев в апатичных индийцев, или вялых и сонных китайцев. Синтуизм нашел ахиллесову пяту у иностранных учений и не переставал поражать их; а японцы — буддисты ли то, или конфуцианисты, смотря на это, никогда не переставали сознавать себя японцами; выражаясь синтуистическим языком, «Ямато тамасии» (японская душа) никогда не умирала в них. Таким образом и вышло, что они, пользуясь всем хорошим, что только могли извлечь из буддизма и конфуцианизма, никогда не теряли свежести своего духа и готовности тотчас же воспользоваться и другим, если представится что лучшее. Эта свежесть и бодрость достаточно свидетельствуется тем дроблением буддизма на секты, которые породились в Японии, или чисто из буддизма, или с примесью конфуцианизма и синтуизма. Однако, нужно иметь в виду, что буддизм — самая глубокая из языческих религий, и конфуцианизм — высшая из языческих нравственных философий. Многими прекрасными нравственными качествами, конечно, японцы обязаны этим двум своим педагогам (например, нерасположением к рабству и неимением его в стране обязаны учению буддизма о равенстве и братстве всех людей; чертою великодушия, весьма свойственною японцам, мягкостью и вежливостью — конфуцианизму), еще более они обязаны им своим умственным развитием.

Синтуизм, подражая своим соперникам, также развил огромную литературу, и породил немало национальных философов-скептиков, по глубине и силе мысли едва ли чем уступающих новейшим европейским отрицателям.

Вместе с конфуцианизмом перешли в Японию и китайские исторические творения, научившие японцев писать свою собственную историю и мало-помалу создать обширную историческую литературу. Потребность легкого чтения также еще в древние времена породила беллетристику; под влиянием последующих исторических событий вкус народа особенно развился к чтению военно-исторических романов, которых и родилось и рождается по сие время бесчисленное множество; военно-исторические же события по преимуществу овладели и театральною сценою, весьма любимую в Японии. Вся многообразная и обильная китайско-японская литература свободно и легко обращалась в народе при помощи бесчисленного множества библиотек для чтения, в которые, впрочем, народу никогда не нужно было и ходить, так как книги из них беспрестанно разносятся по всем улицам и домам и даются для прочтения за самую ничтожную плату.

Нужно заметить при этом, что японский народ, как ни трудно изучать китайские

иероглифы, почти весь поголовно грамотный и очень любящий читать. Правительство никогда не озабочивало себя много народным образованием, рекомендуя лишь его и имея разве на своем непосредственном попечении самые высшие учебные заведения. Но, имея полную свободу самообразования, японский народ всегда вполне охотно и вполне разумно пользовался ею: не было ни одной деревни, мало-мальски людной, где не находилось бы школы.

И так, будет ли странностью, если мы скажем, что японский народ — весьма развитый народ, в массе не уступающий по развитию самым образованным народам земного шара? Конечно, читающий европеец всегда мог найти для чтения такую умную книгу, каких до последнего времени не было в Японии; но за то читающий и не столь умные книги японец, несомненно, стоит гораздо выше по уровню образования и развития, чем нечитающий европеец, — японец же, как мы сказали выше, почти всякий читает. Вообще, Япония в этом отношении похожа на Америку, где если наука не достигает такой глубины и высоты, как в наиболее образованных государствах Европы, зато распространена шире, чем где-либо в Европе.

Свобода и самостоятельность японского народного духа, японская национальная гордость, значительный уровень умственного развития и вместе свежесть и бодрость народа — служат двигателями современного прогресса Японии, столь изумительного для всех, наблюдающих его. Целые века японцы, убаюкиваемые своими национальными учениями, дремали в сладком сознании, что они — первая нация в мире, потомки небесных богов, что другие народы — варвары, стоящие вне попечений богов и проч. Велико было удивление их и крайне неприятен укол для их самолюбия, когда с открытием страны для иностранцев и, особенно, с того времени, как сами стали посещать иностранные земли, они увидели, что они совсем не единственная почтенная нация в мире, что есть много других весьма почтенных наций, и что те, кого они считали варварами, напротив, далеко их превосходят умственным и политическим развитием. Но не слепы были японцы, чтобы стать упорствовать в отрицании этой столь очевидной истины, — не вялы, чтобы терять время в бесплодном унынии. Они, так сказать, быстро переместили центр тяжести своей национальной гордости, поставив отныне для себя лестною задачею — возможно скорее догнать опередившие их народы, — и вот — столько наделали в продолжение 20 лет, что в истории других народов едва ли найдутся достойные параллели.

Укажем несколько примеров того, что именно сделано ими в это время.

Историческая необходимость прежних веков породила в Японии довольно сложную и трудную систему государственного устройства. Был микадо, не духовный император, как думали европейцы, а просто император, только неблагоразумно упустивший из своих рук управление войском, и потому потерявший власть; был сёгун, не светский император, а главнокомандующий императорских войск, посредством их державший Японию в своей власти; было около 300 удельных князей, полунеограниченных властителей, каждый в своем княжестве. Лишь только японцы с открытием страны для иностранцев получили возможность сопоставить свои порядки с иностранными, они увидели все неудобство и всю несовременность их, — и государство, менее чем в десяток лет без всяких особенных потрясений получило совершенно другой строй и преобразилось. Удельные князья, конечно вместе с дворянством и народом, сказали сёгуну: «возврати власть императору и стань в ряды простых князей, потому что ты по роду и действительным правам не более, как такой же князь, как и мы». Произошло несколько небольших сражений (в 1868 году), — и сёгунства, этого шестивекового учреждения, не стало.

Непосредственно вслед за этим, дворянство вместе с народом сказало князьям: «возвратите и вы вашу власть и владения императору, и довольствуйтесь тою пенсиею, которую император даст вам в награду за государственные заслуги ваших предков». Несколько больших князей, одушевленных благородным патриотизмом, подали пример самоотвержения, возвратив свои владения императору; другие, хоть бы кто в душе и не желал того, не могли не последовать их примеру, — удельная система, всегда так трудно уничтожимая, без одной капли крови и без малейшего государственного замешательства отошла в ряд явлений, конечно, навсегда минувших для Японии: князья составили по названию аристократию страны (квазоку)¹⁵³ с довольно значительными ежегодными пенсиями сообразно с размерами их бывших ленов, но во всех других правах они сравнены с народом.

Теперь народ говорит дворянству, то есть бывшему военному сословию, состоявшему целиком на содержании сёгуна и князей, и до сих пор получающему на свое содержание от государства: «вы по какой причине даром едите государственный хлеб? служите, — тогда государство будет платить вам; а не хотите или неспособны служить, — пропитывайте себя земледелием, торговлею, ремеслами». И вот в настоящее время производится погашение дворянских пенсий единовременными выдачами из государственной казны каждому некоторой суммы, сообразно с бывшею пенсиею.

Говорим: народ. Конечно, руководственную нить государственных преобразований имеет в своих руках император и его министры; но разве возможны такие коренные реформы без согласия народа? Притом же, правительство в Японии касательно государственных реформ действительно спрашивает мнение народа чрез губернаторов провинций, предписывая им предлагать народу выбирать из себя умных людей и в определенные сроки присылать их в губернские города для составления губернских комитетов по разным государственным делам, причем определения комитетов, если они достаточно основательны, просмотренные государственным советом и утвержденные государем, обращаются в закон. Этот способ привлечения всего народа к участию в правлении — тоже плод современных реформ; это своего рода парламентаризм, новый и оригинальный, потому что японцы не заимствуют заграничных порядков зря, а по соображении последних с нуждами своей страны вводят у себя то, что прямо соответствует состоянию ее.

Система народного образования улучшена и возвышена. И прежде в Японии было множество школ; теперь она буквально покрыта сетью низших, средних и высших учебных заведений, с обдуманно составленными программами, причем приняты во внимание лучшие педагогические системы Европы и Америки. В школах, конечно, преподаются, кроме японского и китайского языков, японской и китайской истории и географии, те же науки, какие преподаются в соответственных европейских и американских школах. Вновь составлено и переведено, и непрерывно составляется и переводится, как министерством народного просвещения, так и частными лицами, множество учебников, учебных пособий и ученых сочинений по всем отраслям науки; при переводах делается выбор, и на японском языке является лучшее из всего, что представляет европейская и американская педагогическая и ученая литература. В университете и во всех специальных учебных заведениях, как то: в военной, морской и медицинской академиях, в инженерном институте, земледельческом училище и других, преподаватели почти исключительно иностранцы; причем нужно заметить, что японское правительство для каждой отрасли знаний приглашает преподавателей из той страны, которая именно этою отраслью особенно славится: так, морскому и инженерному делу в

Японии учат англичане, земледелию, садоводству и скотоводству — американцы, военному-сухопутному делу — французы, медицине — немцы, живописи — итальянцы. Нужно заметить еще и то, что японское правительство старается везде приглашать лучших учителей, не щадит высокой платы за их труд; но уже требует, чтобы они действительно трудились и были полезны, — и малейшее небрежение со стороны их в исполнении своих обязанностей влечет за собою увольнение от службы, хотя бы с платою того, что следует по контракту за невыслуженный срок.

Военное и морское искусства, двадцать лет назад и несуществовавшие здесь в европейском смысле, теперь — совершенно в том же виде, как в Европе. Сухопутное войско одето, обучено и вооружено по-европейски; о преуспевании в морском деле достаточно свидетельствует то, что еще в прошлом году европейские моря видели японский флаг, развевавшийся на военном корвете, где капитан и весь экипаж были одни японцы; искусство в морском судостроении доведено до того, что японцы теперь сами, без всякого участия иностранцев, строят военные пароходы, в которых все до последнего гвоздя чисто-японского производства.

Об усовершенствовании японской промышленности свидетельствует то, что в Японии уже есть превосходные, снабженные паровыми машинами, фабрики и заводы: прядильные, писчебумажные, мыловаренные, стеклянные, спичечные; производится по новым усовершенствованным методам разработка руд, нефтяных источников, каменного угля, которым, между прочим, снабжается и наш Владивосток.

Об изощрении в заграничной торговле достаточно говорит то, что скоро иностранным купцам в Японии совсем нечего будет делать: для возможно-выгодного сбыта своих произведений за границу и получения из-за границы потребного в Японии, японские торговые дома начинают всюду расставлять своих собственных агентов-японцев, через которых и производятся торговые операции, без посредства иностранцев. Недостает им пока торгового флота для услуг своей заграничной торговли, но и он, конечно, не замедлит явиться.

Законы страны пересмотрены и приведены в лучший, чем прежде, вид. Попытки отменены; уголовные наказания смягчены; смертная казнь оставлена только за смертоубийство; но и она в непродолжительном времени будет отменена: в настоящее время правительство озабочено, между прочим, изысканием мест для ссылки тяжких преступников и способов занять их работами.

Свобода и живость японского народного духа выражаются и вместе еще более изощряются текущею прессою страны. Газеты сыплются дождем, и в них весьма свободно пишется и обсуждается все, о чем кому угодно писать и рассуждать. Изредка разве иному редактору за неуместно-едкие и неблагоприятные нападки на правительство приходится заплатить штраф или просидеть несколько месяцев в заточении.

Любовь народа к свободе и решимость правительства поощрять ее выражаются и в том, что в Японии заграничным миссионерам всех исповеданий и толков позволяется свободно совершать свое богослужение, проповедывать и заводить школы. Еще не издано указа о свободе вероисповеданий, так как для некоторых внутренних провинций это было бы рановременно, — народ, приверженный к буддизму, мог бы произвести волнения; но секретно предписано всем губернаторам — за христианство никого не преследовать, и на случающиеся жалобы ревнителей старых учений правительственным лицам так и отвечается: «всякий волен проповедывать, что ему угодно, лишь бы не вредное для государства, и на проповедь нет другого оружия, кроме проповеди, — учите и вы и опровергайте христиан».

Все, что делается в Японии, более чем всякое другое государство, должно интересоваться Россию, как непосредственную соседку ее на крайнем Востоке. Оба государства — молодые, полные свежих сил и надежд на долгую историческую жизнь. Притом же, оба — совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрестных дорогах и не мешать одно другому.

Япония — морская держава, это — Англия будущего. Многочисленность ее народонаселения при тесноте территории и живая предприимчивость народа предвещают в весьма близком будущем широкое развитие ее мануфактур и ее внешней промышленности, причем и в торговых интересах и, по всей вероятности, в необходимости кое-каких территориальных приобретений на морях, как для нужд своих флотов, так и для колонизации, она не замедлит столкнуться с Англией и другими государствами, сильными на морях.

Россия, напротив, континентальная держава, не имеющая ни морской торговли, ни колоний. В будущем ей предстоит такой долгий и такой многоплодный труд над разработкою ее собственных богатств и над развитием внутренней промышленности, что на многие века не предвидится возможности для России искать себе дела и вместе насущного хлеба, подобно Англии, преимущественно в заграничной торговле и в развитии колоний. Избытки ее внутренних богатств, конечно, станут литься за границу, равно как из-за границы не перестанет поступать то, в чем она сама нуждается. Но это не будет главною задачею ее исторической жизни, это будет то, в чем Япония же может приносить ей существенную пользу, равно как и сама получать выгоду от того. Словом, положение обоих государств такое, что им, по-видимому, в будущем предстоит только приязнь, дружба и взаимные услуги.

Однако, отношения России к нынешней Англии не такие же ли? От торговых сношений оба государства получают взаимные выгоды; на дороге друг другу не стоят. Казалось бы, как не быть им в самых лучших дружеских отношениях? И между тем, химерические опасения Англии, будто Россия угрожает ее Индийским владениям, и вечное недоверие к России, словом, воображаемые, чисто-духовные причины производят действительное охлаждение между двумя народами, готовое перейти и, вероятно, имеющее перейти в смертельную борьбу, так как англичане и действительно натолковали русским, — не имевшим сначала ни мысли о том, — что они должны освободить Индию от английского гнета, так что в сознании русских это сделалось как бы историческою задачею их.

Какое зло сделали русские и Австрии? Не всегда ли, напротив, помогали ей и спасали ее в трудные години, а об освобождении славян из-под ига австрияков никогда прежде не думали? И между тем вечное разъединение в области духа католической Австрии и православной России произвело то, что неблагодарная и недоверчивая Австрия возбудила действительную антипатию русских, имеющую, вероятно, также окончиться подвигом со стороны их к действительному освобождению славян.

В той же самой Японии можно наблюдать следующее явление: англичане служат японцам более всякой другой нации — и науками, и торговлею, но, однако, симпатиями японского народа не пользуются.

Все это, конечно, потому, что жизнь человеческая — по преимуществу жизнь духа, и только в области духовной могут быть связаны и отдельные люди, и целые народы истинно-прочною связью. В этом отношении духовная миссия, преследующая и обязанная преследовать только духовные, никак не мирские цели, имеет, тем не менее, и важное

политическое значение.

Счастлива будет Япония, если она, помимо католичества и протестантства, прямо примет истинное христианство. Избежит она и папского гнета и вмешательства в государственные дела ее, избежит и протестантского дробления и вновь религиозного разложения наподобие того, какое она переживает ныне. Только истинное, неиспорченное людьми, Христово учение, по мере того, как оно проникает в умы, сердца и жизнь людей, дает прочную, непоколебимую основу и государственной стойкости, и благосостоянию.

Желательно и для России, чтобы соседка ее сделалась единой верою ей. Это несомненно закрепит самую прочную связь между двумя народами, и даст им возможность многие и многие века идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга.

Японцы, кажется, и обнаруживают склонность именно к православию. Не нравится им, и не может нравиться такому развитому и пытливому народу, гнет католичества, которое, проповедуя христианство, не позволяет читать в подлиннике учение Христа, уже этим одним возбуждая недоверие и сомнение в подлинности проповедуемого. Весьма характерно выражается отношение японцев к католичеству следующим обстоятельством: католические миссионеры, как ни старались, не могли завести в Японии своей семинарии; лишь только соберут учеников, оградят их строгими правилами и по-видимому самыми надежными преградами к сношению с внешним миром, — луч света, тем не менее, не замедлит проникнуть в школу, и ученики разбежатся, — так что, наконец, миссионеры придумали основать японскую семинарию в Китае, в Фучау, куда возможно скорее и отсылают молодых своих прозелитов по приобретении их, и откуда, без сомнения, невозможно убежать.

Не нравится японцам и протестантство. Они изнурены и своею собственною религиозною неурядицею и пустотою, и протестантство, давая лишь Библию в руки, но предоставляя каждому понимать ее как угодно, то есть то же, что и в язычестве, оставляя людей в деле религии руководствоваться человеческими воззрениями, а не указывая ясно и определенно Божественной истины, конечно, не может удовлетворить и успокоить их. Характерно для протестантства в Японии то, что лучшие люди из протестантских прозелитов, многие годы бывшие преданными протестантами и проповедниками протестантства, даже терпевшие гонения за него, без всяких посторонних влияний, сами собою, бросают его и делаются злыми врагами и поносителями его и, по невежеству, всего христианства; это значит, что они прошли сквозь узкое и тощее учение и вновь очутились в пустоте, с неудовлетворенною как прежде религиозною жаждою.

Какая разница всего этого с [православием](#), которое все — свет и глубина, которое, давая всем в руки слово Божие, само же словами Писания велит «испытывать Писание», и испытующим и вопрошающим — в Священном Предании дает слышать живой голос вселенской Матери-Церкви, все уясняющий и во всем надежно руководствующий!

Характерно и для православия в Японии то, что православная миссия, всего 8 лет существующая, при двух постоянных за это время миссионерах, без всяких определенных материальных средств, числом христиан уже вдвое сильнее, чем католическая и все протестантские миссии взятые вместе, несмотря на то, католическая и протестантские миссии — более 20-ти лет, как основаны в Японии, что у них сотни миссионеров и миссионерок и неистощимые материальные средства.

По-видимому, недалеко то время, когда для Японии разрешится вопрос, какое вероисповедание будет в ней господствующим. В России когда-то князь Владимир, в виду необыкновенной важности подобного вопроса для России, принял все меры к

наилучшему разрешению его, — сам выслушивал всех разноверных миссионеров, советовался с вельможами, посылал особое посольство за границу для изучения вер и избрания лучшей из всех. Дай Бог, чтобы японское правительство со всею осмотрительностью и мудростью решило этот вопрос для Японии, как в интересах самой истины, так и в видах духовных и вещественных польз своего народа! Вопрос этот — неизмеримой важности. От просвещения Японии христианством будет много зависеть просвещение и других монгольских народов.

Примечания

И.Ф. Крузенштерн (1770—1846) — русский мореплаватель, адмирал (1842), возглавлял первую русскую кругосветную экспедицию (1803—1806). Впервые нанес на карту берега о. Сахалин.

В.М. Головнин (1776—1831) — прославленный мореплаватель, исследователь дальневосточных территорий, писатель. Совершил два кругосветных путешествия в 1811—1813 гг. и в 1817— 1819 гг. Находился в плену у японцев на острове Хоккайдо 1811—1813 гг.

П.И. Рикорд (1776—1855) — русский мореплаватель, впоследствии адмирал. В 1817—1822 гг. — начальник Камчатской области. Оставил после себя работу «Записки флота-капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами» Санкт-Петербург, 1816.

И.А. Гошкевич (1814—1875) — стоял у истоков российского японоведения. Первоначально получил китаеведческую подготовку. 1858—1865 гг. возглавлял первое российское консульство в Японии в городе Хакодате. Известен своими исследованиями японского языка. Собрал богатую коллекцию японских рукописей и книг. Один из авторов первого японско-русского словаря (издан в 1857 г.).

Митрополит Иннокентий — в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов (1797—1879), известный миссионер, просветитель народов Сибири и Северной Америки, проповедник, духовный писатель, лингвист. С 1841 г. — епископ Американский и Камчатский. С 1868 г. — митрополит Московский и Коломенский. Составил грамматику и букварь алеутского языка.

Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937) — востоковед широкого профиля, получивший первоначально китаеведческую подготовку, во второй половине своей жизни преимущественно писавший работы по истории Японии, ее внешней политики. Необоснованно репрессирован и расстрелян в 1937 г.

Патриарх Сергей — в миру Иван Николаевич Страгородский (1867—1944). Дважды был сотрудником Русской Духовной Миссии в Японии. С 1917 г. митрополит, с 1925 г. — заместитель патриаршего местоблюстителя, с 1937 г. — местоблюститель Патриаршего Престола, с 1943 г. — Патриарх Московский и всея Руси.

Ито Хиробуми (1841—1909) — неоднократно в период с 1885—1901 гг. был премьер-министром Японии. Основал в 1900 г. партию Сэйюкай.

Дайнихонси — («История великой Японии») — капитальный труд в 243 тома, объединяющий собрание мифов, легенд, полулегендарных историй, хроник. Иси — «Неофициальная история» Токугава Иэясу. Нихонгайси — История сёгуната в Японии, содержащая 22 тома. Шесть томов переведено с японского на русский В.М. Мендриным. См.: В.М. Мендрин. История сёгуната в Японии. Нихон гайси в XXII книгах. Владивосток, 1910.

Сёгунат — система власти сёгунов (военных правителей) Японии, просуществовавшая с 1192 по 1867 гг. При сёгунах императоры были лишены реальной политической власти. Было три династии сёгунов: Минамото (1192—1333), Асикага (1335—1573), Токугава (1603—1867).

Микадо — существовавший с древних времен в Японии термин, означавший верховного правителя, на русский язык переводится как «император», но на разных этапах японской истории имел несколько различное содержание — верховный правитель, царь, император.

Печатается по тексту журнала «Русский вестник» за 1869 г., № 9, с. 219—264. Здесь и далее пронумерованные сноски — примечания составителя.

Архиепископ Николай в вопросе основания государства в Японии следует за официальной историографией этой страны конца XIX века. Древняя история страны тогда излагалась по туманным сказаниям, возводившим основание японского государства к правлению мифического родоначальника правящего рода Дзимму и к 660 г. до Р.Х. На самом деле в этих сказаниях нашли отголоски события седой древности, когда на японские острова пришли племена до конца неустановленного происхождения и в частых и опасных войнах защищали первый племенной союз. Становление же централизованного государства можно отнести лишь к VI-VII векам по Р.Х.

Так архиепископ Николай транскрибировал слово «синто», букв. — «путь богов». В VII-VIII веках как канонические тексты религии синто созданы сборники исторических мифов, легенд и сказаний «Кодзики» («Запись о делах древности») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»).

В современной транскрипции «сёгун» (сокращенное название от «сэйи тайсёгун», дословно «великий полководец, покоряющий варваров»). Сначала присваивалось как воинское звание командующим войсками, посылаемыми из древней столицы Японии Киото (Хэйан) для покорения туземного населения северо-восточной части острова Хонсю. С переходом власти от императора к главе дома Минамото в 1192 г. звание сёгун было присвоено главе нового военного правительства (бакуфу) Минамото Ёритомо. С тех пор сёгунами называли правивших страной от имени императора военных правителей Японии. Сначала (1192—1333) это были правители из династии Минамото, затем (1335—1573) Асикага и, наконец, Токугава (1603—1867).

Ёритомо Минамото (1147—1199) — первый сёгун из дома Минамото, получивший власть в 1192 г. и открывший в Японии новую эру сёгунатов, или военных правительств.

Ёсицунэ (1159—1189) — младший брат Ёритомо Минамото, прославляемый в песнях воин и любимец народа. Был вынужден убить жену, детей и себя, т.к. Ёритомо хотел убить его из ревности.

Кусуноки Масасигэ (1294—1336) — феодал, который вместе с другими феодалом Ёсисада Нитта возглавил заговор на стороне императора Годайго против сёгуната. Заговор закончился неудачей для трона, но Кусуноки Масасигэ был в дальнейшем признан образцом верноподданного самоотречения, в его честь был воздвигнут синтоистский храм. В Японии многим известны приписываемые ему слова о том, что «погибший за императора возродиться семь раз и будет всегда разить врагов священного трона».

Эдо — название города Токио до 1868 г., место императорской резиденции.

Мияко — столица. Так часто называют г. Киото.

Тайра Киёмори (1118—1181), глава знатного рода Тайра, принесший ему наибольшую славу, при нем влияние дома Тайра распространялось почти на все государство Японии. Тайра были разбиты уже после смерти Киёмори домом Минамото в 1185 г. в битве при Данноура.

Асикага Такаудзи — с 1338—1358 гг. сёгун второго в истории Японии сёгуната Асикага, или Муромати.

Архиепископ Николай имеет ввиду события после появления у берегов Японии иностранных кораблей в середине 50-х годов XIX века и открытия страны.

Здесь архиепископ Николай также придерживается системы летосчисления официальной японской историографии, ведущей начало государственности от 660 г. до н.э.

Русское правительство в 1803 г. отправило официальное посольство в Японию во главе с Н.П. Резановым, который, не согласовав свои действия с Петербургом, решил продемонстрировать японцам военную силу и распорядился направить на Сахалин и Курилы фрегат «Юнона» под командованием лейтенанта Н.А. Хвостова и тендер «Авось», командиром которого был мичман Г.И. Давыдов. В результате этого похода были уничтожены несколько японских факторий. Александр I наказал Хвостова и Давыдова за их самоуправство.

Остров Кюсю.

Идзанаги и Идзанами — в современной транскрипции. Японская мифология приписывает им создание Земли в нынешнем ее виде со всеми обитающими на ней тварями, не исключая и человека.

В современной транскрипции Аматэрасу-оомиками — богиня солнца.

В современной транскрипции Сусано — бог луны.

По некоторым версиям Сусано был изгнан советом богов за свои проступки в Корею.

Ниниги-но микото — по японской мифологии является предком «тэнсон», буквально «потомков неба». Этим эпитетом обозначается то племя, которое принято считать подлинным ядром японской нации.

Сарута-хико — синтоистское божество, также называемое «Сада-бико оцути-но ками» — возглавлял авангард эскорта Ниниги-но микото, когда тот спускался на землю.

В современной транскрипции Хюга — находится в префектура Миядзаки на востоке острова Кюсю.

В современной транскрипции Хоносусо и Хоходеми

В современной транскрипции — Фукиавасэду.

В современной транскрипции — Дзимму.

Один из титулов японских верховных правителей, употребляемый в основном иностранцами, японцы называют «тэнси» или «тэнно».

Название Японии на японском языке.

Хатиман — в современной транскрипции — имя, под которым почитается император Оодзин (201—312) как божество клана Минамото.

В современной транскрипции Оодзин.

Мифическая императрица Дзингу или Дзинго-кого (170—269).

Древний японский род, составлявший высший слой феодальной аристократии. Политически возвысился в VII веке, правление дома Фудзивара продолжалось до 1184 года. Фактически он потерял реальную власть уже в сер. XI века.

Первая династия (1192—1333) сёгунов — военно-феодалных правителей средневековой Японии.

влиятельный феодальный дом в Японии в X-XI веках.

Тоётоми Хидэёси (1536—1598) — феодальный диктатор, правитель Японии (1582—1598), завершивший объединение страны.

Скорее всего имеется ввиду император Сутоку (119—1164).

Ин-эн, или иннэн — в буддизме ин — прямая первопричина, нэн — косвенное условие, связанное с первопричиной, а также результаты, порожденные этой взаимосвязью.

Одно из имен, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 до н.э.), т.к. он происходил, по преданию, из царского рода племени шакьев в Сев. Индии. Шакьямуни означает «отшельник из шакьев».

В современной транскрипции «дзэнсю». Дзэн — одно из течений дальневосточного буддизма, в Японии появился в XII-XIII вв., оказал и оказывает серьёзное влияние на культуру и идеологию страны.

В современной транскрипции — «дзадзэн».

В современной транскрипции — монтосю, или секта Икко. В основе ее деятельности лежало учение школы Дзёдо синсю (чистой земли), созданной монахом Синран еще в XII веке. С конца XV века эта секта добилась исключительного влияния и охватила около половины последователей буддизма.

Третья династия сёгунов (1603—1867). Основана Токугава Иэясу (1542—1616)

Ода Нобунага (1534—1582) — наряду с Тоётоми Хидэёси боролся за объединение Японии.

В современной транскрипции Хоккэсю: (по названию символа веры «Сутре Лотоса»)

В современном написании «Наму мёхо рэнгэ кё» («О, Сутра Цветка Лотоса Дивного Закона») — буддийская [молитва](#).

Выдающийся проповедник школы Дзёдо (Чистой земли).

В современном написании ботхисатва Каннон — буддистская тысячерукая Каннон-богиня милосердия.

В современной транскрипции Хонэн (1133—1212) — наряду с Синран выдающийся проповедник амидаизма в Японии. Около 1175 г. Хонэн основал буддийскую школу Чистой земли (дзёдою).

В современной транскрипции «нэмбуцу».

В современной транскрипции «мё-хо-рэн-гё-кё», см. примечание 44.

Или конфуцианство.

Конфуцианец, конфуцианский ученый.

Первый свод японских исторических мифов и легенд (712).

В современном написании Франциск Ксавье (1506—1552).

Игнатий Лайола (1491?—1556). Испанский дворянин, основатель ордена иезуитов. Канонизирован католической церковью (1622).

Вторая династия военно-феодалных правителей средневековой Японии (1335—1573).

В современной транскрипции — канрё-звание советника при сёгунах Асикага.

Кортес Эриан (1485—1547) — испанский конкистадор. Писарро Франсиско (1470?—1541) — испанский конкистадор. Разграбил и уничтожил государства инков Тауантинсуйу.

Токугава Иэясу (1542—1616) — основатель сёгуната Токугава, вывел страну из бесконечных междоусобных войн и объединил ее под своим началом.

Токугава Иэмицу (1604—1651) — третий сёгун из дома Токугава, внук Иэясу, при нём могущество сёгуната достигло своего апогея.

Граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1809—1881) — государственный деятель и дипломат, почетный член Петербургской Академии наук. В 1847—1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири.

В современном написании Йокогама.

Тайкун — устаревшее слово для обозначения сёгуна.

В современном написании синсю — буддийская секта Син.

В современном написании дайкан — правительственный наместник в эпоху сёгуната Токугава.

В современной транскрипции Хигасикудзэ Мититоми (1833—1912).

В современной транскрипции дзясю — иноверие, ересь, название христианства в эпоху Токугава.

В современной транскрипции Хидзэн — провинция на острове Кюсю.

Княжество на острове Кюсю.

В современной транскрипции Тёсю — княжество в провинции Нагато (юг о. Хонсю).

Княжество на о. Сикоку.

В современном написании *Айдзу* — князь одной из областей провинции *Ивасиро* (север о. *Хонсю*).

В современном написании Сэндай — князь, владевший городом Сэндай на севере о. Хонсю.

В современном написании Ёнэдзава — князь, владевший южной частью префектуры Ямагата.

В современном написании Сёнай — князь, владевший территорией в северо-западной части современной префектуры Ямагата.

Архиепископ Николай не совсем точно воспроизводит это имя. На самом деле это Эномото Такэаки (1836—1908).

В современном написании Мацумаэ — князь южной части о. Хоккайдо.

В современной транскрипции Эдзо — до 1868 г. название о. Хоккайдо.

Это резкое суждение о молодом императоре Японии архиепископ Николай составил на основе не всегда точных и добросовестных сообщений европейцев. В дальнейшем он совершенно изменил свое мнение о правящей династии. Архиепископ несколько раз лично встречался с императором Мэйдзи, был переводчиком при высочайших аудиенциях, помогал уладить отношения между Россией и Японией после злодейского покушения на наследника российского престола цесаревича Николая в 1891 г. в Оцу. 5 мая (22 апреля по ст. стилю) 1901 г. архиепископ Николай записал в своем дневнике: «После Литургии был благодарственный молебен по случаю рождения сына у Наследника японского престола. Предварительно я сказал несколько слов о том, что Бог хранит Японского государство, современные которому древние государства давно погибли, — хранит за добрые качества у японского народа, любезные Богу, хотя еще не знакомому японцам; что добром своим японский народ много обязан руководящей его Императорской династии — потому должен молиться за нее..» (Дневники святого Николая Японского: в 5 т. Сост. К. Накамура. Т. 4. СПб.: Гиперион, 2004. С. 445). В феврале 1912 г., когда архиепископ Николай скончался, император Мэйдзи, прислал венок к его гробу, почеть, которой редко удостоивался какой-нибудь другой иностранец в Японии.

Печатается по тексту журнала «Русский вестник», 1869 г., № И, с. 207—227; № 12, с. 416—460.

Энгельберт Кемпфер (1651—1716) — врач при голландской фактории, немец по национальности. В конце XVII в. жил на острове Дэдзима, по возвращении на родину написал «Историю Японии», ставшую на долгое время источником сведений о Японии в Европе.

Филипп Франц фон Зибольд (1796—1866) — немецкий медик и натуралист. В 1823—1830 гг. работал врачом в голландском торговом предствительстве на острове Дэдзима. Автор переведенной на русский язык книги «Путешествие по Японии, или описание Японской империи в физическом, географическом отношении Ф. Зибольда...». СПб., 1854. Т. 1—3.

Рутерфорд Алькок (1809—1897) — в 1859—1865 гг. был первым посланником Великобритании в Японии.

Рудольф Линдау (1829—1910) — в 1860—1869 гг. германский консул в г. Иокогама.

Готцен — сведений о нем разыскать не удалось.

В современной транскрипции Нихонгайси

В современной транскрипции Минамото Ёритомо (1147—1199).

Император Госиракава (1127—1192).

В современной транскрипции Тайра.

Император Сутоку (1119—1164).

В современной транскрипции Минамото Ёситомо (1123—1160).

В современной транскрипции Ходзё.

Император Готоба (1180—1239)

В современной транскрипции Ходзё Ёситоки (1163—1224)

Император Годайго (1288—1339).

Император Мориёси, или Морианага (1308—1335).

В современной транскрипции Нитта Ёсида (1301—1338).

Император Гомураками (1328—1368).

Кусуноки Масацура (1326—1348).

В современной транскрипции кампаку

В современной транскрипции тэнси.

В современной транскрипции тэй.

В современной транскрипции Ямана Мотитоё.

В современной транскрипции Асикага Ёсимаса (1436—1490).

В современной транскрипции Канхасю.

В современной транскрипции Татихи.

В современной транскрипции Оути.

В современной транскрипции Такэда Сингэн (1521—1573).

В современной транскрипции Этиго.

В современной транскрипции Нагао (Уэсуги) Кэнсин (1530—1578)

В современной транскрипции Имагава Ёсимото (1519—1560).

В современной транскрипции Ода Нобухидэ (1510—1551).

В современной транскрипции Суруга.

В современной транскрипции Тотоми.

В современной транскрипции Сайто Хидэтацу (1494—1556).

В современной транскрипции Асикага Ёситэру (1536—1565).

В современной транскрипции Асикага Ёсицунэ (1358—1408).

В современной транскрипции Асикага Ёсиаки (1537—1597).

Роккаку Ёсиката (1521—1598).

В современной транскрипции Мори Тэрумото (1553—1625).

В современной транскрипции Камму — император (737—806).

В современной транскрипции Акэти Мицухидэ (1528?—1582).

В современной транскрипции Токити.

В современной транскрипции Ода Нобуо, или Нобукацу (1558—1630).

В современной транскрипции Симадзу Ёсихиса (1533—1611).

В современной транскрипции Ходзё Удзимаса (1538—1590).

В настоящее время о-ва Рюкю.

В современной транскрипции Като Киёмаса (1562—1611).

В современной транскрипции Кониси Юкинага (?—1600).

В современной транскрипции Хидэцугу.

В современной транскрипции Тоётоми Хидэёри (1593—1615).

В современной транскрипции Маэда Тисиэ (1538—1599).

В современной транскрипции Укита Хидэиэ (1572—1655).

В современной транскрипции Уэсуги Кагэкацу (1555—1623).

В современной транскрипции төро.

Исида Мицунари (1560—1600)

В современной транскрипции Датэ Масамунэ (1567—1636)

В современной транскрипции Токугава Хидэада (1579—1632).

В современной транскрипции Токугава Иэмицу (1604—1651).

В современной транскрипции Токугава Ёсимунэ (1684—1751).

Печатается по тексту журнала «Древняя и Новая Россия», 1879 г., № 11, с. 219—231.

В современной транскрипции «омэцукэ».

В современной транскрипции кадзоку.

Католические писатели, например Шарльвуа, не стесняются объяснять перемену расположения Хидеёси к христианам следующим образом: «Хидеёси был до крайности развратен. Во время походов, когда неудобно было возить с собою гарем, он назначал особых чиновников, обязанностию которых было собирать каждый вечер по окрестностям молодых и красивых девиц. Когда он был на Киусиу в походе против Симацу, чиновники, по обычаю, отправились на ловлю, но были с бесчестием выгнаны из деревень, населенных христианами. Вечером они доложили об этом Хидеёси, который, по обычаю, был пьян, и взбешенный деспот сейчас же велел изготовить к подписи эдикт об изгнании христианства из страны». Все это чистая ложь. Во всей жизни Хидеёси, изученной нами по лучшим японским историям, мы встретили всего один факт, когда он недобросовестно завладел дочерью своего разливателя чая; но и этот разливатель чая не был христианин.

Автор брошюры, поклонник Конфуция, изучал христианскую веру под руководством одного из протестантских пасторов в Нагасаки. Он адресовался к пастору с заднею мыслию — узнать христианство для того, чтобы потом успешнее напасть на него. Из этого сорта японцев образуются самые ревностные христиане. К сожалению, протестантский миссионер не сумел воспользоваться случаем: зато японец хорошо пользуется полученными уроками, выставляет в самом непривлекательном свете действия протестантских и католических миссионеров и бранит христианство, которого он, разумеется, ни на волос не понял.

Хорошо характеризует положение микадо в этот период следующий случай. Однажды, в правление еще довольно сносного сёгуна, заштатный микадо проходя в носилках по улице Мияко, встретился с одним офицером, который ехал верхом и был навеселе; офицер не думал сворачивать с дороги, между тем как ему следовало это сделать и вдобавок сойти с лошади. Слуги микадо рассердились и стащили офицера с лошади, толкая ему, что проходит по улице не кто другой, как сам ин (так называется заштатный микадо, равно как и другие высокие родственники, поступившие в монахи). «Ин или ину (собака), мне все равно, а я выстрелю», возразил дерзкий офицер, и пустил стрелу в носилки. По жалобе микадо, сёгун, правда, наказал офицера; но интересно знать, как отзывались об этом жители Мияко. «Если при встрече с микадо нужно сходить с лошади, то что ж делать при встрече с самим сёгуном?» в недоумении спрашивали они друг друга. «Следует пойти на голове», отвечали остряки.

В русских газетах, допускающих на свои столбцы известия об Японии, обыкновенно заимствуемые из иностранных газет, удельные князья постоянно называются даймиосами. Это имя составлено неверно. Уж если называть удельных князей японским именем, так следует писать даймёо, не склоняя этого слова. Англичане, по правилам своей грамматики, прибавили к слову даймёо, во множественном числе, букву s, а у нас образовали из этого и в единственном даймёоса и т.д.

Мы решительно затрудняемся определить положение Хидеёси другим словом, да и невозможно. Сами японцы, в продолжении семи веков существования сёогунов, не могли придумать приличного названия для этого странного положения людей власти без титулов. Слово сёогун обращалось в практике с самой глубокой древности, усвояемое, согласно его буквальному смыслу, начальникам войск, и Иоритомо справедливо назывался сёогуном, лишь только собрал армию для борьбы с Таира; но коль скоро он сделался повелителем Японии, в самом строгом смысле этого слова, названием сёогуна никак не могло выразиться его положение. А какое другой название усвоить? Императорские титулы должны были остаться неприкосновенными: посягнуть на них значило бы окончательно низвергнуть императорскую династию, на что Иоритомо не решился. Вводить какой-нибудь новый титул, например короля (воу) (в современной транскрипции Оо (Т.Г.С.-Н.)), тоже довольно опасно: неизвестно, как принял бы это народ, — народ восточный, у которого, что освящено временем, то и свято. Не надежнее ли было остаться, по наружности, при всем старом? Император уже давно был без власти, это не тайна ни для кого — стало быть, забирая в свои руки Японию, Иоритомо не делал ничего нового; сёогун тоже слово известное всем и каждому... Так или иначе, только Иоритомо не счел нужным ломать голову над придумыванием титулов себе и остался с названием, определявшим его отношение лишь к армии, но никак не к Японии вообще. Недостаток этого названия отчасти искупался тем, что с того времени его уже не усвоили собственно начальникам войск: генерал стал единственным лицом в Японии. С течением времени титул сёогуна в глазах народа более и более освящался, и Такаудзи, основатель новой династии верховных повелителей, уже тем более не счел нужным придумывать какое-нибудь новое название для себя. Нобунага не хотел принять сёогунского титула, но и он не мог придумать ничего лучшего, и так и умер без титула. Хидеёси тоже не хотел назваться сёогуном (японские историки говорят, будто император не соглашался дать ему этот титул на том основании, что-де только потомки фамилии Минамото могут пользоваться им; но это, конечно, писано лишь в угоду последней сёогунской династии, Токугава; Нобунага происходил от Таира, а император предлагал же ему титул сёогуна; Мицухиде — самая темная личность, а микадо поспешил же с угодничеством выслать ему сёогунский диплом, лишь только он совершил свое преступление). Но нужно же было назваться как-нибудь. Ему кто-то посоветовал принять титул квамбаку.

— А что такое квамбаку? — спросил он.

— Это первое по императоре лицо; высший сановник в государстве, -объяснили ему.

— А! идет! — ответил он.

Должность квамбаку оказалась занятою каким-то Фудзивара; разумеется, это лицо почтительно и торопливо подало в отставку, и Хидеёси принял титул квамбаку. Но, конечно, этот мирный гражданский титул еще менее мог выразить значение верховного повелителя Японии. И потому следующий за Хидеёси, такой же повелитель, Иеясу, не мудрствуя лукаво, опять вернулся к титулу сёогуна. Между тем, сами японцы постоянно сознавали недостаточность этого титула, и некоторые писатели еще при первых династиях покушались назвать сёогуна тайкуном; но другие решительно восставали против этого на том основании что слово «тайкун» есть лишь китайский перевод слова оогими (великий господин), тоже одного из императорских титулов; и это название никогда не могло получить официального значения; его можно было встретить только в

немногих, самых льстивых сёгунам сочинениях. Уже при заключении трактатов с иностранными державами, когда японским дипломатам нужно было уравнивать сёгуна в названиях с их величествами разных европейских держав, они поторопились усвоить сёгуну титул тайкуна. Но и это как бедно в сравнении с пышными европейскими титулами коронованных особ! Японские официалы много ломали голову, чтобы придумать что-нибудь равнозначщее им, но так и не придумали, с тем сёгунство и покончило свое существование. Кстати заметим, что усвоенные европейцами наименования микадо — духовным императором, а сёгуна — светским, решительно неудачны. Уж лучше бы называть одного — номинальным императором, а другого действительным.

За помощь против Уесунги Иеясу обещал Масамуне лен в миллион коку (в коку больше семи пудов рису), когда сам овладеет Японией. Из этого видно что у Иеясу в то время уже было определенное намерение устранить Хидеёри и овладеть верховною властью. Но это намерение он мог открывать только таким людям, как Масамуне. Последний был тоже одною из замечательнейших личностей этой эпохи. С юных лет он без устали воевал со своими соседями; его мечты далеко не заносились; он не заявлял претензий на сёогунский престол; он лишь хотел добыть себе такой огромный лен, какой только можно, и отдаленность поприща его действий от центральной власти как нельзя более способствовала ему. Уже Хидеёси овладел почти всю Японией и требовал, между прочим, и Масамуне явиться с покорностию, но этот не обращал внимания на призыв до последней крайности: он не то, чтобы хотел противиться, а ему некогда было, — у него были свои счета с соседями, которых он немилосердно общипывал. Впрочем, он всегда умел вовремя явиться с повинной головой, причем, обыкновенно, давал обязательство не обижать соседей; но никто никогда не думал, без особенной крайности, исполнять это обязательство; в случае же обвинений, умел удивительно ловко вывернуться из беды. Так, однажды он был обвинен пред Хидеёси в нарушении спокойствия соседей; без явных улик обвинение, конечно, ничего не значило бы; к несчастью, Хидеёси вдруг неожиданно показывает запирающемуся Масамуне его собственное письмо, которым он подбивал другого князя соединиться с ним против одного из соседей; письмо было скреплено именно печатью виновного. Пристально рассматривает уличенный Масамуне письмо единственным глазом, видит, точно, его печать.

— Удивительно ловко подделано, — замечает он с неподражаемою невинностию.

— Как? Будто и печать не подлинная?

— В этом-то не может быть сомнения; только изумительно как хорошо нынче подделывают печати; вот тут лишь одна черточка не так.

Потребовал Хидеёси для сличения его печать, и точно, черточка почему-то оказалась непохожею. В другой раз, когда не было уже никакой надежды на пощаду, Масамуне явился к Хидеёси с раззолоченным столбом, на котором распинают и умерщвляют самых важных преступников. Кто же станет казнить такого покорного? Из подобных фактов видно, между прочим, что Масамуне не мог иметь особенной симпатии к династии Хидеёси, постоянно стеснявшего его. Но в то же время он не имел и особенных причин ратовать за Иеясу и очень холодно принял его посланца, присланного с предложением союза. Уже когда посланец объявил, что есть особое секретное условие, и когда оказалось что оно заключается именно в обещании миллиона коку, тогда Масамуне заинтересовался и выразил согласие помочь сыну Иеясу против Уесунги. Иеясу дал письменное обязательство выполнить это условие. Но увы! по мере успехов, память Иеясу насчет обязательства постепенно делалась слабее, а Масамуне почему-то не напоминал. Уже при внуке Иеясу, Иемицу, он решился напомнить. Поморщился Иемицу при этой неожиданности: отказать — скандал, а исполнить почти не было средств. Отправился один из сановников двора к Масамуне, попросил показать акт; но лишь только акт выпущен был из рук доверчивым Масамуне, как сановник, со словами: «Этот-то? Да это не больше, как клочок старой бумаги!» быстро разорвал его и бросил в жаровню. Горько засмеялся старый князь и тут же выбранил себя за опрометчивость.

Нихонгвайси, 22 кн. 32 л. Нам случалось встречать у новейших европейских писателей об Японии указание, будто Иеясу вошел лишь в союз с князьями, в котором он был почти совершенно равен им, так что Япония представляла в то время что-то в роде конфедерации почти независимых одно от другого княжеств; в доказательство этой конфедеративности, писатели указывают именно на приведенные 13 правил, называя их договором Иеясу с князьями, но не приводя самих правил, заключенных в недоступных японских книгах. Пусть судят читатели, похожи ли эти правила на договор между двумя свободными сторонами.